

ПОЭЗИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

ХРЕСТОМАТИЯ

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

ПОЭЗИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

ХРЕСТОМАТИЯ

**Москва
2016**

УДК 8
ББК 80/84
П 67

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Составители:

к.ф.н. *О.В. Розинская* (отв. ред.), к.ф.н. *Т.Н. Белова*,
д.ф.н. *А.В. Злочевская*, к.ф.н. *Т.Я. Орлова*, д.ф.н. *А.Г. Шешкен*

Рецензенты:

д.ф.н. А.П. Авраменко, к.ф.н. *Е. Ю. Зубарева*

П 67 Поэзия русского зарубежья: Хрестоматия для вузов /
Составители: О.В. Розинская (отв. ред), Т.Н. Белова,
А.В. Злочевская, Т.Я. Орлова, А.Г. Шешкен. – М.:
Издательство Московского университета, 2016. – 232 с.
ISBN 978-5-19-011158-3

Хрестоматия подготовлена коллективом авторов филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Она составлена в соответствии с программой курса «История литературы русского зарубежья» и служит иллюстративным материалом к учебнику «История литературы русского зарубежья (1920-е – начало 1990-х гг.)», изданному под ред. А.П. Авраменко (2011). В хрестоматию включены стихотворения почти сорока поэтов первой и второй волн русской эмиграции, творчество которых охарактеризовано в учебнике.

Издание адресовано студентам филологических факультетов университетов и любителям русской поэзии.

ISBN 978-5-19-011158-3

© Филологический факультет МГУ
имени М.В. Ломоносова, 2016
© Издательство Московского
университета, 2016

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Русская поэзия первой и второй волн русской эмиграции богата выдающимися талантами. Они сумели сохранить вдали от России культурную традицию, ориентируясь на художественные ценности литературы XIX – начала XX вв., и в то же время привнесли в эту литературу много собственного, оригинального. Эмигрантская поэзия разделилась на поэтов с именем и молодых – тех, кто не успел заявить о себе на родине, чья творческая индивидуальность оформилась уже на чужбине. Культурный потенциал этой литературы огромен. Творчество поэтов-эмигрантов – это особое видение мира.

В последние десятилетия материал литературы русской эмиграции включен в преподавание истории русской литературы XX века. В ряде университетов, в том числе в МГУ имени М.В. Ломоносова, он читается отдельным курсом. Опубликована программа этого курса, издан учебник «История литературы русского зарубежья (1920-е – начало 1990-х гг.)» под редакцией профессора А.П. Авраменко (изд-во «Академический проект»; М., 2011). Это наиболее полный в настоящее время по охвату материала учебник, систематизирующий и концептуально освещающий специфический и богатый поток русской литературы XX века.

Хрестоматия по поэзии русского зарубежья подготовлена коллективом учебно-научного центра «Культура русского зарубежья» и научно-исследовательской лаборатории «Русская литература в современном мире». Хрестоматия составлена в соответствии с программой и ориентирована на данный учебник. Она является его важным дополнением. В хрестоматии представлен внушительный список имен поэтов русской эмиграции первой и второй волны. Среди них есть прославленные, известные авторы, произведения которых широко издавались (К. Бальмонт, З. Гиппиус, В. Иванов, Б. Поплавский, И. Северянин, В. Ходасевич, М. Цветаева, И. Одоевцева, В. Набоков). Но есть и те, чьи стихи труднодоступны.

Не все произведения равноценны в художественном отношении, но они важны для общего ознакомления с творчеством русских поэтов эмиграции. Как во всяком издании хрестоматийного типа, отбор стихотворений не может быть сделан со всей полнотой и бесспорностью.

Различие объема биографических статей объясняется тем, что наибольшее внимание было уделено поэтам, имена которых практически забыты.

Данное издание не включает в себя произведения поэтов третьей волны эмиграции. В хрестоматию вошел лишь тот поэтический материал, который может быть оценен с определенной исторической перспективы.

Данная хрестоматия поможет студентам в освоении курса истории литературы русского зарубежья и облегчит им подготовку к экзамену. Существующие антологии поэзии русских эмигрантских поэтов ставили перед собой иные цели, они подчас слишком объемны и составлены достаточно субъективно.

РУССКИЕ ПОЭТЫ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» ЭМИГРАЦИИ

<i>Адамович Г.В.</i>	16
«Ни с кем не говори. Не пей вина...».....	16
«Когда мы в Россию вернемся...».....	16
«Всю ночь слова перебираю...».....	17
«У дремлющей паркы в руках...».....	17
«За все, за все спасибо. За войну...».....	17
<i>Бальмонт К.Д.</i>	18
Здесь и там.....	19
Прощание с деревом.....	19
Узник.....	20
Только.....	21
1. Сквозная сеть.....	21
2. Я люблю тебя.....	21
Русский язык.....	22
Заветная рифма.....	24
<i>Бунин И.А.</i>	25
«Уж ветер шарит по полю пустому...».....	25
Ночь.....	26
Канарейка.....	26
«У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...».....	27
«Печаль ресниц, сияющих и черных...».....	27
1885 год.....	27
Петух на церковном кресте.....	28
«Опять холодные седые небеса...».....	28
«Шепнуть заклятие при блеске...».....	28
«Душа, по старине, еще надежд полна...».....	29
<i>Гиппиус З.Н.</i>	29
Зеркала.....	29
Грех.....	30
Стихотворный вечер в «Зеленой лампе».....	30
«К простоте возвращаться – зачем?...».....	31
<i>Голенищев-Кутузов И.Н.</i>	31
«Бежит ковыль, трепещут травы...».....	32
Стансы.....	32
Провал в Пятигорске.....	33

«Все те же сны во тьме пресуществленья...».....	33
Веер.....	34
Петрарка.....	35
«Не говори о страшном, о родном...».....	35
Сады Гесперид.....	36
Jardin de Luxemburg.....	36
«На Восток от солнца, на Запад от луны...».....	37
Архангел Меридиана (Шартрский собор).....	37
<i>Иванов Г.В.</i>	38
«Синеватое облако...».....	38
«Хорошо, что нет Царя...».....	39
«Россия счастье. Россия свет...».....	39
«Мелодия становится цветком...».....	40
«Распыленный миллионом мельчайших частиц...».....	40
«Было все – и тюрьма, и сума...» (Из цикла «Посмертный дневник»).....	41
«А что такое вдохновенье?...».....	41
«Ликование вечной, блаженной весны...».....	41
<i>Кондратьев А.А.</i>	41
«Серебрится зеленый овес...».....	42
«Посмотри: зазеленели горы...».....	43
«Слышишь ветра холодного пение...».....	43
8 февраля.....	43
«Вот вещи нужные для творчества поэтам...».....	44
«Обиталище душ, отрешенных от тела...».....	44
<i>Несмелов А.И.</i>	
Оборотень.....	46
«Муза бега, бешеная муза!..».....	47
Сова.....	47
О России.....	48
Стихи о Харбине.....	49
Потомку.....	51
Разрыв.....	52
<i>Оленин К.И.</i>	53
Среди развалин.....	53
В альбом Софии Бобер (из Ю. Словацкого).....	53
Четвероногому другу.....	54

<i>Оцун И.А.</i>	54
«...А все же мы не все ожесточились...».....	54
«Не диво – радио: над океаном...».....	55
«Вот барина оставили без шубы...».....	56
«Душа моя, и в небе ты едва ли...».....	56
«В неровный век без имени и стиля...».....	57
«Где снегом занесенная Нева...».....	58
«Я поражаюсь уродливой цельности...».....	58
«Есть свобода – умирать...».....	58
«Есть в одиночестве такая полоса...».....	59
<i>Ратгауз Д.М.</i>	59
«Жизнь промелькнула быстрее сновидения...».....	59
В вагоне.....	60
«Я не знаю, я не помню...».....	60
«Не ищи ничего...».....	60
«Зима, и вьюга, и мороз...».....	61
«В эти дни так много горя...».....	61
<i>Северянин И.В. (наст. фам. И.В. Лотарев)</i>	62
Народный суд.....	62
«Вот и уехала. Была – и нет...».....	63
Без нас.....	63
«Что шепчет парк...».....	64
Классические розы.....	64
Стихи о Москве.....	65
Грустный опыт.....	65
<i>Ходасевич В.Ф.</i>	66
«Горит звезда, дрожит зефир...».....	66
Баллада.....	66
«Ни жить, ни петь почти не стоит...».....	68
«Покрова Майи потаенной...».....	68
«Большие флаги над эстрадой...».....	68
«Жив Бог! Умен, а не заумен...».....	69
Берлинское.....	70
Петербург.....	70
Памятник.....	71
«Не ямбом ли четырехстопным...».....	71
<i>Цветаева М.И.</i>	72
«Сивилла: выжжена, сивилла: ствол...»	
(Из цикла «Сивилла»).....	73

Душа.....	74
«Поэт – издалека заводит речь...» (Из цикла «Поэт»).....	74
Любовь.....	75
Лучина.....	75
«Бич жандармов, бог студентов...» (Из цикла «Стихи к Пушкину»).....	76
«Вскрыла жилы: неостановимо...».....	78
«О поэте не подумал...».....	78
«Рябину...».....	78
«Тоска по родине! Давно...».....	79
Из цикла «Стихи к Чехии»:	
6. «Брали – скоро и брали – щедро...».....	80
11. «Не умрешь, народ!...».....	80
Поэма горы.....	81
<i>Саша Черный</i>	87
«Тех, кто страдает гордо и угрюмо...».....	87
Мираж.....	88
Весна на Крестовском (Из цикла «Русская Помпея»).....	89
«Ах, зачем нет Чехова на свете!...».....	90
Вне книги. Мой роман.....	91
Диана (Из цикла «Эмигрантский уезд»).....	92
ПОЭТЫ МЛАДШЕГО ПОКОЛЕНИЯ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» ЭМИГРАЦИИ	
<i>Бем И.А.</i>	93
Орфей.....	94
«О, если б знать, о, если бы предвидеть...».....	94
«Каждый день приносит новые тревоги...».....	94
«О, если б сон, о, если б сон без снов!...».....	95
<i>Бранд В.В.</i>	95
«Синей небесной дали краски...».....	95
У заутрени.....	96
Г.С. Семенову («В этот душный, в этот пьяный вечер...»).....	97
В лесу.....	97
<i>Божнев Б.Б.</i>	97
«А если Муза станет проституткой...».....	97
«Неблагодарность – самый черный грех...».....	97

«Сокрыта звучная струя...».....	98
«Средь страшной дикой бури соловей...».....	98
«Как утомленный почтальон...».....	99
«Я улицу покинул Ламартина...».....	100
«Кагушка ниток – шелковая бочка...».....	100
«О, не смотри в оконную дыру...».....	101
«Не трогайте мои весы...».....	101
«В четвертом этаже играют Баха...».....	102
«Подобно крысам с корабля...».....	102
«Струя прохладная поет...».....	103
«Не воздвигайте мне креста...».....	103
«Бегут на вечный берег аксиомы...».....	103
«Слабеет море сил моих земных...».....	103
<i>Гингер А.С.</i>	104
Факел.....	104
Шар.....	106
Тибетская песня.....	106
Сердце.....	107
Весть.....	108
Мания преследования.....	109
Слезы.....	110
Сестра.....	110
Спокойствие.....	111
Доверие.....	111
Анне Присмановой.....	112
<i>Головина А.С.</i>	112
Одесские взрывы (1918 года).....	112
М. Цветаевой.....	113
«Боже мой, печалиться не надо...».....	114
Брюгге.....	114
4 апреля (Юбилейная поэма 1922–1932).....	115
«Сумасшедший дом. Аккуратный парк...».....	116
«В этом мире, где много печали...».....	117
«Открылся край седого неба...».....	117
«Покоя не находят...».....	117
Во дворе.....	118
<i>Гомолицкий Л.Н.</i>	119
«Не все ль равно, по старым образцам...».....	120
Земной рай.....	120

Отрывок из поэмы «Варшава».....	120
<i>Кнорринг И.Н.</i>	122
Мыши.....	122
<i>Довид Кнут</i>	123
«Я вышел. Вкруг меня, как по приказу...».....	123
Восточный танец.....	124
«...Нужны были годы, огромные древние годы...».....	125
Кишиневские похороны («Я помню тусклый кишиневский вечер...»)	125
Рош-Пина.....	127
Прародина (Из палестинского цикла)	
Хайфа.....	128
П.....	128
Цфат.....	129
Метулла.....	129
Земля Израильская.....	130
<i>Кроткова Х.П.</i>	131
Предание.....	131
«Ты от меня улетишь, как осенняя птица...».....	132
«Знаю: телу нужен воздух...».....	132
«Твоей нерадостной страны...».....	132
«Забывтый ветер на песках...».....	132
<i>Лебедев В.М.</i>	133
Стихи о крыльях.....	133
Ю. Мандельштам («Ты протянешь мне руку, и жар расставанья...»)	134
Арион.....	135
Море.....	135
Серенада.....	136
Ножницы Далилы.....	136
Сумасшедшие.....	136
Вокзальное Рождество.....	137
На перевале.....	138
Пролог.....	138
<i>Набоков В.В.</i>	139
Достоевский.....	139
Бабочка (<i>Vanessa antiopa</i>).....	140
«Вдохновенье – это сладострастье...».....	140
Смерть.....	140

Из книги «Возвращение Чобра».	
Расстрел.....	141
Стихи из романа «Дар»	
«Благодарю тебя, отчизна...».....	141
«Из темноты, для глаз всегда неожиданно...».....	142
Из сборника «Poems and Problems»	
Лилит.....	142
К России.....	144
<i>Одоевцева И.В.</i>	145
«В окнах светится крест аптеки...».....	145
«Из счастья не вышло ничего...».....	146
«Над зеленой высокой осокой скамья...».....	146
Андрею Седых	
(«Дождь шумит по грифельной крыше...».....)	146
«Вечность? Но вечности нет...».....	147
«В руках жасминовый букет...».....	147
«Да, бесспорно, жизни начало...».....	148
«Ни спора с судьбой. Ни укора...».....	148
«В те баснословные года...».....	148
<i>Поплавский Б.Ю.</i>	149
Флаги.....	149
Армейские стансы – 2.....	150
Сентиментальная демонология.....	150
Ангелы Ада.....	151
Артуру Рембо.....	152
Черная Мадонна.....	154
Морелла I.....	155
Морелла II.....	156
«Мир был темен, холоден, прозрачен...».....	156
<i>Присманова А.С.</i>	157
«Так уходят в сумрак поезда...».....	158
Кровь и кость.....	158
Сирена.....	159
«На карте мира муза Кантемира...».....	159
Осенняя почта.....	160
Пламя.....	161
Карандаш.....	161
«Жаждет влаги обугленный бор...».....	162

Владиславу Ходасевичу («Разве помнит садовник, откинувший стекла к весне...»)	162
Листья	162
Бабушка	163
Раковина	164
<i>Ставров П.С.</i>	165
Афиша	165
Кафе	165
Река	166
«Не озареньем, не событиями...»	166
Ровно в восемь	167
Дробь джаза	167
«...не счесть потерь...»	168
<i>Чегринцева Э.К.</i>	169
Скульптор	169
Прага	170
«Ближе утро. Нехотя и вяло...»	170
«В глухое море площадей...»	171
<i>Червинская Л.Д.</i>	172
«Жить в трезвости и в созерцаньи...»	172
«Уже давно из-за угла...»	172
«Жизнь не похожа на мечты...»	173
«Те, которых не осудят...»	173
«Раннее солнце за красною шторой...»	174
«Холодные, длинные майские дни...»	174
А. Гингеру («Темный август. Солнца нет следа...»)	175
«Я жду твоего возвращенья...»	175
«Лишь мысль об одном постоянна...»	176
1945	176
«Все продолжалось и после потопа...»	177
«То, что около слез. То, что около слов...»	177
РУССКИЕ ПОЭТЫ «ВТОРОЙ ВОЛНЫ» ЭМИГРАЦИИ	
<i>Елагин И.В.</i>	178
«Пока не заткнули кляпом...»	179
«Нынче я больше уже не надеюсь на чудо...»	180
«Мне незнакома горечь ностальгии...»	181
«В различных проявленях бытия...»	181
«Не в строчке хорошей тут дело...»	181

«Не была моя жизнь неудачей...».....	183
«Ты сказал мне, что я под счастливой родился звездой...».....	183
«Вот она – эпоха краха...».....	184
«Еще много хороших вещей на земле...».....	185
«Неужели же нет первозданных, осмысленных слов?...».....	186
<i>Иваск Ю.П.</i>	186
Сан Мигель Де Альенде.....	187
Венеция.....	188
Салоники.....	188
Тонанцингла.....	189
Мандельштам.....	190
Ассизы.....	190
«Душу что – ублажить, унежить...».....	190
Гласные.....	191
Акробат.....	191
Бесприданница.....	192
Марина Цветаева.....	192
Кругозор.....	193
<i>Кленовский Д.И.</i>	193
Прохлада.....	194
Долг моего детства.....	194
«Корзина с рыжиками на локте...».....	195
«Пирог с грибами стынет на столе...».....	195
Не забытое, не прощенное.....	196
«О, только бы припомнить голос твой...».....	197
«Как много есть прекрасного на свете...».....	198
Царскосельская гимназия.....	199
«Я думал до сих пор, что наша...».....	199
«Нет, и всматриваться не стоит!..».....	200
«На италийском мраморе плиты...».....	200
Первая любовь.....	201
«Благословенна простота...».....	201
«В плену снегов поля лежат...».....	202
На чердаке.....	203
Дома.....	204
Муза.....	205
«Есть роковая дрожь. Не тела, а души...».....	206

«Может быть...».....	206
«Работай только на вечность...».....	207
Незнание.....	207
<i>Моршен Н.Н.</i>	208
Тюлень.....	209
«Как круги на воде, расплывается страх...».....	210
Последний лист.....	211
«За каждой гранью – свое мирозданье...».....	211
«Поэты атомного племени...».....	212
Белым по белому.....	212
Перевертень.....	213
Норма брака.....	213
Проба пера.....	213
Стихи и стихии.....	214
«Ледники и морены...».....	214
О звездах.....	215
Поэт в Америке.....	216
Другу стихотворцу.....	216
В защиту сорных трав.....	217
Неизвестному автору.....	217
Морской волк. Из Джона Мейсфилда.....	218
«Он прожил мало: только сорок лет...».....	218
<i>Нарциссов Б.А.</i>	218
Подражание Пушкину.....	219
«Тянулись дни томительно, как слизи...».....	220
Verso la fine del Camin de mia vita.....	220
«В кристальных сферах хладных числ...».....	220
Память.....	221
Отрицательный мир.....	221
«На себя натянула туманом воздуха...».....	221
Timeless land.....	222
Южас.....	222
Сон о трубе.....	223
<i>Чиннов И.В.</i>	223
«Медленно меркнет мой путь...».....	224
«Мы были в России – на юге, в июле...».....	225

«Здесь пахнет лазурью,ты знаешь?	
Здесь пахнет лазурью...».....	225
«Холодеет душа, и близится сумрак...».....	225
«Слушая розовый сумрак смуглых ладоней...».....	226
«Я помню пшеницу, ронявшую зерна...».....	226
«Увядает над миром огромная роза сиянья...».....	227
«Облака облачаются...».....	227
«За музыку полуденного зноя...».....	227
«Да, недужится, неможется...».....	228
«Душа становится далеким русским полем...».....	228
«Мы положим на чашу весов...».....	228
«Случайно случившийся случай. Смешки!...».....	229
«Дни мои, бедная горсточка риса...».....	230
«В Россию – ветром – строчки занесет...».....	230
«За тридцать небес твоя хата с краю...».....	231
«Я недавно коробку сардинок открыл...».....	231

РУССКИЕ ПОЭТЫ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» ЭМИГРАЦИИ

АДАМОВИЧ Г.В.

Адамович Георгий Валентинович (1892, Москва – 1972, Ницца) – поэт, литературный критик, эссеист. Родился в семье военного врача, начальника госпиталя. В 1903 г. семья переехала в Петербург. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Писать начал рано. С 1913 г. участвовал в Цехе поэтов. Поэтическое творчество невелико. Издал четыре сборника: «Облака» (Пг., 1916), «Чистилище» (Пг., 1922) и, уже в эмиграции, «На Западе» (Париж, 1939), «Единство» (Нью-Йорк, 1967). Критики считали лучшим сборник «На Западе».

Тексты стихотворений взяты из:

Адамович Г. Полное собрание стихотворений. СПб., 2005.

Ни с кем не говори. Не пей вина.
Оставь свой дом. Оставь жену и брата.
Оставь людей. Твоя душа должна
Почувствовать – к былому нет возврата.
Былое надо разлюбить. Потом
Настанет время разлюбить природу,
И быть все безразличней, – день за днем,
Неделю за неделей, год от году.
И медленно умрут твои мечты.
И будет тьма кругом. И в жизни новой
Отчетливо тогда увидишь ты
Крест деревянный и венок терновый.

1923

* * *

Когда мы в Россию вернемся... о, Гамлет восточный, когда? –
Пешком, по размытым дорогам, в стоградусные холода,
Без всяких коней и триумфов, без всяких там кликов, пешком,
Но только наверное знать бы, что вовремя мы добредем...
Больница. Когда мы в Россию... колышется счастье в бреду,
Как будто «Коль славен» играют в каком-то приморском саду,
Как будто сквозь белые стены, в морозной предутренней мгле
Колышутся тонкие свечи в морозном и спящем Кремле.

Когда мы... довольно, довольно. Он болен, измучен и наг.
Над нами трехцветным позором полощется нищенский флаг,
И слишком здесь пахнет эфиром, и душно, и слишком тепло.
Когда мы в Россию вернемся... но снегом ее замело.

Пора собираться. Светает. Пора бы и двигаться в путь.
Две медных монеты на веки. Скрещенные руки на грудь.

1930

* * *

Всю ночь слова перебираю,
Найти ни слова не могу.
В изнеможенье засыпаю
И вижу реку всю в снегу.
Весь город наш, навек единый,
Край неба бледно-райски-синий
И на деревьях райский иней...

Друзья! Слабеет в сердце свет,
А к Петербургу рифмы нет.

* * *

(У дремлющей парки в руках,
Где пряжи осталось так мало...)
Нет, разум еще не зачах,
Но сердце... но сердце устало.
Беспомощно хочет любить,
Бессмысленно ищет забыться...
(...И длится тончайшая нить,
Которой не надо бы длиться).

* * *

За все, за все спасибо. За войну,
За революцию и за изгнание.
За равнодушно-светлую страну,
Где мы теперь «влачим существованье».

Нет доли сладостней – все потерять.
Нет радостней судьбы – скитальцем стать,
И никогда ты к небу не был ближе,
Чем здесь, устав скучать,
Устав дышать, без сил, без денег,
Без любви,
В Париже...

1930

БАЛЬМОНТ К.Д.

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867, д. Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губ. – 1942, Нуази-ле-Гран, Франция) – поэт, переводчик, эссеист. Один из патриархов русского символизма.

Родился в семье владимирского помещика. Окончил гимназию во Владимире, учился на юридическом факультете Московского университета, но в 1886 г. был исключен из университета за участие в студенческих беспорядках. В печати выступил в 1885 г. – в петербургском журнале «Живописное обозрение» (№ 48, 1 дек.). В 1890 г. выходит его первый «Сборник стихотворений» (Ярославль). Настоящая известность пришла к Бальмонту спустя десять лет, когда он, наряду с В. Брюсовым, стал одним из лидеров нарождавшейся символистской литературы. С 1906 по 1913 г. жил за границей – в различных странах Европы, побывал в Мексике, Египте, на Ближнем Востоке, в Южной Африке, Индии, на Цейлоне, в Австралии, Новой Зеландии, Индонезии, Океании, Японии.

Приветствовал Февральскую революцию, но Октябрьскую категорически не принял. В 1920 г. уехал во Францию, в 1921-м перешел на положение эмигранта. Жил (недолго) в Париже, затем в Бретани, Капбретоне, в 1927 г. побывал в Польше, Чехословакии.

Зарубежные издания Бальмонта – цикл «Мысли о творчестве» (Париж, 1921, № 1), 2-е изд. сборника «Сонеты солнца, меда и луны» (Берлин, 1921), «Избранные стихотворения» (Нью-Йорк, 1920), «Дар земле» (Париж, 1921), «Светлый час: Избранные стихи» (Париж, 1921), «Птицы в воздухе» (Париж, 1921), «Гамаюн» (Стокгольм, 1921), «Марево» (Париж, 1922), «Видение родного» (Париж, 1922), роман «Под новым серпом» (Берлин, 1923), сб. рассказов «Воздушный путь» (Берлин, 1923), книга очерков «Где мой дом» (Прага, 1924), «Мое – Ей: Россия» (Прага, 1924), «В раздвинутой дали: Поэма о России» (Белград, 1929), сб. эссе «Соучастие душ» (София, 1930), поэтические циклы «Северное сияние» (Париж, 1931), «Голубая подкова: Стихи о Сибири, 1916–1928» (Чураевка; Саузбери, 1936), «Светослужение» (Харбин, 1937).

В эмигрантский период были переизданы переводы Бальмонта – книги путешествий: «Из мировой поэзии» (Берлин, 1921), «Зовы древности» (Берлин, 1923). В Париже, в 1923 г., на французском языке в авторизованном переводе вышла кн. очерков «Visions solaires: Mexique – Egypte – Inde – Japon – Oceanic». Результатом творческих контактов с литераторами Польши, Чехии, Болгарии, Литвы явились переводы их произведений: «Книга смиренных» Яна Каспровича (Варшава, 1928), «Избранные стихи Ярослава Врхлицкого» (Прага, 1928), «Золотой сноп

болгарской поэзии» (София, 1930), «Северное сияние: Стихи о Литве и Руси» (Париж, 1931) «Носящий барсову шкуру» (Париж, 1933; перевод поэмы Шота Руставели, впервые был издан в Москве в 1917 г.), «Слово о полку Игореве» («Россия и славянство» 1930. 14 июня).

Тексты стихотворений взяты из:
Бальмонт К. В раздвинутой дали. Поэма о России. Белград, 1929.

Здесь и там

Здесь гулкий Париж – и повторны погудки,
Хотя и на новый, но ведомый лад.
А там на черте бочагов – незабудки,
И в чаще – давнишний алкаемый клад.
Здесь вихри и рокоты слова и славы,
Но душами правит летучая мышь.
Там в прямом цветенье болотные травы,
Безбрежное поле, бездонная тишь.
Здесь в близком и в точном – расчисленный разум.
Чуть глянут провалы – он шепчет: «Засыпь!»
Там стебли дурмана с их ядом и сглазом,
И стонет в болотах зловещая выпь.
Здесь вежливо холодно к Бесу и к Богу,
И путь по земным направляют звездам.
Молю тебя, Вышний, построй мне дорогу,
Чтоб быть мне хоть мертвым в желаемом Там.

Прощание с деревом

Я любил вознесенное сказками древо,
На котором звенели всегда соловьи,
А под деревом раскинулось море посева,
И шумели колосья, и пели ручьи.
Я любил переклички, от ветки до ветки,
Легкокрылых, цветистых, играющих птиц.
Были древние горы ему однолетки,
И ровесницы – степи, и пряжа зарниц.
Я любил в этом древе тот говор вершинный,
Что вещает пришествие близкой грозы,
И шушанье листвы перекадно-лавинной,
И паденье заоблачной первой слезы.
Я любил в этом древе с ресницами Вия,

Между мхами, старинного лешего взор.
Это древо в веках называлось Россия,
И на ствол его – острый наточен топор.

Узник

В соседнем доме
Такой же узник,
Как я, утративший
Родимый край, –
Крылатый, в клетке,
Сердитый, громкий,
Весь изумрудный
Попугай.
Он был далёко,
В просторном царстве
Лесов тропических,
Среди лиан, –
Любил, качался,
Летал, резвился,
Зеленый житель
Зеленых стран.
Он был уловлен,
Свершил дорогу –
От мест сияющих
К чужой стране.
В Париже дымном
Свой клюв острит он
В железной клетке
На окне.
И о себе ли,
И обо мне ли
Он в размышлении, –
Зеленый знак.
Но только резко
От дома к дому
Доходит возглас:
«Дурак! Дурак!»

Только

Ни радости цветистого Каира,
Где по ночам напевен муэzzин,
Ни Ява, где живет среди руин,
В Боро-Будур, Светильник Белый мира,
Ни Бенарес, где грозового пира
Желает Индра, мча огнистый клин
Средь тучевых лазоревых долин,
Ни все места, где пела счастьем лира,
Ни Рим, где слава дней еще жива,
Ни имена, чей самый звук – услада,
Тень Мекки, и Дамаска, и Багдада, –
Мне не поют заветные слова,
И мне в Париже ничего не надо.
Одно лишь слово нужно мне: Москва.

1. Сквозная сеть

Дохнуть в напев порывным ветром, полным длительности,
Шуршаньем листьев, духом ландыша в тени,
Качнуть мечту, ее качать до утомительности,
Истомы сладкой разбросать по ней огни.
Журчать стихом, как бы вечерними кузнечиками,
Манить любовь, роняя в тень неверный свет,
Пока малютка, истомясь, не дрогнет плечиками,
И, «Да» почувяв, своенравно бросить: «Нет!»
Не веря ей, продлить всю вкрадчивость гадательности,
Любовь любя, влюблять, влюбляться и любить,
В густых ресницах, в зыби их и в их мечтательности,
Прочесть, что счастье в мире дышит, может быть.

2. Я люблю тебя

Я люблю тебя больше, чем Море, и Небо, и Пенie,
Я люблю тебя дольше, чем дней мне дано на земле.
Ты одна мне горишь, как звезда в тишине отдаления,
Ты корабль, что не тонет ни в снах, ни в волнах, ни во мгле.
Я тебя полюбил, неожиданно, сразу, нечаянно
Я тебя увидел – как слепой вдруг расширит глаза
И, прозрев, поразится, что в мире изваянность спаяна,
Что избыточно вниз, в изумруд, излилась бирюза.
Помню. Книгу раскрыв, ты чуть-чуть шелестела страницами.

Я спросил: «Хорошо, что в душе преломляется лед?»
Ты блеснула ко мне, вмиг узревшими дали, зеницами.
И люблю – и любовь – о любви – для любимой – поет.

<1933>

Тексты стихотворений взяты из:
Бальмонт К. Избранное. М., 1983.

Русский язык

Язык, великолепный наш язык.
Речное и степное в нем раздолье,
В нем клекоты орла и волчий рык,
Напев, и звон, и ладан богомолья.
В нем воркованье голубя весной,
Взлет жаворонка к солнцу – выше, выше.
Березовая роща. Свет сквозной.
Небесный дождь, просыпанный по крыше.
Журчание подземного ключа.
Весенний луч, играющий по дверце.
В нем Та, что приняла не взмах меча,
А семь мечей в провидящее сердце.
И снова ровный гул широких вод.
Кукушка. У колодца молодежи.
Зеленый луг. Веселый хоровод.
Канун на небе. В черном – бег зарницы.
Костер бродяг за лесом, на горе,
Про Соловья-разбойника былины.
«Ау!» в лесу. Светляк в ночной поре.
В саду осеннем красный гроздь рябины.
Соха и серп с звенящею косой.
Сто зим в зиме. Проворные салазки.
Бежит савраска смирною рысцей.
Летит рысак конем крылатой сказки.
Пастуший рог. Жалейка до зари.
Родимый дом. Тоска острее стали.
Здесь хорошо. А там – смотри, смотри.
Бежим. Летим. Уйдем. Туда. За дали.
Чу, рог другой. В нем бешеный разгул.
Ярит борзых и гончих доезжачий.

Баю-баю. Мой милый. Ты уснул?
Молюсь. Молись. Не вечно неудачи.
Я снаряжу тебя в далекий путь.
Из тесноты идут вразброд дороги.
Как хорошо в чужих краях вздохнуть
О нем – там, в синем, – о родном пороге.
Подснежник наш всегда прорвет свой снег.
В размах грозы сцепляются зарницы.
К Царь-граду не ходил ли наш Олег?
Не звал ли в полночь нас полет Жар-птицы?
И ты пойдешь дорогой Ермака,
Пред недругом вскричишь: «Теснее, други!»
Тебя потопит ледяная река,
Но ты в века в ней выплывешь в кольчуге.
Поняв, что речь речного серебра
Не удержать в окованном вертепе,
Пойдешь ты в путь дорогою Петра,
Чтоб брызг морских добросить в лес и в степи.
Гремучим сновиденьем наяву
Ты мысль и мощь сольешь в едином хоре,
Венчая полноводную Неву
С Янтарным морем в вечном договоре.
Ты клад найдешь, которого искал,
Зальешь и запоешь умы и страны.
Не твой ли он, колдующий Байкал,
Где в озере под дном не спят вулканы?
Добросил ты свой гулкий табор-стан,
Свой говор златозвонкий, среброкрылый,
До той черты, где Тихий океан
Заворожил подсолнечные силы.
Ты вскрикнул: «Пушкин!» Вот он, светлый бог,
Как радуга над нашим водоемом.
Ты в черный час вместишься в малый вздох.
Но Завтра – встанет! С молнией и громом!

1924

Заветная рифма

Не Пушкин, за ямбами певший хореи,
Легчайший стиха образец,
Не Фет, иссекавший в напевах камеи,
Усладу пронзенных сердец,
Не Тютчев, понявший созвучия шума,
Что Хаос родит по ночам,
Не Лермонтов – весь многозвездная дума,
Порыв, обращенный к мечам,
Не тот многомудрый, в словах меткострельный,
Кем был Баратынский для нас, –
Меня научили науке свирельной,
Гранили мой светлый алмаз.
Хореи и ямбы с их звуком коротким
Я слышал в журчанье ручьев,
И голубь своим воркованием кротким
Учил меня музыке слов.
Качаясь под ветром, как в пляске, как в страхе,
Плакучие ветви берез
Мне дали певучий размер амфибрахий,
В нем вальс улетающих грез.
И дактиль я в звоне ловил колокольном,
И в марше солдат – анапест.
Напевный мой опыт был с детства невольным,
Как нежность на лице невест.
В саду, где светили бессмертные зори
Счастливых младенческих дней,
От липы до липы, в обветренном хоре,
Качались шуршанья ветвей.
Близ нивы беседовал сам я с собою,
И видел в колосьях намеки,
И рифмою чудился мне голубою
Среди желтизны василек.
В горячем июле, в пробегах безгласных,
Качавших полнеба зарниц,
Читал я сказанья о странах прекрасных,
Где райских увижу я птиц.
В звучанье ли долгом пастушьего рога,
В громах ли – всё звонче, светлей –
Мне слышались, снились напев и дорога,

И я полюбил журавлей.
Свершилось. Дорога моя беспредельна.
Певучие – песни мои.
Хваленье, что пели вы мне колыбельно,
В далекой деревне ручьи.
Быть может, дадутся другому удачи
Полней и светлей, чем моя.
Но мир облетел я. И как же иначе
Крылатым ответил бы я?
Я видел всю Землю от края до края,
Но сердцу всех сказок милей,
Как в детстве, та рифма моя голубая
Широкошумящих полей.

1924

БУНИН И. А.

Бунин Иван Алексеевич (1870, Воронеж – 1953, Париж) – великий русский писатель, лауреат Нобелевской премии, получивший всемирное признание как прозаик, – начинал как поэт. Обращался к стихам и позднее. Первое стихотворение «Над могилой Надсона» появилось в печати в 1887 г. Первая книга – «Стихотворения» (1891). Нередко стихи и прозу издавал вместе, под одной обложкой (сборник «Стихи и рассказы», 1900). Эмигрировал во Францию в 1920 г. За рубежом к нему пришла мировая известность. Его первый поэтический сборник «Роза Иерихона» появился в печати в 1924 г. В 1929 г. опубликована книга «Избранные стихи». В 1952 г. выпустил большой сборник «Избранные стихи» (Париж, 1952).

Тексты стихотворений взяты из:

Бунин И.А. Стихотворения и переводы. М., 1985.

Уж ветер шарит по полю пустому,
Уж завернули холода,
И как отратно на сердце, когда
Идешь к своей усадьбе, к дому,
В студеный солнечный закат.
А струны телеграфные гудят
В лазури водянистой, и рядами
На них молоденькие ласточки сидят.
Меж тем как тучи дикими хребтами
Зимой с севера грозят!

Как хорошо помедлить на пороге
Под этим солнцем, уж скупым, –
И улыбнуться радостям былым
Без сожаленья и тревоги!

Ночь

Ледяная ночь, мистраль
(Он еще не стих).
Вижу в окна блеск и даль
Гор, холмов нагих.
Золотой недвижный свет
До постели лег.
Никого в подлунной нет,
Только я да Бог.
Знает только Он мою
Мертвую печаль,
То, что я от всех таю...
Холод, блеск, мистраль.

1952

Тексты стихотворений взяты из:
Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1987.

Канарейка

На родине она зеленая...
Брэм

Канарейку из-за моря
Привезли, и вот она
Золотая стала с горя,
Тесной клеткой пленена.
Птицей вольной, изумрудной
Уж не будешь – как ни пой
Про далекий остров чудный
Над трактирную толпой!

1921

* * *

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!
У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом
С своей уж ветхою котомкой!

1922

* * *

Печаль ресниц, сияющих и черных,
Алмазы слез, обильных, непокорных,
И вновь огонь небесных глаз,
Счастливых, радостных, смиренных, —
Все помню я... Но нет уж в мире нас,
Когда-то юных и блаженных!
Откуда же являешься ты мне?
Зачем же воскресаешь ты во сне,
Несрочной прелестью сияя,
И дивно повторяется восторг,
Та встреча, краткая, земная,
Что Бог нам дал и тотчас вновь расторг?

1922

1885 год

Была весна, и жизнь была легка.
Зияла адом свежая могила,
Но жизнь была легка, как облака,
Как тот дымок, что веял из кадила.
Земля, как зацветающая новь,
Блаженная, лежала предо мною —
И первый стих и первая любовь
Пришли ко мне с могилой и с весною.
И это ты, простой степной цветок,
Забывтый мной, отцветший и безвестный,

На утре дней моих попрала смерть, как Бог,
И увела в мир вечный и чудесный!

1922

Петух на церковном кресте

Плывет, течет, бежит ладьей,
И как высоко над землей!
Назад идет весь небосвод,
А он вперед – и все поет.
Поет о том, что мы живем,
Что мы умрем, что день за днем
Идут года, текут века –
Вот как река, как облака.
Поет о том, что все обман,
Что лишь на миг судьбою дан
И отчий дом, и милый друг,
И круг детей, и внуков круг,
Что вечен только мертвых сон,
Да Божий храм, да крест, да он.

1922

* * *

«Опять холодные седые небеса,
Пустынные поля, набитые дороги,
На рыжие ковры похожие леса
И тройка у крыльца, и слуги на пороге...»
– Ах, старая наивная тетрадь!
Как смел я в те года гневить печалью Бога?
Уж больше не писать мне этого «опять»
Перед счастливою осеннею дорогой!

1923

* * *

Шепнуть заклятие при блеске
Звезды падучей я успел.
Да что изменит наш удел?
Все те же топи, перелески,
Все та же полночь, дичь и глушь...

А если б даже Божья сила
И помогла, осуществила
Надежды наших темных душ,
То что с того?
Уж нет возврата
К тому, чем жили мы когда-то.
Потерь не счесть, не позабыть,
Пощечин от солдат Пилата
Ничем не смыть – и не простить,
Как не простить ни мук, ни крови,
Ни содроганий на кресте
Всех убиенных во Христе,
Как не принять грядущей нови
В ее отвратной нагоде.

* * *

Душа, по старине, еще надежд полна,
Но только прошлое ей мило –
И мнится: лишь для тех ей жизнь была дана,
Кого она похоронила.

ГИППИУС З.Н.

Знаменитая представительница «старших» символистов Зинаида Николаевна Гиппиус (1869, Белёв Тульской губ. – 1945, Париж) продолжила свое поэтическое творчество в эмиграции. Однако лирика уже не занимала столь важного места в ее творческой деятельности, как в дореволюционный период. Она издала два сборника: «Стихи...» (Белград, 1922) и «Сияния» (Париж, 1938).

Тексты стихотворений взяты из:
З.Н. Гиппиус. Забытая книга. М., 1991.

Зеркала

А вы никогда не видали?
В саду или в парке – не знаю,
Везде зеркала сверкали.
Внизу, на поляне, с краю,
Вверху, на березе, на ели,
Где прыгали мягкие белки,
Где гнулись мохнатые ветки, –
Везде зеркала блестели.

И в верхнем – качались травы,
А в нижнем – туча бежала...
Но каждое было лукаво,
Земли иль небес ему мало, –
Друг друга они повторяли,
Друг друга они отражали...
И в каждом – зари розовень
Сливалось с зеленью травной,
И были, в зеркальном мгновеньи,
Земное и горнее – равны.

Грех

И мы простим, и Бог простит.
Мы жаждем мести от незнанья.
Но злое дело – воздаянье
Само в себе, таясь, таит.
И путь наш чист, и долг наш прост:
Не надо мстить. Не нам отмщенье.
Змея сама, свернувши звенья,
В свой собственный вопьется хвост.
Простим и мы, и Бог простит,
Но грех прощения не знает,
Он для себя – себя хранит,
Своею кровью кровь смывает,
Себя вовеки не прощает,
Хоть мы простим, и Бог простит.

1938

Стихотворный вечер в «Зеленой лампе»

Перестарки и старцы и юные
Впали в те же грехи:
Берберовы, Злобины, Бунины
Стали читать стихи.
Умных и средних и глупых,
Ходасевичей и Оцупов
Постигла та же беда.
Какой мерою печаль измерить?
О, дай мне, о, дай мне верить,
Что это не навсегда!

В «Зеленую Лампу» чинную
Все они, как один, –
Георгий Иванов с Ириною;
Юрочка и Цетлин,
И Гиппиус, ветхая днями,
Кинулись со стихами,
Бедою Зеленых Ламп.
Какой мерою поэтов мерить?
О, дай мне, о, дай мне верить
Не только в хорей и ямб.
И вот оно, вот, надвигается:
Властно встает
Мережковский с Ладинским сливается
В единый небесный клуб,
Словно отрок древнееврейский,
Заплакал стихом библейским
И плачет, и плачет Кнут...
Какой мерою испуг измерить?
О, дай мне, о, дай мне верить,
Что в зале не все заснут.

* * *

К простоте возвращаться – зачем?
Зачем – я знаю, положим.
Но дано возвращаться не всем.
Такие, как я, не можем.
Сквозь колючий кустарник иду,
Он цепок, мне не пробиться.
Но пускай упаду,
До второй простоты не дойду,
Назад – нельзя возвратиться.

ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ И.Н.

Правнучатый племянник фельдмаршала М.И. Кутузова, Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904, с. Наталино Саратовской губ. – 1969, Москва, СССР), поэт, литературовед, эмигрировал в 1920 г. Окончил филологический факультет Белградского университета (1925). Жил в Югославии, был близок к парижской группе «Перекресток». Стихи печатал в периодике («Возрождение», «Россия и славянство», «Совре-

менные записки» и др.), выпустил единственный стихотворный сборник «Память» (1935). В 1955 г. вернулся в СССР. Является крупным исследователем творчества Данте и славянского Возрождения.

Тексты стихотворений взяты из:
Голенищев-Кутузов И.Н. Память. Париж, 1935.

Бежит ковыль, трепещут травы,
Струится тишь, лишь вдалеке
Лиманы, зыбкие как давы,
Застыли солью на песке.

Как будто ни войны, ни смуты
Здесь ветер не рыскал никогда,
И те же солнечные пути
Связуют сонные года.

И мнится там, за той юдолью,
Где дух в цепях степной тоски,
Идут за перекопской солью
Украинские чумаки.

Так жизни все обличья скудны,
И так повторен бред души.
Пусть сердце дремлет беспробудно.
Кто скажет мертвому – спешите?

Стансы

Екатерине Таубер

Нет, не повторный лад и не заемный клад
В печальных звуках юношеских песен.
Мы знаем – каждый век по-новому богат,
И каждый миг по-новому чудесен.

Остались юным нам, игравшим меж гробов
В те беспризорно-смутные години,
От смертоносного наследия отцов
Лишь горестные ранние седины.

И если встретили мы наш железный век
Не царственно-ущербным – *Morituri!*
И, пьяные тоской, у Вавилонских рек,
Не прокляли сияние лазури,

Лишь потому, что есть всему конец,
И времени, и смерти, и забвенью,

Что за чертою тонкою мертвец
Облечься должен плотью воскресенья.

Провал в Пятигорске

Да, будет год, России черный год.
М. Лермонтов

Сей год настал: о, горестный поэт,
Твой взор проник во тьму грядущих лет,
Твой стих пронзил мне сердце, как кинжал;
Я тень твою в пустынях горных звал.
В успокоения предательские дни
Тот край я посетил. Замри, усни
В моей душе, о, голос мертвых бурь,
Не воскрешай воскресшую лазурь.
Но в странном городе, в тени пяти вершин,
Казалось мне – ты здесь, я не один,
Казалось мне – лечу с отвесных скал,
Меня страшил обычный всем провал.
И чья-то тень вставала на пути,
И до него я не посмел дойти.

* * *

Н.А. Поццо-Тургеневой

Все те же сны во тьме пресуществленья
Связуют скорбный дух.
Узнаю вновь смертельные боренья
И призраки разрух,
Твоих путей, грядущая Россия,
И зной, и хлад, и пыль.
Перворожденная чужда мне вечно Лия,
Мила одна Рахиль.
Торжественную, избранную скудость
Возлюбленных полей
Как позабыть? К чему иная мудрость?
Иных земель елей!
Меня тоска сжигает родовая,
И путь окольный – пуст.
О, да минует чаша роковая
Усталых уст!

Веер

Я давно не ведаю услады.
Дни изгнания, чем вас помянуть?
Повторяю песенные лады,
Позабыв мой безотрадный путь.
Утихает ветер из Сахары,
На зубах еще хрустит песок.
Сонный город, призрачный и старый,
Забывает пламенный Восток.
Все синей покорный сон Ядрана¹,
Безнадежней кручи голых гор.
И душа раскрылась, словно рана,
И туманней утомленный взор.
– Я с моей тоской одна на свете.
– О, душа, не сетуй, не спеши.
Видишь веер, бабушек наследье,
Из саратовской глуши.
Некогда, как баловень чембарский,
В Персию богатую влеком
Прихотью или хандрою барской,
Предок мой покинул мирный дом.
И в сапфирных небесах высоко
Запылал над ним золотой Коран –
Он узнал томления Востока,
Жар и негу осиянных стран,
И тоску, и трепет караванов,
И базаров суету и лень,
И тихоглаголющих фонтанов
Влажную и радужную сень...
Выйти бы на шаткое крылечко,
Угадать, как всколосится рожь –
Пред глазами узкая пасечка
И дамасской стали дрожь...
В темной лавке, где так звонки плиты,
Где тревожны мускус и сандал,
Сто туманов важному шииту,
Верно, он за этот веер дал,

¹ Ядран – Адриатическое море (прим. авт.).

Чтоб среди сугробов и метелей
Колыхались пальмы и цветы,
За муслиновой дымкой пестрели
Солнцем упоенные сады.
Кто поймет наследье родовое?
Принимаю каждый милый дар.
В каждой капле зелье роковое,
В каждой искре буйствует пожар.
Может быть, душа и не слыхала
То, чего нельзя вовек забыть.
Веет, веет хладом опахало –
Иль не петь, не чувствовать, не быть.

Петрарка

Е.В. Аничкову

Ни да, ни нет. Один на грани двух времен.
Уж посетила смерть апрельскую долину.
И голос Туллия померкнул. К Августину
Склонился горный дух, бессмертием смущен.
Лаура вышня не внемлет паладину,
И лавры поразил стигийский древний сон.
Где Капитолий, Рим, восторг и плеск племен?
Все низвергается в беззвездную пучину.
Чрез сотни лет, один, на грани двух времен,
Стою, охваченный сомненьями, как он.
О Боже, истина и красота – одно ли?
Ни да, ни нет...
И я ль в напевы претворю
Стенанья скрытие?
– Я жду в моей юдоли
Триумфа Вечности. Предчувствую зарю.

* * *

Л.М. Rogovskomu

Не говори о страшном, о родном,
Не возмущай мои тысячелетья,
Еще болею повседневным сном,
Которого не в силах одолеть я.

В душе вскипают сонные ключи
И леденеющие водопады,
А жизнь мерцает тусклостью свечи
В разверзшиеся мириады.
Так средь азийских кочевых племен
Плененному наречием гортанным
Заложнику певучий снится сон
О языке родном и богоданном.

Сады Гесперид

Страна, где древний стережет дракон
Запретные плоды, где длится сон
Любовников развоплощенных,
Окружена кольцом ревнивых вод,
Из памяти смущенной восстает,
И слышу лепет волн бессонных,
И вижу тени светлых колоннад,
Пылающий, торжественный закат,
Садов вечерних очертанье.
О, сколько раз я жил и умирал,
О, сколько раз, бессильный, забывал
Перстов легчайшее касанье.
Созданья странные, опять меня
Дыханьем опаляете огня,
Даєте мне плоды златые.
Приемлю ваши страшные дары,
Приемлю сладость жертвенной игры,
И ваши страсти родовые.

Jardin de Luxemburg

Где фуксии лиловые цветут
И тихо падает широкий лист платана,
Где шествие торжественных минут
Замедлено у Медичей фонтана,
Осенних вод немые зеркала
Колеблет стон свирели потаенной
И зыбких нимф пугливые тела
Привидятся в аллее обнаженной.

Порою слышится далекий легкий смех
И промелькнут трагические боги.
Дионисийский попирая мех,
Танцует Вакха спутник козлоногий.
Так и душа моя, сообщница харит,
Окружена багрянородным тленьем
Собой пьяна, танцует и пьянит
Осенний мир божественным волненьем.
И людям кажется – ее мелькает тень
За Люксембурга стройною оградой,
Когда октябрьский почитет день
И дышит ночь трезвеющей прохладой.

* * *

На Восток от солнца, на Запад от луны
Мои блаженные бессмертные сны.
Бессонный ветер мне дует в лицо.
Под плащом таю золотое кольцо.
Мерцает в нем древний лунный опал,
Свет его бледный тысячи жал.
И то же сиянье в глазах твоих
Медлит и нежит, как медленный стих.
Зеленая, злая всходит звезда,
Я знаю, я твой, навсегда, навсегда;
Лишь в сердце бессмертном струятся сны
На Восток от солнца, на Запад от луны.

Архангел Меридиана (Шартрский собор)

Водитель звездных иерархий,
Мечтою дерзкой низведенный,
В плену у низменных стихий,
Мертвящим камнем облаченный,
Ты древний сторожишь собор,
Тысячелетняя нирвана
Несет в безвременный простор
Архангела Меридиана.

Тебя бежит полудня бес,
И тать полуночный не волен
Смутить коллоквиум небес
И островерхих колоколен.
Ущербный диск земных времен
В руках ты держишь онемелых.
Двух крыльев снится райский сон –
Надломленных и лунно-белых.
Какая мощь, какая боль!
Но в этом жертвенном бессилье
Огнем пронизана юдоль
И веют огненные крылья,
И меркнет, меркнет смертный страх,
Полуденная в сердце рана,
И роза в голубых руках
Архангела Меридиана.

ИВАНОВ Г.В.

Поэтический дар Георгия Владимировича Ива́нова (1894, Студёнки Ковенской губ. – 1958, Йер-ле-Пальмье, Франция) проявился рано – уже в 1910–1911 гг. он публиковал стихотворения в студенческом журнале «*Gaudeamus*». Один из его первых сборников – «*Вереск*» (1916). В эмиграции он издал несколько поэтических сборников, каждый из которых стал по-своему значительным событием в литературной жизни: «*Розы*» (Париж, 1931), затем «*Избранное*» («*Отплытие на остров Цитеру*», Берлин, 1937), а после более чем десятилетнего молчания, уже после войны, – «*Портрет без сходства*» (Париж, 1950). Спустя несколько месяцев после его смерти вышла книга «*1943–1958. Стихи*» (Нью-Йорк, 1958). Своему последнему циклу и примыкавшим к нему стихам, написанным незадолго до смерти, уже тяжело больной поэт дал название «*Посмертный дневник*».

Г. Иванов – лидер «*парижской ноты*», властитель дум парижских поэтов.

Тексты стихотворений взяты из:

Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. М.: Согласие, 1994.

Синеватое облако
(Холодок у виска),
Синеватое облако
И еще облака.

И старинная яблоня
(Может быть, подождать?),
Простодушная яблоня
Зацветает опять.
Все какое-то русское –
(Улыбнись и нажми!)
Это облако узкое,
Словно лодка с детьми.
И особенно синяя
(С первым боем часов...)
Безнадежная линия
Бесконечных лесов.

1927

* * *

Хорошо, что нет Царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.
Только желтая заря.
Только звезды ледяные.
Только миллионы лет.
Хорошо – что никого.
Хорошо – что ничего.
Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может,
А чернее не бывать,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать.

1930

* * *

Россия счастье. Россия свет.
А, может быть, России вовсе нет.
И над Невой закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал,
И нет ни Петербурга, ни Кремля –
Одни снега, снега, поля, поля...

Снега, снега, снега... А ночь долга,
И не растают никогда снега.
Снега, снега, снега... А ночь темна,
И никогда не кончится она.
Россия тишина. Россия прах.
А, может быть, Россия – только страх.
Веревка, пуля, ледяная тьма
И музыка, сводящая с ума.
Веревка, пуля, каторжный рассвет
Над тем, чему названья в мире нет.

1931

* * *

Мелодия становится цветком,
Он распускается и осыпается,
Он делается ветром и песком,
Летящим на огонь весенним мотыльком,
Ветвями ивы в воду опускается...
Проходит тысяча мгновенных лет,
И перевоплощается мелодия
В тяжелый взгляд, в сиянье эполет,
В рейтузы, в ментик, в «Ваше благородие»,
В корнета гвардии – о, почему бы нет?..
Туман... Тамань... Пустыня внемлет Богу.
– Как далеко до завтрашнего дня!..
И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.

* * *

Распыленный миллионом мельчайших частиц,
В ледяном, безвоздушном, бездушном эфире,
Где ни солнца, ни звезд, ни деревьев, ни птиц,
Я вернусь – отраженьем – в потерянном мире.
И опять, в романтическом Летнем Саду,
В голубой белизне петербургского мая,
По пустынным аллеям неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая.

1954

Из цикла «Посмертный дневник»

Было все – и тюрьма, и сума,
В обладании полном ума,
В обладании полном таланта,
С распроклятой судьбой эмигранта
Умираю...

* * *

А что такое вдохновенье?
– Так... Неожиданно, слегка,
Сияющее дуновенье
Божественного ветерка.

Над кипарисом в сонном парке
Взмахнет крылами Азраил –
И Тютчев пишет без пометки:
«Оратор римский говорил...»

* * *

Ликование вечной, блаженной весны,
Упоительные соловьиные трели
И магический блеск средиземной луны
Головокружительно мне надоели.

Даже больше того. И совсем я не здесь,
Не на юге, а в северной царской столице.
Там остался я жить. Настоящий. Я – весь.
Эмигрантская быль мне всего только снится –
И Берлин, и Париж, и постылая Ницца.

...Зимний день. Петербург. С Гумилевым вдвоем
Вдоль замерзшей Невы, как по берегу Леты,
Мы спокойно, классически просто идем,
Как попарно когда-то ходили поэты.

КОНДРАТЬЕВ А.А.

Кондратьев Александр Алексеевич (1876, Петербург – 1967, Маяк, шт. Нью-Йорк). Родился в Петербурге, в 1902 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. В январе 1918 покинул Петроград, сначала поселился в Ялте, затем переехал на Волынь, где и прожил в Дорогобуже до конца 1939 г. Утверждение Советской власти на Западной Украине заставляет Кондратьева покинуть свою усадьбу.

Он бежит на Запад, скитается по Европе, живет в Австрии, Германии, Югославии. После войны поселился в Швейцарии, в 1957 г. уезжает в США. В Америке проводит последние годы жизни. Умер в штате Нью-Йорк в мае 1967 г. В эмиграции издал демонологический роман «На берегах Ярыни» (Берлин, 1930), сборник стихов «Славянские боги» (Ровно, 1936). Посмертно были опубликованы повесть «Сны» (Новый журнал. 1990. № 179) и сборник стихов поэта «Закат» (США, 1990). Трагедийное мировосприятие, вера в божественное провидение, в счастье будущей неземной жизни роднит поэзию Кондратьева с поэзией русских символистов.

Тексты стихотворений взяты из:

Кондратьев А.А. Закат. Посмертный сборник стихотворений /
Под ред. В. Крейда. Б. м.: Антиквариат, 1990.

Серебрится зеленый овес,
Тихо зыблется жита стена
И от розовой гречи полос
Аромата струится волна.
Мак алеет во ржи золотой,
Скромно прячутся в ней васильки,
И белея над нивой густой,
Припадают к цветам мотыльки.
Изнемогши от знойных лучей,
Над дорогой явор поник,
И летит все звончей и звончей
Перепелки немолкнущий крик.

1911

* * *

Посмотри: зазеленели горы,
Солнце блещет с синей высоты,
Разоделись в яркие уборы
В честь весны деревья и цветы.
Белым снегом облетают сливы,
Блещет свежий тополевый лист,
Детский смех доносится счастливый,
И не молкнет птиц веселый свист.

От жасминов струи аромата
Пробуждают спавшие мечты.

Но тоской неясною объята,
Средь цветов не радуешься ты.

1918

* * *

Слышишь ветра холодного пение
Посреди обнаженных ветвей?
Холодеет и солнце осеннее,
И все тоньше, грустнее и бреннее
Вьется ниточка жизни моей.
Юность вдаль унеслась невозвратная;
Вечер жизни ненастно-суров.
На Тебя лишь надежда невнятная.
Ты накинешь на нас, Благодатная,
Ярко-блещущий звездный покров.
Ты усталого сердца биение
Остановишь целящей рукой,
Ты всем скорбям пошлешь утolenie
И сквозь краткое смерти мгновение
В свой введешь лучезарный покой.

Тексты взяты из:
Ковчег. Поэзия первой эмиграции. М., 1991.

8 февраля

I

Сегодня – день восьмого февраля,
Как далека ты, Невская Столица!
Ушли, как сон, родных и близких лица,
Вокруг – уже не русская земля!
Без усталости несется колесница
Времен, моей души не веселя.
Я – пленник в ней. Стигийские поля
Уже близки. Загадочный возница
Сурово гонит бешеных коней,
Влекущих нас в неукротимом беге
В страну воспоминаний и теней,
Где как живые ждут меня коллеги

Моих беспечных юношеских дней
По зданию Двенадцати Коллегий.

II

Столица Севера, как вид прекрасен твой
Над полноводною, медлительной Невой,
Рекой-красавицей в гранитном одеянье,
Соборов и дворцов величественный строй,
На площадях – царей немые изваянья...
Кто раз тебя видал – забыть не в состоянии.
Не позабыл и я, о Город мой родной,
Далекий Град Петра, тебя в моем изгнание,
Твоих каналов мрак, твоей реки сверканье,
Адмиралтейский шпигель, за сквером, золотой,
Гул поздний Невского, и санный бег зимой,
И зоревых ночей весенних обаянье!
О, годы юности! О, розовое зданье,
Как улей, полное студенческой толпой!

* * *

Вот вещи нужные для творчества поэтам:
Стол; окна старые, полны зеленым светом
От молодой листвы, что вешний дождь кропил,
И в мутном хрустале стигийский мрак чернил;
Перо, которое их выпьет ржавым клювом,
Ну и, конечно, тот, кому шептать «люблю» Вам.

* * *

Обиталище душ, отрешенных от тела,
Солнце мертвых, нагая Луна,
Много тысяч веков над землей ты блестела,
Неразгаданной тайны полна!

Свет вечерний ноябрьского дня презирая,
С безучастным лицом мертвеца,
Ты глядишь, не суля нам ни ада, ни рая,
Но лишь тяжкие сны без конца.

Эти сны словно черные тучи нависли
И плывут над беспечной землей
И в мозгу вызывают неясные мысли
О грядущей тоске гробовой...

1932

НЕСМЕЛОВ А.И.

Несмелов (псевд. Митропольского) Арсений Иванович (1889, Москва – 1945, Гродеков, под Владивостоком) – поэт, журналист, прозаик. Родился в семье литератора, статского советника И. Митропольского. Выпускник Второго кадетского корпуса. Участвовал в Первой мировой войне, затем в Белом движении, в армии Колчака. Начало творческой деятельности относится к 1912 г. В составе гренадерского Финагорийского полка принимал участие в Первой мировой войне. Сражаясь против красных в частях Колчаковской армии, Митропольский в 1920 г. оказался во Владивостоке (бывшем тогда столицей Дальневосточной республики). 4 марта 1920 г. впервые опубликовался под псевдонимом Арсений Несмелов в газете «Голос Родины» (стихотворение «Соперники», вошедшее в сборник «Полустанок», Харбин, 1938 г., под названием «Интервенты»). Был близок к кругу поэтов Приморья (Н. Асеев, В. Март и др.). Владивостокский период отразился в мемуарах «О себе и Владивостоке» (не опубликовано, находится в архиве пражского журнала «Вольная Сибирь»). В 1921 г. во Владивостоке вышел первый поэтический сборник «Стихи», созданный под явным влиянием футуристов. Отдельной книгой в издательстве «Владивосток» была опубликована поэма «Тихвин». В 1924 г. был издан сборник «Уступы». В этом же году Несмелов поселился в Харбине; был редактором (1925–1927) советской газеты «Дальневосточная трибуна», после ее закрытия печатался в еженедельнике «Рубеж» и в газете «Рупор». Часто печатался в периодических изданиях (в 1927–1929 гг. – в новосибирских «Сибирских огнях») и под другими псевдонимами *Сотник Ермилов, Анастигмат, Н. Рахманов, Н. Арсеньев, Тетя Розга*. Две его книги «Только такие» (Харбин, 1936) и «Георгий Семена» (Берн, 1936) опубликованы под псевдонимом *Николай Дозоров*. В газете «Советская Сибирь» была напечатана поэма «Декабристы» (от 25.12.1925 г.). В 1928 г. в Харбине выходит сборник «Кровавый отблеск», а в 1934 г. – книга стихов «Без России» (Харбин) о пережитых кровавых событиях и горькой любви к родине. В этом же году вышла поэма «Через океан» (Шанхай, журнал «Понедельник», в 1934 г. поэма имела отдельное издание). В 1934 г. – книга прозы «Рассказы о войне» (Шанхай). В 1936 г. был опубликован фрагмент «Ленка рыжая» (Шанхай. Альманах «Врата». Вып. 2). Спустя два года появляется сборник «Полустанок» (Харбин). В 1939 г. отдельным изданием вышла поэма «Протопопица» – по мотивам «Жития протопопа Аввакума». В 1942 г. В Харбине под псевдонимом *Дозоров* опубликованы поэма «Восстание» и сборник стихов «Второй прибой»

(в 1923 г. появилась в печати под псевдонимом Несмелов). В этом же году выходит последний прижизненный сборник стихов «Белая флотилия» (Харбин).

Несмелов печатался не только в Европе («Современные записки», 1929, № 39; пражская «Воля России», 1928, № 7), пражская «Вольная Сибирь» (1929, 1930. № 7 и 8/9), но и в Америке – журнал «Москва» (Чикаго, 1929), сборник «Земля Колумба» (Сан-Франциско, 1929).

Текст стихотворения взят из:
Несмелов А.И. Стихи. Владивосток, 1922.

Оборотень

Гению Маяковского

Он был когда-нибудь бизоном,
И в джунглях, в верях лиан,
Дышал стремительным озоном,
Луной кровавой осиян.
И фыркал злобными ноздрями
И вяз копытом в теплый ил.
Сражался грозно с дикарями,
Ревел и в чашу уходил.
Для них, не знавших о железе,
Угрозой был его приход,
И в тростниковой мгле Замбези
Они кончали час охот.
Его рога и космы гривы
Венчал, вплетясь, чертополох.
У обезьян толпы игривой
Он вызывал переполох.
– Прошли века, и человеком
Он носит бычьи рога,
И глаз его, подбросив веко,
Гипнотизирует врага.
И как тогда – дорога черства,
Но он принес из хладных недр
Свое звериное упорство,
Своих рогов железокедр.
И наклоня шею бычьей –
Неуязвляемый базальт! –
Он поднимает вилой клычьей
Препон проржавленную сталь!

Текст стихотворения взят из:
Несмелов А.И. Уступы. Харбин, 1924.

Муза бега, бешеная муза,
Опрокинутые сторожа!
Паровоз, оторванный от груза,
Ржет, и беглеца не удержать.
Позади в оставленных вагонах,
Носят чай и просят молока....
На пустых и гулких перегонах
Оседающие облака.
Звонкой мостовины над оврагом
Прогремел расхляснутый ушат,
У тебя, грохочущий бродяга,
Стройная и легкая душа!
Пролетев по дымогарным трубам,
Дымом взброшенная на скаку, –
Вот она, завязанная клубом,
И губами – к медному гудку.

Текст стихотворения взят из:
Несмелов А.И. Кровавый отблеск. Харбин, 1928.

Сова

Ты дулом дуло револьвера
Встречал на пашне голубой,
Где распластавшейся химерой
Полз ощетинившийся бой.
И без обмана, без утайки
Играя в смерть, ходил во мглу
Развинчивать на рельсы гайки
У бронепоезда в тылу.
Ночная птица, в дыме зарев
Бросал ты нам крыло в глаза,
Но улеглась, до дна ударив,
Отбушевавшая гроза.
Ничьей постели изголовья
Не выпотрошит ураган.
Легло крахмальное бескровье
На заржавевший ятаган.

Так по бетонной кровле верка,
Вердена или Оссовца,
Что не успели исковеркать
Враги гранатой до конца, –
Веселых женщин горожане
Ведут в подземный каземат,
Чтобы, как губку, визг и ржанье
О грозный камень отжимать.
Какое дело стайке шалой
До нас, бесключых сторожих,
Чья память остов обветшалый
Благоговейно сторожит.
Как аксиому, без усилия,
Прими покорно и светло
Свои простреленные крылья
И безглагольное душло.
И ночи жди.

Текст стихотворения взят из:
Несмелов А.И. Без России. Харбин, 1934.

О России

Россия отошла, как пароход
От берега, от пристани отходит.
Печаль, как расстояние, растет.
Уж лиц не различить на пароходе.
Лишь взмах платка и лишь ответный взмах.
Басовое взывание сирены.
И вот корма. И за кормой – тесьма
Клубящейся, все уносящей пены.
Сегодня мили и десятки миль,
А завтра сотни, тысячи – завеса.
А я печаль свою переломил,
Как лезвие. У самого эфеса.
Пойдемте же! Не возвратится вспять
Тяжелая ревущая громада.
Зачем рыдать и руки простирать,
Ни призывать, ни проклинать – не надо.

Но по ночам – заветную строфу,
Боюсь начать, изгнанием подрублен, –
Упорно прорубающий тайфун,
Ты близок мне, гигант четырехтрубный!
Скрипят борта. Ни искры впереди,
С горы – и в пропасть!.. Но обувший уши
В наушники не думает радист
Бросать сигнал «Спасите наши души!»
Я, как спортсмен, люблюсь на тебя
(Что проиграю – дуться не причина)
И думаю, по-новому любя:
Петровская закваска... Молодчина!

Текст стихотворения взят из:
Несмелов А.И. Полустанок. Харбин, 1938.

Стихи о Харбине

I

Под асфальт, сухой и гладкий,
Наледь наших лет, –
Изыскательной палатки
Канул давний след...
Флаг Российский. Коновязи.
Говор казаков.
Нет с былым и робкой связи –
Русский рок таков.
Инженер. Расстегнут ворот.
Фляга. Карабин.
– Здесь построим русский город.
Назовем – Харбин.
Без тропы и без дороги
Шел, работе рад.
Ковылял за ним трехногий
Нивелир-снаряд.
Перед днем Российской встряски,
Через двести лет,
Не Петровской ли закваски
Запоздалый след?
Не державное ли слово

Сквозь века: п р и к а з.
Новый город зачат снова,
Но в последний раз.

II

Как чума, тревога бродит, –
Гул лихих годин...
Рок черту свою проводит
Близ тебя, Харбин.
Взрывы дальние, глухие,
Алый взлет огня, –
Вот и нет тебя, Россия,
Государыня!
Мало воздуха и света,
Думаем, молчим.
На осколке мы планеты
В будущее мчим!
Скоро ль кануть или не скоро,
Сумрак наш рассеет...
Про запас Ты, видно, город
Выстроила сей.
Сколько ждать десятилетий,
Что, кому беречь?
Позабудут скоро дети
Отческую речь.

III

Милый город, горд и строен,
Будет день такой,
Что не вспомнят, что построен
Русской ты рукой.
Пусть удел подобный горек, –
Не опустим глаз:
Вспомяни, старик историк,
Вспомяни о нас.
Ты забытое отыщешь,
Впишешь в скорбный лист,
Да на русское кладбище
Забегит турист.

Он возьмет с собой словарь
Надписи читать...
Так погаснет наш фонарик,
Утомясь мерцать!

Тексты стихотворений взяты из:
Несмелов А.И. Белая флотилия. Харбин, 1942.

Потомку

Иногда я думаю о том,
На сто лет вперед перелетая,
Как, раскрыв многоречивый том
«Наша эмиграция в Китае»,
О судьбе изгнанников печальной
Юноша задумается дальний.
На мгновение встретятся глаза
Сущего и бывшего: котомок,
Страннических посохов стезя...
Скажет, соболезна, потомок:
– Горек путь, подслеповат маяк,
Душно вашу постигать истому.
Почему ж упорствовали так,
Не вернулись к очагу родному?
Где-то упомянут, – со страницы
Встану. Выжду. Подниму ресницы:
«Не суди. Из твоего окна
Не открыты канувшие дали:
Годы смыли их до волокна,
Их до сокровеннейшего дна
Трупами казненных закидали!
Лишь дотла наш корень истребя,
Грозные отцы твои и деды
Сами отказались от себя,
И тогда поднялся ты, последыш!
Вырос ты без тюрем и без стен,
Чей кирпич свинцом искovyряли,
В наше ж время не сдавались в плен.
Потому что в плен тогда не брали!»
И не бывший в яростном бою,
Не ступавший той стезей неверной,
Он усмешкой встретит речь мою
Недоверчиво-высокомерной.

Не поняв друг в друге ни аза,
Холодно разъединим глаза.
И опять – года, года, года,
До трубы Последнего суда!

Разрыв

Ф.И. Кондратьеву

Бровей выравнивая дуги,
Глядясь в зеркальное стекло,
Ты скажешь ветреной подруге,
Что все прошло, давно прошло;
Что ты иным речам внимаешь,
Что ты под властью новых встреч,
Что ты уже не понимаешь,
Как он сумел тебя увлечь;
Что был всегда угрюм и нем он,
Печаль, как тень свою, влача...
И будто лермонтовский Демон
Глядел из-за его плеча...
С ним никогда ты не смеялась,
И если ты бывала с ним,
То лишь томление и жалость
Владели голосом твоим.
Что снисходительности кроткой
Не можешь ты отдаться вся,
Что болью острой, но короткой
Разрыв в душе отозвался.
Сверкнув кольцом, другою бровью
Рука займется не спеша,
Но, опаленная любовью,
Не сможет лгать твоя душа!
И зазвонит она от зова,
И всю ее за миг один
Наполнит некий блеск грозный
До сокровеннейших глубин.
И вздрогнешь резко и невольно,
К глазам поднимется платок,
Как будто вырван слишком больно
Один упрямый волосок.

ОЛЕНИН К.И.

Оленин Константин Иванович (1881, Тамбовская губерния – 1939?) – поэт. Эмигрировал во время революции. В Польше жил в г. Сарны. В эмиграции издал книги «Прелюдии» (Вильно, 1925), «Несколько слов» (Ровно, 1939). Стихи печатались в журналах «Русская мысль» (Париж, 1927) и «Вестник Европы». Горестные размышления об утраченной России, тоска по отчужденному дому, ощущение собственного трагического одиночества – основные мотивы его лирики.

Текст стихотворения взят из:
Оленин К.И. Прелюдии. Вильно, 1925.

Среди развалин

У входа нас никто не встретит,
Разрушен дом, ушла вода,
Никто сиротам не ответит
Из разоренного гнезда.
Страдальцам не было пощады,
И человеком казнены
Все человеческие взгляды
И все заветы старины.

Текст стихотворения взят из газеты «За свободу» (19.06.1927).

**В альбом Софии Бобер
(из Ю. Словацкого)**

Зоя, стихов от меня Ты не требуй:
Скоро ты будешь на родине снова –
Песни услышишь Ты звездного неба,
Каждый цветок Тебе вымолвит слово.
Внимай поэтам прекраснейшим в мире –
Цветам душистым и звездам в эфире.
Алые маки и звезды, мерца,
Будут легендами слух Твой лелеять...
Петь я от них научился, играя,
И по-иному я петь не умею...
Где плещут Иквы серебряной волны,
Был я ребенком, был радости полным.
Ныне в гостях я, и жребий уносит
Дальше и дальше скитальца в изгнанье...

О, привези ты мне с родины, Зоя,
Звезд тех улыбку и маков дыханье!
Право, я слишком старею, сгорая...
Зоя, вернись к нам посланницей рая.

Текст стихотворения взят из газеты «За свободу» (29.06.1927).

Четвероногому другу

Когда, мой маленький, четвероногий друг,
С хвостом отзывчивым и глянцевитой шерстью,
Ты надоедливых небрежно ловишь мух,
Иль настороженно глядишь мне прямо в сердце,
Я, право, думаю, что наш совместный путь,
Порою бархатный, но и колючий часто,
Тебе понятнее, чем даже мне, чуть-чуть...
Что ж ты безмолвствуешь, философ с красной пастью?
Но все же, маленький, когда мне лета жаль,
А солнце осени склоняется на запад,
Прильни к ногам моим, как бабушкина шаль, –
Подай мне теплую, застенчивую лапу.
И, если тайное отгадано чутьем,
И ты, безмолвствуя, не презираешь жизни,
Поведай правду мне глазами и хвостом...
Чихни уверенно, иль добродушно взвизгни.

ОЦУП И.А.

Николай Авдеевич Оцуп (1894, Царское Село – 1958, Париж). Окончил Николаевскую Царскосельскую гимназию. В 1913 и 1914 гг. учился в Париже. Участник Цеха поэтов (1920–1921), печатался в альманахах Цеха. В 1921 г. в Петрограде вышел первый сборник стихов «Град» (второе изд.: Берлин, 1922). Эмигрировал в 1922 г. Некоторое время жил в Берлине, затем переехал в Париж. В эмиграции подготовил несколько поэтических сборников: «В дыму» (1926), «Дневник в стихах: 1935–1950», двухтомник «Жизнь и смерть» (1961); поэму «Встреча» (1928). В последний год жизни также издал стихотворную драму на библейскую тему «Три царя».

Текст стихотворения взят из:
Оцуп И. В дыму. Париж, 1926.

...А все же мы не все ожесточились,
И нам под тяжестью недавних лет

Нельзя дышать и чувствовать, не силясь
Такую муку вынести на свет.

Но где же свет? Над нами, рядом с нами
И в нас самих мерцает он порой –
Не этот погасающий ночами,
А тот, незримый, не вполне земной.

Крепись, душа! И я почти смиренно,
Как друг, сопровождаю жизнь мою,
И вдруг забрезжит, и в иной вселенной
Себя я без испуга застаю.

Тогда-то изнутри слова и вещи
Я вижу, и тогда понятно мне,
Что в мир несовершенный и зловецкий
Мы брошены не по своей вине.

И слышу я с отрадой лишь оттуда
Слова проклятий у глухой стены,
Которой мы – зачем? – отделены
От близкого, от истинного чуда.

1926

* * *

Не диво – радио: над океаном
Бесшумно пробегающий паук;
Не диво – город: под аэропланом
Распластанные крыши; только стук,
Стук сердца нашего обыкновенный,
Жизнь сердца без начала, без конца –
Единственное чудо во вселенной,
Единственно достойное Творца.

Как хорошо, что в мире мы как дома,
Не у себя, а у Него в гостях;
Что жизнь неуловима, невесома,
Таинственна, как музыка впотьмах.

Как хорошо, что нашими руками
Мы строим только годное на слом.
Как хорошо, что мы не знаем сами
И никогда, быть может, не пойдем

Того, что отражает жизнь земная,
Что выше упоения и мук,
О чем лишь сердца непонятный стук
Рассказывает нам, не уставая.

1926

* * *

Вот барина оставили без шубы,
«Жив, слава Богу», и побрел шажком,
Глаза слезятся, посинели губы.
Арбат и пули свист за фонарем.
Опять Монмартр кичится кабаками:
– Мы победили, подивитесь нам –
И нищий немец на Курфюрстендаме
Юнцов и девок сводит по ночам.
Уже зевота заменяет вздохи,
Забыты все убитые в бою,
Но поздний яд сомнительной эпохи
Еще не тронул молодость твою.
Твой стан печальной музыки нежнее,
Темны глаза, как уходящий день,
Лежит, как сумрак, на высокой шее
Рассеянных кудрей двойная тень.
Я полюбил, как я любить умею.
Пусть вдохновение поможет мне
Сквозь этот мрак твое лицо и шею
На будущего белом полотне.
Отбросить светом удесятеренным,
Чтоб ты живой осталась навсегда,
Как Джиоконда. Чтобы только фоном
Казались наши мертвые года.

1923

* * *

Душа моя, и в небе ты едва ли
Забудешь о волнениях земных,
Как будто ты хранилище печали
Моей и современников моих.

Но, знаешь, я уверился (в дыму
Страстей и бедствий, проходящих мимо),
Что мы не помогаем никому
Печалью, временами нестерпимой...

1926

* * *

В неровный век без имени и стиля,
Когда былое в щепы размело,
Попробуй оценить Леконт де Лиля
И трудные заветы Буало.

Знай: чтобы о волнениях земных
Сложить достойное повествованье,
Во-первых, нужно самообладанье
И холод расстоянья, во-вторых.

Я не один сейчас зажег огонь,
Не мной одним тоска овладевает –
Вот и другой: прозрачная ладонь
Глаза от света лампы закрывает.

Он тоже сочинитель – на земле
Немало нас, и часто нам не спится,
Под утро просыхает на столе
Значками испещренная страница.

Мы пишем о несчастьях: о том,
Как пьет один, ничем не обольщаясь,
И как другой, измученный трудом,
Пришел и лег в постель, не раздеваясь.

Писать о радости не станем мы,
Она бедна – мы цену ей узнали.
На лоб возлюбленной следы печали
Легли прочнее шелковой тесьмы.

А если мы о счастьях поем,
То лишь затем, что в жребии непрочном
Мы помним и волнуемся о том
Высоком, беспредельном и бессрочном.

Потомство нас оценит: наш закал
Любви достоин – это сердце билось
Спокойно, чтобы голос не дрожал,
И внятно, чтобы эхо пробудилось.

* * *

Где снегом занесенная Нева,
И голод и мечты о Ницце,
И узкими шпалерами дрова,
Последние в столице.

Год восемнадцатый и дальше три,
Последних в жизни Гумилева...
Не жалуйся, на прошлое смотри,
Не говоря ни слова.

О, разве не милее этих роз
У южных волн для сердца было
То, что оттуда в ледяной мороз
Сюда тебя манило.

1924–1926

Тексты стихотворений взяты из:
Оцун Н. Жизнь и смерть. Стихи. Париж, 1961.

Я поражаюсь уродливой цельности
В людях и светлых, и темных умом,
Как мне хотелось бы с каждым в отдельности
Долго беседовать только о нем.

Хочется слушать бесчестность, безволие –
Все, что раскроется, если не лгать;
Хочется горя поглубже, поболее –
О, не учить, не казнить – сострадать.

Слушаю я человека и наново
Вижу без злобы, что нитью одной
Образы вечного и постоянного
Спутаны с мукой моей и чужой.

* * *

Есть свобода – умирать
С голоду, свобода
В неизвестности сгорать
И дряхлеть из года в год.
Мало ли еще свобод
Все того же рода.
Здесь неволя
Наша доля.

Но воистину блаженна,
Вдохновенна, несомненна,
Как ни трудно, как ни больно,
Вера, эта форма плена,
Выбранного добровольно.

* * *

Есть в одиночестве такая полоса,
Когда стесняет наконец молчанье,
И мысль жужжит, как на стекле оса.
Тогда тебя на расстоянье
Пленяет мир, который утомлял,
И непонятно, отчего же?
И все, кого ты горько изумлял,
Найдут, что ты сейчас и лучше, и моложе.
Пускай тебя ревнует тишина –
Ты к ней воротись с повинной,
И снова счастья единственной причиной
Тебе покажется она.

1925

РАТГАУЗ Д.М.

Даниил Максимович Ратгауз (1868, Харьков – 1937, Прага) – поэт. Закончил юридический факультет Киевского университета. Первые публикации стихов появились в 1893 г. До революции издал более восьми поэтических сборников. На стихи поэта писали романсы Римский-Корсаков, Рахманинов, Гречанинов, Чайковский. Эмигрировал в 1922 г. В 1923 поселился в Праге. Печатался в эмигрантских изданиях «Русская мысль», «Слово», «Сегодня». Поэтический сборник «Мои песни», куда вошли произведения, написанные им в России, был издан в Берлине в 1922 г. В 1927 г. в Праге был напечатан второй сборник эмигрантского периода «О жизни и смерти».

Тексты стихотворений взяты из:
Ратгауз Д. Мои песни. Берлин, 1922.

Жизнь промелькнула быстрее сновидения,
Кончен короткий мой путь.
Тяжко в былом мне искать утешения,
Страшно вперед мне взглянуть.

Лейтесь, печальные песни вечерние,
Грусть о минувшем тая, –
Только остались нам слезы и терния,
Бедная Муза моя!

В вагоне

С тобой вдвоем мы мчимся в даль,
В неведомые страны...
Я потерял мою печаль,
Тоску, и боль, и раны.
Летит, вздыхает паровоз,
Качаются вагоны...
И нас наш рок с тобой унес
Туда, где молкнут стоны.
Уж вечер вьется на полях
И встал у перелеска,
Уже, вся в розовых лучах,
Трепещет занавеска.
А даль окуталась вокруг
Вся дымкой золотою...
Мой нежный друг, мой светлый друг,
Как сладко нам с тобою.

* * *

Я не знаю, я не помню,
Как прошли года,
Как мое умчалось детство,
Юность скрылась навсегда.

Я не знаю, я не помню
Быстрый бег угасших лет,
Только прошлого навеки
Потерял я тусклый след.
Только к старости и смерти
Подхожу печально я...
Детство, детство дорогое!
Няня, милая моя.

* * *

Не ищи ничего,
Не стремись ни к чему –
Не рассеять тебе
Непроглядную тьму.

Не понять, для чего
Ты явился сюда
И куда ты уйдешь!
Навсегда, навсегда.

Лишь мгновеньем живи,
Жизнь мгновений полна,
Неразгаданным сном
Пролетает она.

* * *

Зима, и вьюга, и мороз.
Я стар, и ночи все темнее...
В твоём саду так много роз,
И в серебре блестят аллеи.
Луна. И мы с тобой одни.
Твоим словам я внемлю жадно...
Летят безоблачные дни,
Сияют ночи. Нам отрадно...
И это было лишь – вчера,
Меж тем умчались в бездну лета.
Я слышу грозное: пора!
Давно забвеньем ты одета...
Куда мой рок меня занес?
Куда ведут мои аллеи?..
Зима, и вьюга, и мороз.
Я стар, а ночи все темнее.

* * *

В эти дни так много горя,
В эти дни так много слез, –
О, когда бы в мир мечтаний
Нас с тобой наш рок унес!
Позабыть, хоть на мгновенье,
Муки мира, вой зверей,
В тихом, радостном уюте
Светлой комнаты твоей.
И под говор твой любимый,
Под лучистый, нежный взор
Улететь душой усталой
В звездный, радостный простор!

СЕВЕРЯНИН И.В.

Игорь Северянин (псевд. Лотарева Игоря Васильевича; 1887, Петербург – 1941, Таллин) – «эгофутурист», получивший на собрании Директората в Политехническом музее в 1918 г. звание «короля поэтов», – в эмиграции писал много. Он издал несколько сборников «поэз»: «Вервэна: Поэзы 1918–1919» (Юрьев, 1920), «Менестрель: Новейшие поэзы» (Берлин, 1921), «Фея Eiole: Поэзы 1920–1921 гг.» (Берлин, 1922), «Миррэлия: Новые поэзы» (Берлин, 1922), «Соловей: Поэзы» (Берлин, 1923), «Классические розы» (Белград, 1931), «Адриатика» (Нарва, 1932), «Медальоны» (Белград, 1934). Написал также романы в стихах: «Падучая стремнина: Роман в стихах» (Берлин, 1922), «Роса оранжевого часа: Поэма детства в 3-х ч.» (Юрьев, 1925), «Колокола собора чувств: Автобиографический роман в 3-х ч.» (Юрьев, 1925), «Рояль Леандра» (Бухарест, 1935). Однако, несмотря на огромную творческую активность, популярность поэта осталась в дореволюционном прошлом.

Тексты стихотворений взяты из:
Северянин И. Собрание стихотворений: В 5 т. М., 1990.

Народный суд

Я чувствую, близится судное время:
Бездушье мы духом своим победим,
И в сердце России пред странами всеми
Народом народ будет грозно судим.
И спросят избранники – русские люди –
У всех обвиняемых русских людей,
За что умертвили они в самосуде
Цвет яркой культуры отчизны своей.
Зачем православные Бога забыли,
Зачем шли на брата, рубя и разя...
И скажут они: «Мы обмануты были,
Мы верили в то, во что верить нельзя...»
И судьи умолкнут с печалью любовной,
Поверив себе в неизбежный черед,
И спросят: «Но кто же зачинщик виновный?»
И будет ответ: «Виноват весь народ.
Он думал о счастье отчизны родимой,
Он шел на жестокость во имя Любви...»
И судьи воскликнут: «Народ подсудимый!
Ты нам неподсуден: мы – братья твои!

Мы – часть твоя, плоть твоя, кровь твоя, грешный,
Наивный, стремящийся вечно вперед,
Взыскующий Бога в Европе кромешной,
Счастливый в несчастье, великий народ!»

1929

* * *

Вот и уехала. Была – и нет.
Как просто все, но как невыразимо!
Ты понимаешь ли, как ты любима,
Какой в душе остался жгучий след?
Переворачивается душа:
Еще вчера – вчера! – мы были двое,
И вот – один... Отчаянье такое,
Что стыну весь, не мысля, не дыша.
Мы всё переживали здесь вдвоем:
Природу, страсть, и чаянья, и грезы.
«Ты помнишь, как сливались наши слезы?»
Спрошу тебя твоим же мне стихом.
Ты из своей весны шестнадцать дней
Мне радостно и щедро подарила.
Ты в эти дни так бережно любила...
Я женщины еще не знал нежней!

1933

Без нас

От гордого чувства, чуть странного,
Бывает так горько подчас:
Россия построена заново
Не нами, другими, без нас...
Уж ладно ли, худо ль построена,
Однако построена все ж.
Сильна ты без нашего воина,
Не наши ты песни поешь!
И вот мы остались без родины,
И вид наш и жалок, и пуст,
Как будто бы белой смородины
Обглодан раскидистый куст.

Март 1936

Что шепчет парк

О каждом новом свежем пне,
О ветви, сломанной бесцельно,
Тоскую я душой смертельно.
И так трагично-больно мне.
Редет парк, редет глушь,
Редют еловые кущи...
Он был когда-то леса гуще,
И в зеркалах осенних луж
Он отражался исполином...
Но вот пришли на двух ногах
Животные – и по долинам
Топор разнес свой гулкий взмах.
Я слышу, как, внимая гуду
Убийственного топора,
Парк шепчет: «Вскоре я не буду...
Но я ведь жил – была пора...»

1937

Классические розы

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!

1843 г. Мятлев

В те времена, когда роились грезы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и славы, и весны!
Прошли лета, и всюду льются слезы...
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране.
Как хороши, как свежи ныне розы
Воспоминаний о минувшем дне!
Но дни идут – уже стихают грозы.
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

1925

Стихи о Москве

Мой взор мечтанья оросили:
Вновь – там, за башнями Кремля,
Неподражаемой России
Незаменимая земля.

В ней и убогое богато,
Полны значенья пустячки:
Княгиня старая с Арбата
Читает Фета сквозь очки...

А вот к уютной церквушке
Подъехав в щегольском «купэ»,
Кокотка оделяет кружки,
Своя в тоскующей толпе...

И ты, вечерняя прогулка
На тройке вдоль Москвы-реки!
Гранитного ли переулка
Радужные особняки...

И там, в одном из них, где стайка
Мечтаний замедляет лёт,
Московским солнышком хозяйка
Растапливает «невский лед»...

Мечты! вы – странницы босые,
Идущие через поля, –
Неповергаемой России
Неизменимая земля!

1925

Грустный опыт

Я сделал опыт. Он печален.
Чужой останется чужим.
Пора домой; залив зеркален,
Идет весна к дверям моим.
Еще одна весна. Быть может,
Уже последняя. Ну что ж,
Она постичь душой поможет,
Чем дом покинутый хорош.

Имея свой, не строй другого.
Всегда довольствуйся одним.
Чужих освоить бестолково:
Чужой останется чужим.

1936

ХОДАСЕВИЧ В.Ф.

Творческая деятельность Владислава Фелициановича Ходасевича (1886, Москва – 1939, Бильянкур, около Парижа) была исключительно разносторонней и удивительно плодотворной во всех сферах, где он себя проявил: в литературной критике, мемуаристике, истории литературы, в переводах. И все же самой любимой была поэзия. Еще в 1915 г. он написал: «Из всех явлений мира я люблю только стихи, из всех людей – только поэтов». Этому кредо молодости В. Ходасевич остался верен навсегда. И, однако, как раз поэтическое его наследие немногочисленно. В эмиграции он издал сборники «Тяжелая лира» (1923) и «Собрание стихов» (1927), в последний включены 26 стихотворений из цикла «Европейская ночь» (1922–1927).

Тексты стихотворений взяты из:

Ходасевич Вл. Колеблемый треугольник. Избранное. М., 1991.

Горит звезда, дрожит зефир,
Таится ночь в пролеты арок.
Как не любить весь этот мир,
Невероятный Твой подарок?
Ты дал мне пять неверных чувств,
Ты дал мне время и пространство,
Играет в мареве искусств
Моей души непостоянство.
И я творю из ничего
Твои моря, пустыни, горы,
Всю славу солнца Твоего,
Так ослепляющего взоры.
И разрушаю вдруг шутя
Всю эту пышную нелепость,
Как рушит малое дитя
Из карт построенную крепость.

1921

Баллада

Сижу, освещаемый сверху,
Я в комнате круглой моей.
Смотрю в штукатурное небо
На солнце в шестнадцать свечей.

Кругом – освещенные тоже,
И стулья, и стол, и кровать.
Сажу – и в смущеньи не знаю,
Куда бы мне руки девать.
Морозные белые пальмы
На стеклах беззвучно цветут.
Часы с металлическим шумом
В жилетном кармане идут.
О, косная, нищая скудость
Безвыходной жизни моей!
Кому мне поведать, как жалко
Себя и всех этих вещей?
И я начинаю качаться,
Колени обнявши свои,
И вдруг начинаю стихами
С собой говорить в забытьи.
Бессвязные, страстные речи!
Нельзя в них понять ничего,
Но звуки правдивее смысла,
И слово сильнее всего.
И музыка, музыка, музыка
Вплетается в пенье мое,
И узкое, узкое, узкое
Пронзает меня лезвие.
Я сам над собой вырастаю,
Над мертвым встаю бытием,
Стопами в подземное пламя,
В текучие звезды челом.
И вижу большими глазами –
Глазами, быть может, змеи –
Как пению дикому внемлют
Несчастные вещи мои.
И в плавный, вращательный танец
Вся комната мерно идет,
И кто-то тяжелую лиру
Мне в руки сквозь ветер дает.
И нет штукатурного неба
И солнца в шестнадцать свечей:

На гладкие черные скалы
Стопы опирает – Орфей.

1921

Ни жить, ни петь почти не стоит:
В непрочной грубости живем.
Портной тачает, плотник строит:
Швы расползутся, рухнет дом.
И лишь порой сквозь это тленье
Вдруг умиленно слышу я
В нем заключенное биенье
Совсем иного бытия.

Так, провождая жизни скуку,
Любовно женщина кладет
Свою взволнованную руку
На грузно пухнувший живот.

1922

* * *

Покрова Майи потаенной
Не приподнять моей руке,
Но чуден мир, отображенный
В твоём расширенном зрачке.
Там в неподвижном сочетаньи
Любовь и улица даны:
Огня зефирного пыланье
И просто – таянье весны.
Там светлый космос возникает
Под зыбким пологом ресниц.
Он кружится и расцветает
Звездой велосипедных спиц.

1922

* * *

Большие флаги над эстрадой,
Сидят пожарные, трубя.
Закрой глаза и падай, падай,
Как навзничь – в самого себя.

День, раздраженный трубным ревом,
Небес раздвинутую синь
Заворожи единым словом,
Одним движеньем отодвинь.

И закатив глаза под веки,
Движенье крови загая,
Вдохни минувший сумрак некий,
Утробный сумрак бытия.

Как всадник на горбах верблюда,
Назад в истоме откачнись,
Замри – или умри отсюда,
В давно забытое родись.

И с обновленною отрадой,
Как бы мираж в пустыне сей,
Увидишь флаги над эстрадой,
Услышишь трубы трубачей.

1922

* * *

Жив Бог! Умен, а не заумен,
Хожу среди своих стихов,
Как непоблажливый игумен
Среди смиренных чернецов.

Пасу послушливое стадо
Я процветающим жезлом.
Ключи таинственного сада
Звенят на поясе моем.

Я – чающий и говорящий.
Заумно, может быть, поет
Лишь ангел, Богу предстоящий, –
Да Бога не узревший скот
Мычит заумно и ревет.

А я – не ангел осиянный,
Не лютый змий, не глупый бык.
Люблю из рода в род мне данный
Мой человеческий язык:

Его суровую свободу,
Его извилистый закон...

О, если б мой предсмертный стон
Облечь в отчетливую оду!

1923

Берлинское

Что ж? От озноба и простуды –
Горячий грог или коньяк.
Здесь музыка, и звон посуды,
И лиловатый полумрак.

А там, за толстым и огромным
Отполированным стеклом,
Как бы в аквариуме темном,
В аквариуме голубом –

Многоочитые трамваи
Плывут между подводных лип,
Как электрические стаи
Свящихся ленивых рыб.

И там, скользя в ночную гнилость,
На толще чуждого стекла
В вагонных окнах отразилась
Поверхность моего стола,–

И проникая в жизнь чужую,
Вдруг с отвращеньем узнаю
Отрубленную, неживую,
Ночную голову мою.

1923

Петербург

Напастям жалким и однообразным
Там предавались до потери сил.
Один лишь я полуживым соблазном
Средь озабоченных ходил.

Смотрели на меня – и забывали
Клокочущие чайники свои;
На печках валенки стгорали;
Все слушали стихи мои.

А мне тогда в тьме гробовой, российской
Являлась вестница в цветах,
И лад открылся музыкойский
Мне в сногшибательных ветрах.
И я безумел от видений,
Когда чрез ледяной канал,
Скользя с обломанных ступеней,
Треску зловонную таскал,
И каждый стих гоня сквозь прозу,
Вывихивая каждую строку,
Привил-таки классическую розу
К советскому дичку.

1925

Тексты стихотворений взяты из:
Ходасевич В. Собрание стихов. Серебряный век. М., 1992.

Памятник

Во мне конец, во мне начало.
Мной совершённое так мало!
Но всё ж я прочное звено:
Мне это счастье дано.
В России новой, но великой,
Поставят идол мой двуликий
На перекрестке двух дорог,
Где время, ветер и песок...

1928

* * *

Не яббом ли четырехстопным,
Заветным яббом, допотопным?
О чем, как не о нем самом –
О благодатном ямбе том?
С высот надзвездной Музикии
К нам ангелами занесен,
Он крепче всех твердынь России,
Славнее всех ее знамен.

Из памяти изгрызли годы,
За что и кто в Хотине пал,
Но первый звук Хотинской оды
Нам первым криком жизни стал.
В тот день на холмы снеговые
Камена русская взошла
И дивный голос свой впервые
Далеким сестрам подала.
С тех пор в разнообразье строгом,
Как оный славный «Водопад»,
По четырем его порогам
Стихи российские кипят.
И чем сильнее спадают с кручи,
Тем пенистой водоворот,
Тем сокровенней лад певучий
И выше светлых брызгов взлет –
Тех брызгов, где, как сон, повисла,
Сияя счастьем высоты,
Играя переливом смысла, –
Живая радуга мечты.
.....
Таинственна его природа,
В нем спит спондей, поет пэон,
Ему один закон – свобода,
В его свободе есть закон.

1938

ЦВЕТАЕВА М.И.

Творчество Марины Ивановны Цветаевой (1892, Москва – 1941, Елабуга) занимает в истории русской поэзии XX в. совершенно особое место. Ее поэтическое наследие не принадлежит ни советской, ни эмигрантской литературе. Поэтесса жила и в метрополии, и за границей: эмигрировав в 1922 г., она вернулась на родину в 1939, где в 1941 г. трагически закончила свои дни. По содержанию творчество М. Цветаевой нельзя причислить ни к советскому, ни к эмигрантскому, ибо, живя в послеоктябрьской России, она воспевала белогвардейское движение, а в эмиграции – СССР. На стыке противоположных тенденций – традиционализма и авангарда – возник и художественный стиль М. Цветаевой.

Чрезвычайно плодотворен эмигрантский период творчества поэтессы. Она активно публикует стихи в периодике, выпускает несколько сборников: «Разлука: Книга стихов» (Берлин, 1922), «Психея: Романтика» (Берлин, 1923), «Ремесло: Книга стихов» (Берлин, 1923), «После России: 1922–1925» (Париж, 1928); пишет поэмы: «Поэма Горы» и «Поэма конца» (1924), «Крысолов» (1925), «С моря», «Попытка комнаты» и «Поэма лестницы» (1926), «Красный бычок» (1928), «Перекоп» (1929), «Молодец» и др. В эмиграции родился и сформировался собственно цветаевский поэтический стиль с характерными для него затрудненным образным языком, акцентированной звукописью и ломкой, «рваной» ритмикой.

Тексты стихотворений взяты из:
Цветаева М.И. Соч.: В 2 т. Минск, 1989.

Из цикла «Сивилла»

Сивилла: выжжена, сивилла: ствол.
Все птицы вымерли, но бог вошел.
Сивилла: выпита, сивилла: сушь.
Все жилы высохли: ревностен муж!
Сивилла: выбыла, сивилла: зев
Доли и гибели! – Древо меж дев.
Державным деревом в лесу нагом –
Сначала деревом шумел огонь.
Потом, под веками – вразбег, врасплох,
Сухими реками взметнулся бог.
И вдруг, отчаявшись искать извне,
Сердцем и голосом упав: во мне!
Сивилла: вещая! Сивилла: свод!
Так Благовещенье свершилось в тот
Час нестареющий, так в седость трав
Бренная девственность, пещерой став
Дивному голосу...
– так в звездный вихрь
Сивилла: выбывшая из живых.

1922

Душа

Выше! Выше! Лови – летчицу!
Не спросившись лозы – отческой
Нереидою по – лощется,
Нереидою в ла – зурь!
Лири! Лири! Хвалынь – синяя!
Полыхание крыл – в скинии!
Над мотыгами – и – спинами!
Полыхание двух бурь!
Муза! Муза! Да как – смеешь ты?
Только узел фаты – веющей!
Или ветер станиц – шелестом
О страницы – и, смыв, взмыл...
И покамест – счета – кипами,
И покамест – сердца – хрипами,
Закипание – до – кипени
Двух вспенённых – крепись! – крыл.
Так, над вашей игрой – крупною
(Между труппами – и – куклами!),
Нé общупана, нé куплена,
Польхая и пля – ша, –
Шестикрылатая, ра – душная,
Между мнимыми – ниц! – сушая,
Не задушена вашими тушами,
Ду – ша!

1923

Из цикла «Поэт»

Поэт – издалека заводит речь.
Поэта – далеко заводит речь.
Планетами, приметами... окольных
Притч рытвинами... Между да и нет
Он, даже размахнувшись с колокольни,
Крюк выморочит... Ибо путь комет –
Поэтов путь. Развеянные звенья
Причинности – вот связь его! Кверх лбом –
Отчаяться! Поэтовы затменья
Не предугаданы календарем.

Он тот, кто смешивает карты,
Обманывает вес и счет,
Он тот, кто спрашивает с парты,
Кто Канта наголову бьет,
Кто в каменном гробу Бастилий
Как дерево в своей красе...
Тот, чьи следы – всегда простыли,
Тот поезд, на который все
Опаздывают...
– ибо путь комет –
Поэтов путь: жжа, а не согревая,
Рвя, а не возвращивая – взрыв и взлом, –
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!

1923

Любовь

Ятаган? Огонь!
Поскромнее, – куда как громко!
Боль, знакомая, как глазам – ладонь,
Как губам –
Имя собственного ребенка.

1924

Лучина

До Эйфелевой – рукою
Подать! Подавай и лезь.
Но каждый из нас – такое
Зрел, зрит, говорю, и днесь,
Что скучным и некрасивым
Нам кажется ваш Париж.
«Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горишь?»

1931

Из цикла «Стихи к Пушкину»

Бич жандармов, бог студентов,
Желчь мужей, услада жен,
Пушкин – в роли монумента?
Гостя каменного? – он,
Скалозубый, нагловзорый
Пушкин – в роли Командора?
Критик – нóя, нытик – вторя:
«Где же пушкинское (взрыд)
Чувство меры?» Чувство – моря
Позабыли – о гранит
Бьющегося? Тот, соленный
Пушкин – в роли лексикона?
Две ноги свои – погреться –
Вытянувший и на стол
Вспрыгнувший при самодержце
Африканский самовол –
Наших прадедов умора –
Пушкин – в роли гувернера?
Черного не перекрасить
В белого – неисправим!
Недурён российский классик,
Небо Африки – своим
Звавший, невяское – проклятым.
– Пушкин – в роли русопята?
Ох, брадатые авгуры!
Задал, задал бы вам бал
Тот, кто царскую цензуру
Только с дурой рифмовал,
А «Европы вестник» – с ...
Пушкин – в роли гробокопа?
К пушкинскому юбилею
Тоже речь произнесем:
Всех румяней и смуглее
До сих пор на свете всем,
Всех живучей и живее!
Пушкин – в роли мавзолея?

То-то к пушкинским избушкам
Лепитесь, что сами – хлам!
Как из душа! Как из пушки –
Пушкиным – по соловьям
Слóва, соколáм полета!
– Пушкин – в роли пулемета!
Уши лопнули от вопля:
«Перед Пушкиным во фронт!»
А куда девали пёкло
Губ, куда девали – бунт
Пушкинский? уст окаянство?
Пушкин – в меру пушкиньянца!
Томики поставив в шкафчик –
Посмешаете ж его,
Беженство свое смешавши
С белым бешенством его!
Белокровье мозга, морга
Синь – с оскалом негра, горло
Кажущим...
Поскакал бы, Всадник Медный,
Он со всех копыт – назад.
Трусоват был Ваня бедный,
Ну, а он – не трусоват.
Сей, глядевший во все страны –
В роли собственной Татьяны?
Что вы делаете, карлы,
Этот – голубей олив –
Самый вольный, самый крайний
Лоб – навеки заклеив
Низостию двуединой
Золота и середины?
«Пушкин – тога, Пушкин – схима,
Пушкин – мера, Пушкин – грань...»
Пушкин, Пушкин, Пушкин – имя
Благородное – как брань
Площадную – попугаи.
– Пушкин? Очень испугали!

1931

* * *

Вскрыла жилы: неостановимо,
Неостановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет – мелкой,
Миска – плоской.
Через край – и мимо –
В землю черную, питать тростник.
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.

1934

* * *

О поэте не подумал
Век – и мне не до него.
Бог с ним, с громом, Бог с ним, с шумом
Времени не моего!
Если веку не до предков –
Не до правнуков мне: стад.
Век мой – яд мой, век мой – вред мой.
Век мой – враг мой, век мой – ад.

1934

* * *

Рябину
Рубили
Зорькою.
Рябина –
Судьбина
Горькая.
Рябина –
Седыми
Спусками...
Рябина!
Судьбина
Русская.

1934

* * *

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно –
Где совершенно одинокой
Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что – мой,
Как госпиталь или казарма.
Мне все равно, каких среди
Лиц оцетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной – непременно –
В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться – мне едино.
Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично, на каком
Непонимаемой быть встречным!
(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья – он,
А я – до всякого столетья!
Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне всё – равны, мне всё – равно,
И, может быть, всего равнее –
Роднее бывшее – всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты – как рукой сняло:
Душа, родившаяся – где-то.
Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей – поперек!
Родимого пятна не сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё – равно, и всё – едино.
Но если по дороге – куст
Встает, особенно – рябина.

1934

Из цикла «Стихи к Чехии»

6

Взяли...
Чехи подходили к немцам и плевали.
(См. мартовские газеты 1939 г.)

Брали – скоро и брали – щедро:
Взяли горы и взяли недра,
Взяли уголь и взяли сталь,
И свинец у нас и хрусталь.
Взяли сахар и взяли клевер,
Взяли Запад и взяли Север,
Взяли улей и взяли стог,
Взяли Юг у нас и Восток.
Вары – взяли и Татры – взяли,
Взяли близи и взяли дали,
Но – большее, чем рай земной! –
Битву взяли – за край родной.
Взяли пули и взяли ружья,
Взяли руки и взяли дружбы...
Но покамест во рту слюна –
Вся страна вооружена!

11

Не умрешь, народ!
Бог тебя хранит!
Сердцем дал – гранат,
Грудью дал – гранит.
Процветай, народ,
Твердый, как скрижаль,
Жаркий, как гранат,
Чистый, как хрусталь.

1939

Поэма горы

Liebster, Dich wundert
die Rede? Alle Scheidenden
reden wie Trunkene und
nehmen gerne sich festlich...

Hölderlin

Посвящение

Вздоргнешь – и горы с плеч,
И душа – горé.
Дай мне о горé спеть:
О моей горé.

Черной ни днешь, ни впредь
Не заткну дыры.
Дай мне о горé спеть
На верху горы.

I

Та гора была, как грудь
Рекрута, снарядом сваленного.
Та гора хотела губ
Девственных, обряда свадебного
Требовала та гора.
– Океан в ушную раковину
Вдруг – ворвавшимся ура!
Та гора гнала и ратовала.
Та гора была, как гром.
Зря с титанами заигрываем!
Той горы последний дом
Помнишь – на исходе пригорода?
Та гора была – миры!
Бог за мир взывает дорого!
Горе началось с горы.
Та гора была над городом.

II

Не Парнас, не Синай –
Просто голый казарменный
Холм. – Равняйся! Стреляй!
Отчего же глазам моим
(Раз октябрь, а не май)
Та гора была – рай?

III

Как на ладони поданный
Рай – не берись, коль жгуч!
Гора бросалась под ноги
Колдобинами круч.
Как бы титана лапами
Кустарников и хвой,
Гора хватала за полы,
Приказывала: стой!
О, далеко не азбучный
Рай – сквознякам сквозняк!
Гора валила навзничь нас,
Притягивала: ляг!
Оторопел под натиском,
– Как? Не понять и днесь!
Гора, как сводня – святости
Указывала: здесь...

IV

Персефоны зерно гранатовое!
Как забыть тебя в стужах зим?
Помню губы, двойною раковиной
Приоткрывшиеся моим.
Персефона, зерном загубленная!
Губ упорствующий багрец,
И ресницы твои – зазубринами,
И звезды золотой зубец...

V

Не обман – страсть, и не вымысел,
И не лжет, – только не дли!
О, когда бы в сей мир явились мы
Простолюдинами любви!
О, когда б, здраво и попросту:
Просто – холм, просто – бугор...
(Говорят, тягою к пропасти
Измеряют уровень гор.)
В ворохах вереска бурого,
В островах страждущих хвой...
(Высота бреда над уровнем
Жизни)

– На́ же меня! Твой...
Но семьи тихие милости,
Но птенцов лепет – увьы!
Оттого что в сей мир явились мы –
Небожителями любви!

VI

Гора горевала (а горы глиной
Горькой горюют в часы разлук),
Гора горевала о голубиной
Нежности наших безвестных утр.
Гора горевала о нашей дружбе:
Губ – непреложнейшее родство!
Гора говорила, что коемужды
Сбудется – по слезам его.
Еще говорила гора, что табор –
Жизнь, что весь век по сердцам базарь!
Еще горевала гора: хотя бы
С дитятком – отпустил Агарь!
Еще говорила, что это – демон
Крутит, что замысла нет в игре.
Гора говорила, мы были немьы,
Предоставляли судить горе.

VII

Гора горевала, что только грустью
Станет – что́ ныне и кровь и зной.
Гора говорила, что не отпустит
Нас, не допустит тебя с другой.
Гора горевала, что только дымом
Станет – что́ ныне: и мир, и Рим.
Гора говорила, что быть с другими
Нам (не завидую тем другим!).
Гора горевала о страшном грузе
Клятвы, которую поздно клясть.
Гора говорила, что стар тот узел
Гордиев – долг и страсть.
Гора горевала о нашем горе –
Завтра! Не сразу! Когда над лбом –
Уж не memento, а просто – море!
Завтра, когда пойдем.

Звук... Ну как будто бы кто-то просто
Ну... плачет вблизи?
Гора горевала о том, что врозь нам
Вниз, по такой грязи –
В жизнь, про которую знаем всё мы:
Сброд – рынок – барак.
Еще говорила, что все поэмы
Гор – пишутся – так.

VIII

Та гора была, как горб
Атласа, титана стонущего.
Той горою будет горд
Город, где с утра и до ночи мы
Жизнь свою – как карту бьем!
Страстные, не быть упорствуем.
Наравне с медвежьим рвом
И двенадцатью апостолами –
Чтите мой угрюмый грот.
(Грот – была, и волны впрыгивали!)
Той игры последний ход
Помнишь – на исходе пригорода?
Та гора была – миры!
Боги мстят своим подобиям!
.....
Горе началось с горы.
Та гора на мне – надгробием.

IX

Минут годы, и вот означенный
Камень, плоским смененный, снят.
Нашу гору застроят дачами, –
Палисадниками стеснят.
Говорят, на таких окраинах
Воздух чище и легче жить.
И пойдут лоскуты выкраивать,
Перекладинами рябить.
Перевалы мои выструнивать,
Все овраги мои вверх дном!
Ибо надо ведь – хоть кому-нибудь
Дома – в счастье, и счастья в дом!

Счастья – в доме! Любви без вымыслов!
Без вытягивания жил!
Надо женщиной быть – и вынести!
(Было-было, когда ходил,
Счастье – в доме!) Любви, не скрашенной
Ни разлукою, ни ножом.
На развалинах счастья нашего
Город встанет – мужей и жен.
И на том же блаженном воздухе –
Пока можешь еще – греши! –
Будут лавочки на отдыхе
Пережевывать барыши,
Этажи и ходы надумывать –
Чтобы каждая нитка – в дом!
Ибо надо ведь – хоть кому-нибудь
Крыши с аистовым гнездом!

Х

Но под тяжестью тех фундаментов
Не забудет гора – игры.
Есть беспутные, нет беспамятных:
Горы времени – у горы!
По упорствующим расселинам
Дачник, поздно хватясь, поймет:
Не пригорок, поросший семьями, –
Кратер, пущенный в оборот!
Виноградниками Везувия
Не сковать! Великана льном
Не связать! Одного безумия
Уст – достаточно, чтобы львом
Виноградники заворочались,
Лаву ненависти струя.
Будут девками ваши дочери
И поэтами – сыновья!
Дочь, ребенка расти внебрачного!
Сын, цыганкам себя страви!
Да не будет вам места злачного,
Телеса, на моей крови!

Тверже камня краеугольного,
Клятвой смертника на одре:
– Да не будет вам счастья дольного,
Муравьи, на моей горе!
В час неведомый, в срок негаданный
Опозна́ете всей семьей
Непомерную и громадную
Гору заповеди седьмой!

Послесловие

Есть пробелы в памяти, бельма
На глазах: семь покрывал...
Я не помню тебя – отдельно.
Вместо черт – белый провал.
Без примет. Белым пробелом –
Весь. (Душа, в ранах сплошных,
Рана – сплошь.) Частности мелом
Отмечать – дело портных.
Небосвод – цельным основан.
Океан – скопище брызг?!
Без примет. Верно – особый –
Весь. Любовь – связь, а не сыск.
Вороной, русой ли масти –
Пусть сосед скажет: он зряч.
Разве страсть – делит на части?
Часовщик я, или врач?
Ты – как круг, полный и цельный:
Цельный вихрь, полный столбняк.
Я не помню тебя отдельно
От любви. Равенства знак.
(В ворохах сонного пуха:
Водопад, пены холмы –
Новизной, странной для слуха,
Вместо: я – тронное: мы...)
Но зато, в нищей и тесной
Жизни – «жизнь, как она есть» –
Я не вижу тебя совместно
Ни с одной:
– Памяти мечь.

Гора. 1939

САША ЧЕРНЫЙ

Саша Черный (псевд. Гликберга Александра Михайловича; 1880, Одесса – 1932, Ла Фавьер, Франция) – поэт, прозаик, переводчик. Прославился до революции как поэт-сатирик: сборники «Разные мотивы» (1906), «Сатиры» (1910), «Сатиры и лирика» (1911). Являлся сотрудником журнала «Сатирикон». В эмиграции в его творчестве наступает перелом. В этот период жизни он пишет произведения для детей (около 20 детских книг), лирические стихи (поэтический сборник «Жажда. 1914–1922», Берлин, 1923). Регулярно печатался в газете «Последние новости», сотрудничал со многими другими эмигрантскими изданиями.

Тексты взяты из: *Саша Черный. Стихотворения. 2-е изд. Л., 1960.*

Тех, кто страдает гордо и угрюмо,
Не видим мы на наших площадях:
Задавлены случайною работой,
Таятся по мансардам и молчат...
Не спекулируют, не пишут манифестов,
Не прокурорствуют с партийной высоты,
И из своей большой любви к России
Не делают профессии лихой...
Их мало? Что ж... Но только ими рдеют
Последние огни родной мечты.
Я узнаю их на спектаклях русских
И у витрин с рядами русских книг –
По строгому, холодному обличью,
По сдержанной печали жутких глаз...
В Америке, в Каире и в Берлине
Они одни и те же: боль и стыд.
Они – Россия. Остальное – плесень:
Валюта, декламация и ложь,
Развязная, заносчивая наглость
Удобный символ безразличных – «наплевать»,
Помойка сплетен, купля и продажа,
Построчная истерика тоски
И два десятка эмигрантских анекдотов.

Между 1920 и 1923 гг.

Мираж

С девочками Тосей и Инной
В сиреневый утренний час
Мы вырыли в пляже пустынном
Кривой и глубокий баркас.
Борта из песчаного крема.
На скамьях пестрели кремни.
Из ракушек гордое «Немо»
Вдоль носа белело в тени.
Мы влезли в корабль наш пузатый.
Я взял капитанскую власть.
Купальный костюм полосатый
На палке зареял, как снасть.
Так много чудес есть на свете!
Земля – неизведанный сад...
«На Яву?» Но странные дети
Шепнули, склонясь: «В Петроград».
Кайма набежавшего вала
Дрожала, как зыбкий опал.
Команда сурово молчала,
И ветер косички трепал...
По гребням запрыгали баки.
Вдали над пустыней седой
Сиящей шапкой Исаакий
Миражем вставал над водой.
Горели прибрежные мели,
И кланялся низко камыш:
Мы долго в тревоге смотрели
На пятна синеющих крыш.
И младшая робко сказала:
«Причалим иль нет, капитан?»
Склонившись над кругом штурвала,
Назад повернул я в туман.

1923

Из цикла «Русская Помпея»

Весна на Крестовском

А.И. Куприну

Сеть лиственниц выгнала алые точки,
Белеет в саду флигелек
Кот томно обходит дорожки и кочки
И нюхает каждый цветок
Так радостно бросить бумагу и книжки,
Взять весла и хлеба в кульке,
Коснуться холодной и ржавой задвижки
И плавно спуститься к реке...
Качается пристань на бледной Крестовке.
Налево – Елагинский мост.
Вдоль тусклой воды серебрятся подковки,
А небо – как тихий погост.
Черемуха пеной курчавой покрыта,
На ветках мальчишки-жулье.
Веселая прачка склонила корыто,
Поет и полощет белье.
Затекшие руки дорвались до гребли.
Уключины стонут чуть-чуть.
На веслах повисли какие-то стебли,
Мальки за кормою как ртуть...
Под мостиком гулким качается плесень.
Копыта рокочут вверх.
За сваями эхо чиновничьих песен,
А ивы – в цыплячем пуху...
Краснеют столбы на воде возле дачки
На ряби – цветная спираль.
Гармонь изнывает в любовной горячке.
И в каждом челне – пастораль.
Вплываю в Неву. Острова – как корона:
Волнисто-кудрявая грань...
Летят рысаки сквозь зеленое лоно,
На барках ленивая брань.
Пестреет нарядами дальняя Стрелка.
Вдоль мели – щетиной камыш.
Все шире вода – голубая тарелка,

Все глубже весенняя тишь.
Лишь катер порой пропыхтит торопливо,
Горбом залоснится волна,
Матрос – словно статуя,
вымпел – как грива,
Качнешься – и вновь тишина.
О родине каждый из нас вспоминая,
В тоскующем сердце унес
Кто Волгу, кто мирные склоны Валдая,
Кто заросли ялтинских роз...
Под пеплом печали храню я ревниво
Последний счастливый мой день:
Крестовку, широкое лоно разлива
И Стрелки зеленую сень.

1920 или 1921

Ах, зачем нет Чехова на свете!
Сколько вздорных – пеших и верхом,
С багажом готовых междометий
Осаждало в Ялте милый дом...
День за днем толклись они, как крысы,
Словно он был мировой боксер.
Он шутил, смотрел на кипарисы
И прищурясь слушал скучный вздор.
Я б тайком пришел к нему, иначе:
Если б жил он, – горькие мечты! –
Подошел бы я к решетке дачи
Посмотреть на милые черты.
А когда б он тихими шагами
Подошел случайно вдруг ко мне –
Я б, склонясь, закрыл лицо руками
И исчез в вечерней тишине.

1923

Вне книги

Мой роман

Кто любит прачку, кто любит маркизу,
У каждого свой дурман, –
А я люблю консержку Лизу,
У нас – осенний роман.

Пусть Лиза в квартале слывет недотрогой, –
Смешна любовь напоказ!
Но все ж тайком от матери строгой
Она прибегает не раз.

Свою мандолину снимаю со стенки,
Кручу залихватски ус...
Я отдал ей все: портрет Короленки
И нитку зеленых бус.

Тихонько-тихонько, прижавшись друг к другу,
Грызет зеленый миндаль.
Нам ветер играет ноябрьскую фугу,
Нас греет русская шаль.

А Лизин кот, прокравшись за нею,
Обходит и нюхает пол.
И вдруг, насмешливо выгнувши шею,
Садится пред нами на стол.

Каминный кактус к нам тянет колючки,
И чайник ворчит, как шмель...
У Лизы чудесные теплые ручки
И в каждом глазу – газель.

Для нас уже нет двадцатого века,
И прошлого нам не жаль:
Мы два Робинзона, мы два человека,
Грызущие тихо миндаль.

Но вот в передней скрипят половицы,
Раскрылась створка дверей...
И Лиза уходит, потупив ресницы,
За матерью строгой своей.

На старом столе перевернуты книги,
Платочек лежит на полу.
На шляпе валяются липкие фиги,
И стул опрокинут в углу.

Для ясности, после ее ухода,
Я все-таки должен сказать,
Что Лизе – три с половиной года...
Зачем нам правду скрывать?

Париж, 1927

Из цикла «Эмигранский уезд».

Диана

По берлинской безумной улице,
Где витрины орут в перекличке,
Где солдат безногий у стенки сутулится,
Предлагая прохожим спички, –
Там, играя зрачками, с цепочкой вдоль чрева,
Пролетает новейший продукт,
Экзотический лодзинский фрукт,
Ева Кранц, тонконогая дева.
Макароны цветной бахромы
Вьются в складках спадающей с плеч кутерьмы...
Узел кос – золотистой червонца, –
Разве перекись хуже, чем солнце?
На губах две сосиски пунцовой помады,
Сиз, как слива, напудренный нос,
Декольте – модный, плоский поднос,
И глаза – две ночные шарады:
Мышеловки для встречных мужчин, –
Эротический сплин все познавшей наяды,
Или, проще сказать, атропин.
А в витринах ее двойники, манекены из воска,
Выгнув штопором руки над взбитой прической,
Улыбаются в стильных манто
На гудки вдаль летящих авто...
Ева Кранц деловой человек –
В банк: свиданье, валюта и чек,
В ателье красоты: маникюр и массаж,
В магазины: подвязки, шартрез и плюмаж,
Карандаш, выводящий усы,
Рыжий шелк для отделки лисы,
Том Есенина, красный монокль
И эмалевый синий бинокль...

Столько дел, столько дел!
А навстречу оскалы мужчин,
Гарь бензина, шипение шин
И двухструйный поток расфуфыренных тел.
На углу обернулась: «Ах, Жорж?!»
Подлетает поношенный морж,
Сизобритый, оттенка почти баклажана,
Перетянут под мышками вроде жука.
Попугайский платок из кармана,
А глаза – два застывших плевка...
Посмотрите на Еву:
Брови – вправо, ресницы – налево,
Бедр томно танцуют канкан, –
Рот – коварно раскрытый капкан...
Берегись, баклажан!
На берлинской безумной улице,
Где витрины орут с рассвета,
Где солдат безногий у стенки сутулится
Вы, конечно, видали все это.

1922

ПОЭТЫ МЛАДШЕГО ПОКОЛЕНИЯ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» ЭМИГРАЦИИ

БЕМ И.А.

Бем Ирина Альфредовна (1916, Петроград – 1981, Чехословакия) – дочь известного историка литературы Альфреда Бема. Оказалась в эмиграции в 1919 г. Жила с родителями в Белграде, Варшаве, в 1922 г. переехала в Прагу. Училась на филологическом факультете Карлова университета. Была участником поэтического объединения «Скит поэтов», основателем и руководителем которого был ее отец. Печаталась в пражских эмигрантских журналах. Единственный поэтический сборник И. Бем «Орфей» был издан в 1943 году в Праге нетипографским способом. Осталась неопубликованной ее книга «Стихи разных лет» (1936–1968).

Тексты стихотворений взяты из:
Бем Ирина. Орфей. Стихи. Прага, 1943.

Орфей

В те дни, когда божественный Орфей
Дерзнул спуститься в царство Персефоны,
Он, гласом струн и пеньем вдохновленный,
Смутил сердца безжалостных теней.
Она пришла легчайшею стопой,
С земной любовью трогательно схожа...
О, если б в оны дни мы жили тоже,
То, верь, и я б спустилась за тобой.

1939

* * *

О, если б знать, о, если бы предвидеть,
О, если б время повернуть назад!
Душа не слышит гласа Немезиды
И, обреченная, не может знать.
Ты мудростью мудра прошедшей только,
Душа моя, и ныне знаешь ты,
Что надо было просто, как ребенку,
Сказать «нельзя» и руку отвести.
Непоправимое, какое слово...
Вот все расходятся и свечи тушат...
Мой дом готов. Но как он страшен, новый,
Когда твой светлый дом уже разрушен...

1938

* * *

Каждый день приносит новые тревоги,
Каждый час горит бессмертная душа,
Все еще, волнуясь и спеша,
Ты стоишь у ночи на пороге.
Тело, как усталый раб, подъемлет бремя,
И в бессильи плачет, как дитя, навзрыд;
Но душа не внемлет и горит,
Краткой жизни сокращая время...

1939

* * *

О, если б сон, о, если б сон без снов!
Забуть, забыть об этих снах и бедах...
О, если б друг, но другу не поведать,
Не передать тоски сквозь косность слов.
О, если б смерть, но страшны персть и прах;
О, если б тот, кто говорит, что любит,
О, если б он! Но между нами люди,
Слов непрощенных боль и будущего страх.
Грядущий день – лишь повесть новых бед,
И утро – лишь исход для новых пеней.
О, если б ночь и сон без пробужденья,
О, если б ночь, которой утра нет!

1939

БРАНД В.В.

Бранд Владимир Владимирович (? – 1942, Смоленск) – поэт и журналист, полковник Добровольческой армии. Эмигрировал в Польшу. Был членом Народного союза защиты родины и свободы. Один из активных участников литературного поэтического объединения «Тaverna поэтов» (1921–1925). Участвовал в поэтическом сборнике «Шестеро» (Варшава, 1923). Являлся редактором русской эмигрантской газеты «Меч». В 1930 г. стихи Бранда были опубликованы в коллективном «Сборнике русских поэтов в Польше». В 1932 г. опубликовал в Варшаве поэтический сборник «Стихи». Причислял себя к последователям Н. Гумилева. Некоторые стихи Бранда были напечатаны в «Сборнике стихов», изданном под редакцией П. Иртеля в 1935 г. в Эстонии, и в журнале «Грань» (Париж, 1939).

Тексты стихотворений взяты из газеты
«За свободу» (05.03.1922).

Синей небесной дали краски
Чернеют пятнами поля,
И, как царевна древней сказки,
Ждет ласки спящая земля.
В душе весенняя тревога...
В церквах, натопленных едва,
Звучат торжественно и строго
Ефрема Сирина слова,

И за поклонами поклоны
Бьет многоликая толпа...
Поют ручьев глухие звоны,
Серее талая тропа.

У заутрени

У икон в темном сумрачном храме
Дымкой слез скрыта святость очей,
И на ликах колеблется пламя
Чьей-то скорбью зажженных свечей.
Служит старый священник невнятно,
Три старухи маячат у стен,
Бьют поклоны, шепча непонятно.
В душном воздухе ладан и тлен...
Но и здесь в час предутренне-серый,
Сотни долгих, несчитанных лет,
Слышен возглас ликующей веры:
«Слава нам показавшему Свет».

Текст стихотворения взят из газеты «За свободу» (26.11.1922).

Г. С. Семенову

В этот душный, в этот пьяный вечер
Пьем стаканы синего огня,
Пьем за тех, чей жребий словно ветер, —
За людей без завтрашнего дня,
За того, кто клочьями тумана
Жизнь свою по миру раскидал,
В ком последние слова обмана
И девичий самый первый бал.
Погасив назойливые свечи,
Пламя синее заботливо храня,
Пьем, Христа не ждущие предтечи,
За любовь без завтрашнего дня.

Текст стихотворения взят из газеты «За свободу» (24.11.1929).

В лесу

Я в лес вхожу и тишь меня объемлет,
Пустынен лес в октябрьский ясный день –
Ни ягод, ни цветов. Зажмурясь дремлет
Любимец лешего, омшальный пень.
И неподвижны черных веток тени,
И в золоте уснул усталый Свет.
Пленительной улыбкою осенней
Обманут лес, обманут и согрет.
И вот из тьмы своих подземных спален
Ползут к теплу и солнцу муравьи...
Осенний день прекрасен и печален,
Как и глаза твои.

БОЖНЕВ Б.Б.

Божнев Борис Борисович (1898, Ревель – 1969, Марсель) – поэт нового поколения. В своем творчестве соединил несоединимое: стремление к совершенству художественной формы, отточенности мастерства (в духе «неоклассицизма» В. Ходасевича) и явные черты экзистенциально-сюрреалистического мировидения, даже авангардистского «нигилизма» и эпатажа. Опубликовал несколько стихотворных сборников: «Фонтан» (Париж, 1927), «Альфа с пеною омеги» (Париж, 1936) и др.

Тексты стихотворений взяты из:

Божнев Б.Б. «Борьба за несуществование». СПб., 1999.

А если Муза станет проституткой,
То всю неделю я, ожесточась,
Работать буду и не есть по суткам,
Чтобы в субботу к ней пойти на час...
Так каждый день, усталый от работы,
Я буду грязным приходить домой
И думать вслух: как долго до субботы,
Как мало платит мне хозяин мой...

* * *

Неблагодарность – самый черный грех.
Не совершай его, и будешь светел.

Никто не вправе мне сказать при всех:
Ты на добро мое мне чем ответил...
Никто... И, совесть, ты – почти чиста...
Число друзей моих, мужчин и женщин,
Живых и умерших, да, больше ста,
Врагов же – пять... а, может быть, и меньше...
И не должник я... Никому, ни в чем...
Я все отдам за нежности крупницу...
И, сам больной, был для других врачом...
О, каплю жалости, чтоб мне напиток...
Любовниц милых и святых подруг,
Любивших, отошедших... все бывает...
Пусть далеки они... Но сразу, вдруг...
Ах, ничего-то я не забываю...
А ты... Ты ангел или человек,
Меня спасавший делом и советом...
Я был бы мертв... О, жизнь не для калек...
Я жив и счастлив... О, не чудо ль это...
Не знаю... Плачу и благодарю
За помощь в прошлом, верность в настоящем,
Ночь творчества и чистую зарю
Светлеющую надо мной, не спящим...

* * *

Сокрыта звучная струя
Деревьями густого сада...
Так между тайной бытия
И человеком есть преграда...
Но зеленью сокрытый шум
До слуха сладко достигает...
Так вслушивающийся ум
Невидимое постигает...

* * *

Средь страшной дикой бури соловей
Вдруг сладостно запел – невесть откуда,
Невесть какой любви, каких ночей –
Средь яростного громового гуда...

На миг он грохот бури заглушил
Хрустальной бурей сладостного пенья,
Но человек в тот самый миг решил,
Что смерть близка и нет ему спасенья...

* * *

Как утомленный почтальон,
Идущий в тихом переулке,
Как церемонный котильон,
Звнящий в дедовской шкатулке,
Как солнечный пушистый снег,
Ногами загрязненный очень,
Как лошади усталый бег,
Когда ей путь не укорочен,
Как женщина среди детей,
Не захотевшая ребенка,
Как радостнее всех вестей
С любимым волосом гребенка,
Как вымазанное лицо
Немолодого трубочиста,
Как выкрашенное яйцо
Пасхальной краскою лучистой,
Как холодеющий тюфяк
Под неокочневшим телом,
Как одинокий холостяк
В публичном доме оголтелом,
Как разорвавшийся носок,
Заштопанный неторопливо,
Как юноша, что невысок,
И девушка, что некрасива,
Как проволочные венки
На торопливом катафалке,
Как телефонные звонки
И в черной трубке голос жалкий,
Как улыбающийся врач,
Болеющий неизлечимо,
Как утешение – не плачь,
Когда печаль необлегчима,

Как ангел Александр Блок,
Задумчиво смотрящий с неба,
Как полумертвый голубок,
Мечтающий о крошках хлеба...

* * *

Я улицу покинул Ламартина
И поселился на твоей, Декарт...
Там все погибло... О, какая тина...
А здесь – премудрость глобусов и карт.
Но скучно жить среди книгохранилищ,
На глобусе гуляю и верчусь...
Я ангелу скажу – одно верни лишь,
Но как сказать, не знаю, и учусь.

* * *

Катушка ниток – шелковая бочка,
Но я не пью и не умею шить.
Игла, пиши пронзающую строчку:
Как трудно шить, еще труднее жить.
Дрожит рука твоей ручной машины,
И ваши руки я поцеловал...
О, море, на тебя надеть бы шины,
Чтобы не громыхал за валом вал.
Катушка ниток заливает платье
Тончайшим белым шелковым вином, –
Ты говоришь – тебе за это платят...
Счастливая, ты здесь, а я в ином –
Материи нематерьяльный голос
О матери моей прошелестел...
Она любила, верила, боролась...
О, души голые одетых тел...
Прислушайся... Нет, то не грохот ветра,
То ветхий мир по дряхлым швам трещит.
Безмерна скорбь. Я не хочу быть мэтром.
И твой наперсток – мой последний щит.

* * *

О, не смотри в оконную дыру,
Не упади в провал открытой двери,
И, чувствуя, от страха я умру,
А ты смеешься, ничему не веря...
Не веришь ты, что за окном не двор,
И что за дверью не перила лестниц,
Но пустота, в которой до сих пор
Мяуканье пронзительное вестниц
О гибели не заградивших дверь,
О выпавших через окна без затворов,
И если шаг мы сделаем теперь,
То на лету мы задохнемся скоро...
О, неужели ты не видишь ту
Огромнейшую яму за порогом –
Остановись, не ввергнись в пустоту,
Тебя молю и заклинаю Богом,
Но ты не хочешь слушать и понять,
Уже одетый, ты спешишь спуститься,
А я не в силах ни тебя обнять,
Ни сам с собой торжественно проститься...

* * *

Не трогайте мои весы –
Я мужественною рукою
Трудился многие часы
Над неподвижностью такою,
И сам себе воздал хвалу
За то, что тяжестью единой
Весов установил стрелу
Пред золотою серединой...
Но вот, когда ни взор, ни слух
Не нарушают равновесья,
И поровну на дисках двух
Как будто невесомый весь я,
Когда их сдерживать рука
Уже устала, неужели
Вновь чаша плотская тяжеле,
А та, небесная, легка...

* * *

В четвертом этаже играют Баха,
А я живу на этаже шестом...
Смотрю на небо... Ни тоски, ни страха...
Сейчас я в настроении святом...
Мы ничего не знаем друг о друге,
Но нет на свете более родных...
Поют в еще невыученной фуге
Два голоса, и оба – неземных...

* * *

Подобно крысам с корабля,
Лист за листом, шурша угрюмо,
Бежит из твоего, земля,
Еще не тонущего трюма,
И мы, рассудку вопреки,
Следим за тайным бегством этим,
И гибель ждем, как моряки,
И мужественно гибель встретим,
Хотя деревья и кусты
Без парусов темно-зеленых
Как мачты сделались пусты
Не от морских ветров соленых,
Хотя за волнами волна
Не кораблекрушений лютых
Дождями льются, льются на
Борта земли и на каюты,
Но только листьям, только им,
Понятно, что грозит нам вскоре,
И отчего мы так грустим,
Плывя в сентябрьское море,
И, словно крысы с корабля,
Лист за листом, шурша угрюмо,
Бежит из твоего, земля,
Еще не тонущего трюма...

* * *

Струя прохладная поет
И, слушая в оцепененьи,
Прохожий из пригоршней пьет
Ее живительное пенье,
И чистый и прозрачный звук,
Не умолкая, без усилия,
Смывает грязь с горячих рук,
Овеянных дорожной пылью...

* * *

Не воздвигайте мне креста –
Воздвигните струю фонтана,
И пусть струя лиется та...
Ни вслушиваться не устану,
Ни зреть из мрачной темноты,
Из безотрадного бессмертья,
Как славославит с высоты,
Как воздух в ликованьи чертит...

* * *

Бегут на вечный берег аксиомы,
Не постигая мудрого песка,
И каждый раз Учитель по-другому
Внимает мудрости ученика...
Разрушены языческие волны
До основанья неба и земли,
И бедный парус, христианства полный,
Сияет за колоннами вдали...

* * *

Слабеет море сил моих земных...
Меня к Стране уносит неизвестной...
Уже не видя берегов своих,
Зову на помощь море сил небесных...
Но чем я дальше в слабость ухожу,
Тем горизонт прекраснее и шире,
И помощь неземную нахожу
Не в звуках лиры, а в умолкшей лире...

ГИНГЕР А.С.

Гингер Александр Самсонович (1897, Петербург – 1965, Париж) – поэт. В Париже находился с 1920 г. Член объединения молодых литераторов-эмигрантов «Палата поэтов». Участвовал в работе кружков «Гатарапак», «Через». В начале 1930-х входил в группу писателей, объединившихся вокруг журнала «Числа». Лирическая концепция, выраженная в стихах Гингера, строится на основе адамистской эстетики: герой заново открывает мир, ищет в нем приметы первоизданности. Наряду с преобладанием традиционных размеров и жанров заметно стремление к словотворчеству, сложным ритмическим рисункам. Особенности мироощущения сближают Гингера с поэтами «парижской «ноты»: в поэзии для него ценна исповедальная искренность «вовек не лгущего стиха», «больного», но освобожденного от «словесного хлама». Широкий литературный контекст обусловлен реминисценциями из произведений Г.Р. Державина, А.С. Пушкина. Сборники: «Свора верных» (Париж, 1922), «Преданность» (Париж, 1925), «Жалоба и торжество» (Париж, 1939), «Весть» (Париж, 1957), «Сердце» (Париж, 1965).

Тексты стихотворений взяты из:
Гингер Александр. Стихи. 1917–1964. Париж, 1965.

Факел

Эстафетный бег являет взорам
Зрелище, которому найти
Невозможно равного; с которым
Муза, не тебе ли по пути?
Муза, ты бродячему сюжету
Передачи факела верна.
Если ты о жизни скажешь свету –
Об огне ты говорить должна.
Наши нам назначены стоянки,
Точные намечены места.
Под пятой – зеленые полянки,
Над челом – святая пустота.
На местах законно неизменных,
На песках дорожки круговой
Бегуны команд четверочленных
Думают о славе групповой.
И когда по звуку пистолета
Выпущена первая стрела –

В кулаке зажата эстафета:
Плотный пламень, дружные дела.
Впереди же, руку приготвя,
Поджидает вполуоборот
Переемщик, полный свежей крови,
Взгляд назад, а тело наперед.
У того, который в беге ныне,
Гром в висках; в мутящемся мозгу
Мысль одна оазисом в пустыне:
Я дойду, сойти я не могу.
Он бежит, совсем уже кончаясь,
Припадая к матери сырой;
И молчит, почти совсем отчаясь,
Зрителей сочувствующий рой.
Нет: другой, сосредоточь вниманье,
Твердый светоч ловко получи,
Таинство сверши перениманья...
Замолчи, о муза, замолчи!
Из груди до горла – сердце наше
Радости решительным броском,
Слез неупиваемая чаша –
Из груди до горла, быстрый ком.
На траву он валится, распятем
Руки он раскидывает; в гроб
Он стремится к теплomu разъятью
Земляных и гнилостных утроб.
Все мы гости праздника земного,
В землю мы воротимся домой.
Торжеству квадратная основа –
Я, мой сын, мой внук и правнук мой.
Я хочу тебя увидеть, правнук,
Не хочу я скоро умереть,
Мне бы жить примерно, жить исправно,
Чтобы очень медленно стареть.
Век хочу исполнить Тицианов,
Девяносто девять здешних лет;
Если же надо мне покинуть рано
Этот глупый, но приятный свет,

Не прошу я горя после жизни,
Умолкаю: траур упраздни;
Легким смехом на обильной тризне,
Шумом театральным помяни.
И когда я буду за барьером,
Честь воздайте мне ядром, шестом
И копьем, и диском, и барьером
Дальше в поколении шестом.
Я тебя люблю, благое лето;
Хорошо, что не умрешь со мной.
Я сойду, отдавши эстафету
Новым слугам прелести земной.

Шар

На что нам чудеса! Когда б ослепли мы,
Когда бы слышать перестали –
Мы к бурям бы рвались из медленной тюрьмы
И о пожарах бы мечтали.
Но несказанный шар сейчас осветит нас,
И знак подаст; и звуки встанут.
И будет слышать слух и будет видеть глаз,
А ночь и глушь в могилу канут.
Каких чудес желать? Ведь их не может быть:
Они уже у нас и с нами.
О том, чтоб не заснуть. О том, чтоб не забыть,
О том, чтоб не забыться снами.

1949

Тибетская песня

Хвала вам, шесть концов: Восток, Юг, Запад, Север,
Зенит, Надир;
пусть будет мир для всех: для ангела, для зверя
пусть будет мир.
Я одолел подъем дороги нетенистой –
вот верх горы;
привет вам, шесть концов, с вершины каменной
земной коры.
Как все, кто до меня стоял на перевале,
я вниз гляжу;

пред спуском – как и те, что здесь перебивали –
я положу
на кучу камень мой. Хвала живущим, жившим
вблизи, вдали –
на грани облаков свой камень приложившим
к трудам земли.

Сердце

Недостойному, мне ли пристало
о великом, о тайном начать?
Но об этом душа зашептала
и об этом нельзя умолчать.

Не уйду от тебя никуда я,
ненасытная совесть моя.
Некрепка моя вера худая,
малoverная вера моя.

И когда бы чужое насилье
повелело: покинь, отойди –
я бы сбросил духовные крылья,
сердце выбросил бы из груди.

Оттого-то, в последний, быть может,
я скажу о духовных делах.
Ведь и вас это дело тревожит,
ведь и вас посещает Аллах.

В мире наших ужасных волнений,
в море яда, в чугунном бреду
преклоняю старинно колени,
славословлю, поклоны кладу.

Вас приветствую, слабые храмы,
сад единственный в пропасти зла –
острия католической Дамы,
православных церквей купола;
мусульманский высокий обычай:
чистым сердцем и чистой пятой...
Бейся, сердце, от разных обличий
человеческой веры святой.

О святая святых синагоги!
Если б я среди набожных рос,
я бывал бы в печальном чертоге
очистительно-жалобных роз.

Нет, я вырос без церкви, без быта.
Как же стало, что с каждой весной
очевидней, сильнее открыта
глубина, ширина надо мной?

Неужели до самой кончины
буду я не оставлен тобой
и тобой награжден без причины,
дивный воздух, покров голубой?

Сколько радости было дано мне!
Эти сорок счастливейших лет.
Не бывает удача огромней,
не бывает блистательней свет.

Хоть мученье, позор и увечье
на меня бы теперь низошло –
совершилось мое человечье
незаслуженное ремесло.

Как безумно, как страшно, как дико
Сердце мира вполне возлюбить;
жадным волком, собакою дикой
перед смертью об этом провуть.

Потому что не скажется словом
безграничное поле любви:
снежным пламенем в небе свинцовом,
разложением в смертной крови.

Весть

Ознобов и бессонниц тайных
нас утомляет череда
сцепленьем слов необычайных,
не оставляющих следа.

Средь ночи добровольно пленной
при поощренье щедрой тьмы
мы пишем письма всей вселенной,
живым и мертвым пишем мы.

Мы пишем, как жених невесте,
нам перебоев не унять,
чужим и дальним шлем мы вести
о том, чего нельзя понять.

Мы прокричим, но не услышат,
не вспыхнут и не возгорят,
ответных писем не напишут
и с нами не заговорят.

Тогда о чем же ты хлопочешь,
тонический отживший звон,
зачем поешь, чего ты хочешь,
куда из сердца рвешься вон?

Мания преследования

Так лечат душу: выскажи скорее
наильно вслух необоримый страх –
и рухнет он подрубленную реей,
сойдет с пути и обратится в прах.

Стихотворительное одержанье,
язык богов, гармония комет!
Бессонный клин, сознательное ржанье
моих разлук, моих плачевных смет.

О том, что знаю и чего не знаю,
перо, тебе докладываю я.

С тобой теперь поминки начинаю
по злой тревоге моего житья.

Боюсь других в моем уме бессильном,
хоть и они хлопочут, точно я,
подобные оплеванным рассыльным
на площади рябого бытия.

И вот во мне поет моя обуза,
внутри грохочет мания моя,
и мелкий шар как сердце тонет в лузу,
подстреленное властью кия.

Смотри меня через очки незрячей
могучей беспорядочной любви;
твоей души горячей ключ горячий
себе на помощь страстно призови
и подари меня любовью нужной,
преследовательный разбей недуг,
страх расколи рукой доброподружной,
заботливым рисунком бровных дуг.

Слезы

Есть слезы счастья: той достойной влагой
глазам родительницы изойти,
когда вернулся сын, служивший флагу
своей страны на Марсовом пути.

А слезы горя! Гнутые ресницы
покинутой супруги – их приют.
Так, в жизни двух – единство только снится,
его достигнуть судьбы не дают.

О третьи слезы... Но молчи об этом:
о преисподней – о слезах стыда,
о жалком зле, не раз тобою петом,
об этой ране, свежей навсегда.

Сестра

Не говори как все: одной не миновать,
двум не бывать. Не две – неисчислимо много.
Отряд живых смертей с тобой шагает в ногу.
Забудь. Не вызывай. Страшись именовать.

Пока твоя болезнь тебя не обняла,
как сладострастница, которая потушит
твой пыл, умрет сама, но и тебя задушит, –
справляй в молчании привычные дела.

Не думай об ее коварных западнях.
Твоим житейским дням довлеет жизни злоба.
Не зная друга друг, перемогайтесь оба.
Бок о бок с ней живи в неблагодарных днях.
Ты знаешь, мы в бреду, и всё туман и страх.
Но празднуй все богам за то, что ты не болен,
что ты еще здоров, еще свободоволен
и к небесам взлетать, и опускаться в прах.

Она уже с тобой, хоть не пришла пора
тебе ее познать и с ней соединиться –
намеченная тень, враждебная близница:
болезнь предвзятая, безмолвная сестра!

Спокойствие

Я думал прежде, что необходимо
надеяться и много говорить,
и радоваться или быть любимым,
и злобствовать, и жизнь свою творить.

Но вдруг заметил, что несносна давка
случайной и посредственной игры.
Я обойден у пышного прилавка,
мой стук неюрок, ногти неостры.

Назначенные выпадают кости,
прядется сладкий, дивно прочный лен,
и не испытывающему злости
завидный выигрыш определен.

Дурному плену должно расковаться.
Мне милое блаженство суждено.
И мне ли тешиться и бесноваться:
я буду спать, доколе спать дано.

Доверие

Как жалок лепет слов твоих напрасных
в беспомощных молитвенных стихах,
как жарок ворох роз приснопрекрасных
в твоих руках, в чахоточных руках!

Сюда, Тереза, умершая рано,
мне, смертному, на помощь поспеши;
явись благоприятною охраной
в ночи, в ночи, во мгле, в глуши, в тиши.

Под сводами томления ночного
все прошлое и пусто и темно.
Но иногда блаженной вестью новой
воображение потрясено.

И в каждом вздохе, сердца – в каждом бьенье:
сюда, Тереза! ворох роз, сюда!
Проходят дни, растет уединенье,
встает гора греха, труда, стыда –
но ты, чахоточная королева,
пребуди с рабом, к слепому низлети,
оборони от грусти и от гнева
и руку горя властно отврати.

Анне Присмановой

Для Вас пишу, любя и нарочито,
В прямом доверии и в простоте.
Читайте тридцатипятичито,
Хоть этот почерк и осточертел.

А там стихопечатальной машиной,
Которой век пороги обмелил,
Смят почерк этот чисто камышинный,
Побит свинцом и стерт с лица земли.

Глядите верно – ведь еще возможно –
Пока набор писца не оборвал;
Я друг – и твердый и еще не ложно –
Еще не холощенные слова.

ГОЛОВИНА А.С.

Головина Алла Сергеевна (1909, с. Николаевка Киевской губ. – 1987, Брюссель). Оказалась в эмиграции в 1920 г., в возрасте 10 лет, сначала в Чехословакии, затем во Франции и Бельгии. Училась в Чехии в русской гимназии. Стала печататься с 1931 г. в журнале «Воля России» (Прага). Стихи связаны с эстетикой пражского кружка «Скит поэтов», на ее лирику оказала влияние М. Цветаева. Поэтическое наследие обширно: многочисленные стихотворения, несколько поэм, автобиографическая проза. При жизни вышел лишь один поэтический сборник – «Лебединая карусель» (1935). Печаталась в журналах «Современные записки», «Руль», «Возрождение».

Текст стихотворения взят из:

Головина А.С. Лебединая карусель. Берлин, 1935.

Одесские взрывы (1918 года)

По небу ползла черепаха,
А может быть, странная туча.
Тогда мы смотрели без страха,
Хоть туча была неминуча.

Взрывались лиловые газы,
Смертельные, над облаками,
Дымком, приносящим заразы,
Искали газоны и скамьи.

Мы были детьми и смотрели,
И слушали: окна звенели,

Стекло разрезалось на трели,
Сияющие на панели.
Тогда в Александровском парке
Нас няни готовили к смерти.
Тот ветер, несильный и жаркий,
Несли черепахи и черти.
Мы выжили... Рассосалось
Над нами страшилище чада.
Мы выжили (жалость – не жалость?),
Но плачут помещичьи чада.
На рейде стоят пароходы,
Вверху Недреманное Око
Сквозь все облака и отходы
Взирает над садом и доком...
И позже, на ледоколе,
Уже покидая Одессу,
Мы помнили даже о школе
Сквозь розовую завесу...

Текст стихотворения взят из:

Головина А.С. Лебединая карусель. Берлин: Петрополис, 1935.

М. Цветаевой

В море – на корабле,
На потухшей золе,
На гранитной скале,
На магнитной скале,
Только не на земле,
Не в любви, не в тепле...
– Слышать, как журавли
Отлетят от земли,
Чуять землю вдали...
Чтоб ее пожалеть,
Чтоб ее увидеть –
Умереть,
Умирать –
На разбитом крыле,
Только не на земле...

1935

* * *

Боже мой, печалиться не надо,
Этот день – спокоен и хорош,
На дорожку маленького сада
Золотая набегаёт рожь.

Чайных роз измяты сердцевинки,
Лепестки, как дамские платки,
Из-за них погибнут в поединке
Вечером зеленые жуки.

На мосту почти прогнили доски,
И перила так легки, легки,
Поправляй же локоны прически,
Становись, взлетая, на носки.

И никто, наверно, не заметил,
Как я пела, огибая дом,
И как, словно спущенные петли,
Тень моя рассыпалась дождем.

Как недолго, чувствуя тревогу,
Голос мой срывался и дрожал,
Но никто не вышел на дорогу,
На земле меня не удержал.

1935–1938

Впервые напечатано: Современные записки. 1936. Кн. 61.

Брюгге

Посвящено Ф. Жиллэс де Пелиши

Ночью руки до плеча растают –
Мы крылаты снова на досуге...
Наши души ночью улетают
На каналы в позабытый Брюгге.

Чинно звезды сторонятся в небе,
И туманы, подколов вуали,
Нас ведут туда, где черный лебедь
Под мостом вздыхает на канале.

Спят кружевницы в своих подвалах
И во сне привычными руками
Ворожат в узорах небывалых,
Что цветут вверху над чердаками.

Город спит в неотзвеневших звонах,
В медных звуках, горестных и чистых –
Темный город брошенных влюбленных
И с маршрута сбившихся туристов...

А когда колокола застонут
И кружевниц ослепят рыдания,
Нас лучи готические тронут
И мы птицам скажем: до свиданья...

Мы уже опаздываем, птицы,
И давно, в Париже или Праге,
Колют тело стынущее шприцем
И по полкам ворошат бумаги...

1931

Текст стихотворения взят из:
Головина А.С. Городской ангел. Брюссель, 1989.

4 апреля (Юбилейная поэма 1922–1932)

Веселый апрель – это чудный момент,
Повсюду пасхальная чистка...
Конечно, герой наш – брянский студент,
Конечно, она – гимназистка...

Она называла Тшебову тюрьмой,
Любила кровавые драмы.
Студент прикатил отъедаться домой
Под крылышко любящей мамы.

Ему нипочем небосвод голубой,
Что воды бурлящие смелы...
Она же в апреле являла собой
Тип Лизы, Татьяны и Бэлы.

Они по болезни учились года,
Которые были излишни,
За них хлопотали родные всегда,
Когда распускалися вишни.

Он свыкся в Брно со своим уголком,
Она же – с бараком и классом,
Его называли всегда индюком,
Ее – иногда папуасом.

Уже зеленела повсюду трава,
На ферме гнусавили птицы.
При встрече студент улыбался едва,
Она опускала ресницы...
Законов порою обычай злей –
Их смертью судьба не венчала,
И чинно справляют они юбилей,
Десятый уже от начала.

Тексты стихотворений взяты из:
Головина Алла. Вилла «Надежда». М., 1992.

Сумасшедший дом. Аккуратный парк.
Сумасшедшая русская: Жанна Д'Арк.
Разрешили ей волосы стричь у плеч
И тяжелые двери свято беречь.
Ах, – печально она говорит врачу, –
Я дофина увидеть скорей хочу.
О, поймите, я слушаю голоса
Каждый день по три, по четыре часа.
И со скукой врач отвечает ей:
Был расстрелян в Сибири дофин Алексей.
А историю вашей дикой страны
Вы и здесь забывать никогда не должны.
Но однажды явившийся серафим
Показался царевичем ей сквозь грим.
Тут-то многое она поняла
(Поседела и от ворот отошла),
Что она – эмигрантка, а город Париж,
И что за нашей историей не уследишь.
Той же ночью спокойно она умерла,
И вошла в Ленинград, и дофина нашла,
И собор отыскала. Стоял Алексей,
Петроградской белой ночи бледней,
Ликовал почему-то советский народ
И уже собирался в какой-то поход.
Эмигрантская дева жива – не жива
(Словно молния – в древо) и видит – Москва,
Петербург отступил, и уже Михаил,
Дрожь скрывая, стоит у бесчестных могил...

* * *

В этом мире, где много печали,
Где тоска, как крыло за плечом,
Мы с тобою молчали, молчали
И не смели спросить ни о чем...

Мы ни с кем не делили тревоги,
Мы дрожащих не подняли век,
Как распяты, чернели дороги,
Развозящие счастье навек.

Только раз от безвыходной муки,
Как голодную легкую плеть,
Прямо к небу я подняла руки,
Чтоб над злыми годами взлететь.

И сквозь дымный и розовый вечер
Облака пролегли мостом,
Чтоб безвольные нежные плечи,
Я опять осенила крестом,
Чтоб сквозь сон примелькавшихся будней,
Где расставила вехи тоска,
Ты бы верил все безрассудней,
Что желанная встреча близка.

* * *

Открылся край седого неба,
А веткам страшно в темноте.
Луна большим и темным хлебом
Лежит на синей высоте.

Мой путь домой такой тяжелый,
Ночные ветки бьют в лицо.
И страшно мне ногою голой
Ступить на белое крыльцо.

* * *

Покоя не находят
На небе до утра.
И пляшут под окошком,
Скользят по желобам,
Ползет по крыше кошка
К уснувшим голубям.

1936

Во дворе

Дошла любовь до точки,
Цепей не расковать,
Любились голубочки,
Слетались ворковать.

Достался голубь кошке
И клювом не стучит,
Соперница в окошке
Подперлась и сидит.

Подперлась локоточком,
Глядит куда-то вниз,
Летают голубочки,
Садятся на карниз.

А во дворе прохожий –
Плечист и сероглаз,
Кому-то точит ножик
Сегодня в первый раз.

Поет, поет прохожий
Не о моей красе,
Звездами брызжет ножик
На белом колесе.

Последний вечер дожит –
Цепей не расковать,
Поет и пляшет ложе –
Пуховая кровать.

Последний вечер дожит,
Она гасит огонь,
И месяц – острый ножик
Упал в мою ладонь.

Порхая звезды всходят
От нашего двора,
Покоя не находят
На небе до утра.

И пляшут под окошком,
Скользят по желобам,
Ползет по крыше кошка
К уснувшим голубям.

ГОМОЛИЦКИЙ Л.Н.

Гомолицкий Лев Николаевич (1903, Петербург – 1988, Лодзь). Родился в семье польских интеллигентов, учился в реальном училище. Затем семья переехала на Волынь, в город Острог. Здесь в 1924 г. окончил классическую гимназию. В 1921 г. Острог оказался на территории получившей независимость Польши. В 1931 г. Гомолицкий переселился в Варшаву. Здесь с 1938 г. учился в Высшей художественной школе. Несмотря на свое польское происхождение, в 1930-е гг. он считал себя русским поэтом. Был секретарем Союза русских писателей и журналистов, принимал активное участие в жизни русской диаспоры, был одним из наиболее ярких и талантливых поэтов «Литературного содружества» (1929–1935). Первые литературные опыты приходятся на начало 1920-х гг. В 1921 в Варшаве в издательстве «Россика» был опубликован сборник его стихотворений «Миниатюры», куда вошли стихотворения 1918–1921 гг. В 1934–1938 гг. издал 7 сборников стихов. Среди них – «Дом» (1934), поэма «Варшава» (1934), «Цветник» (1936), «Эмигрантская поэма» (1936). Стихи поэта печатались в сборниках, издаваемых и в других странах: «Новь» (1935) – Эстония, «Якорь» (1936) – Париж. Поэзии Гомолицкого присущи настроения обреченности, глубокой печали, одиночества. Поэт размышляет о трагической судьбе поэта-эмигранта. Эту тему он варьирует во многих стихотворениях, характеризующихся обилием сложных поэтических образов, философских размышлений и мистических обобщений. После войны становится польским прозаиком, продолжает напряженную творческую работу. Опубликовал несколько крупных исследовательских работ, посвященных проблемам польско-русских литературных связей, в том числе истории взаимоотношений А. Мицкевича и А.С. Пушкина.

Тексты стихотворения взяты из газеты «За свободу» (17.04.1929).

Не все ль равно, по старым образцам
Или своими скромными словами,
Не подражая умершим творцам,
Захочешь ты раскрыться перед нами.

Пусть только слов созвучие и смысл
Для современников невольно будет ясен,
Прост, как узор уму доступных числ,
И, как дыханье вечного, прекрасен.

Чтоб ты сказал измученным сердцам,
Измученным в отчаяньи скитанья,

И за себя и тех, кто молча там,
Десятилетье принимал страданья.
Ведь Пушкин, смелый лицеист-шалун,
И не лишенный, как и солнце, пятен,
За то и отлит внуками в чугуны,
Чтоб был, волнуя, каждому понятен.

Земной рай

Заря цветет вдоль неба, как лишай.
Где труп кошачий брошен за сарай,
Растет травинкой желтой и бессильной
Отвешенный так скупое людям рай.
Вот проститутка, нищий и посыльный
С подачками на новый урожай.
Перед стеной тюремной скверик пыльный,
Солдатами набитый через край.
Есть тьма – есть свет, но, веря невзначай,
Они идут... разгадка непосильна,
И не спасет ни взрыв, ни крест крестильный.

Взято из: Венки Пушкину. Из поэзии первой эмиграции. М., 1994.

Отрывок из поэмы «Варшава»

Ужасных дум
Безмолвно полон, он скитался...
А.С. Пушкин

А я... великим наводнением
на берега чужие смыт.
Невоплощенной серой тенью
скольжу – бездомен и несyt.
Скамье вокзального томленья
я сон урывками учу:
закрывать глаза – и в сновиденья
вниз головой лечу – лечу –
И, разверзаясь под скамьею,
над покачнувшейся толпой –
вторая явь передо мною...
Всплывает огненный покой:
в полях над жертвенным куреньем
крылатый жнец идет с серпом –
овиты дальние селенья

далеким дымчатым дождем –
и снова жжет дыханье – мята –
и снова солнца запах – жгуч –
и – юность! – снова, как когда-то,
огонь спускается из туч,
ведет тернистыми лугами –
как вяжет губы терпкий терн –
дорожной пыли облаками
в небесный дым, Господний горн –
и вновь стихи – распев, залягья –
и грудь мохнатая холмов –
вновь не могу противостоять я
залягьям Блоковых стихов –
Но сквозь пылающие Трои,
что в сновидениях горят,
томит вокзальной суетою,
гримасой бледной циферблат...
Закрыт вокзал – и – без дороги
из корчей сна, обрывков снов
меня несут безвесно ноги
в ущелья черные домов.
За немотой оград чугунных
на соловьиные сады
садится дым прозрачно-лунный
слоями ломкими слюды.
И я, голодный и бездомный,
бреду по каменной стране.
Пылают пламенные домны
домов в рассветной тишине.
За пражской черной панорамой
редуют фабрик голоса.
И над бледнеющей рекламой
рассвета веет полоса.
И в этих флагах бело-красных
небесной утренней воды –
у ног Коперника напрасно
ищу я Блоковы следы –
бесследны годы, души, вещи –
с земного веются лица.
И лишь стихи звучат зловеще

заклятьем страшным мертвеца.
От их растущего звучанья
дома шатаются, гудят
подземным жутким колебаньем,
как лед, ломается асфальт.
И рушат – с грохотом – заклатья
Иерихон церковей, дворцов –
и не могу противостать я
распеву бешеному слов.
Бросаю будущие годы
в гром сокрушающей трубы...
Во веки истинна свобода
сожженной ямбами судьбы.

КНОРРИНГ И.Н.

Кнорринг Ирина Николаевна (1906, Самарская губ. – 1943, Париж) эмигрировала в 1920 г. вместе с семьей в Северную Африку. Школу окончила в Тунисе. В 1925 г. приехала в Париж. Училась во французско-русском институте. Вышла замуж за поэта Ю. Софиева. Опубликовала два сборника стихов: «Стихи о себе» (1931) и «После всего» (1949).

Текст стихотворения взят из: *Кнорринг И.* Окна на Север. Париж, 1939.

Мыши

Мыши съели старые тетрадки,
Ворох кем-то присланных стихов.
Мыши по ночам играют в прятки
В сонном сумраке углов.
Мыши съели письма из России,
Письма тех, кого уж больше нет.
Пыльные обгрызочки смешные –
Память прежних лет.
Мыши сгрызли злобно и упрямо
Все, что нам хотелось сохранить:
Наше счастье, брошенное нами,
Наши солнечные дни.
Соберем обгрызанные части,
Погрустим над порванным письмом:
Больше легкого земного счастья
По клочкам не соберем...

Сделает иным, ненастоящим
Этот мир вечерняя заря.
Будет в окна падать свет мертвящий
Уличного фонаря.
Ночью каждый шорох чутко слышен,
Каждый шорох, как глухой укор:
Это гложат маленькие мыши
Все, что было до сих пор.

1931

ДОВИД КНУТ

Довид Кнут (псевд. Фиксмана Давида Мироновича; 1900, Бессарабия – 1955, Тель-Авив) – поэт, прозаик, литературный критик, переводчик. Находился во Франции с 1920 г. Входил в литературные объединения «Палата поэтов» (1921–1922), «Гатарapak», «Через» (1923–1924). Один из организаторов Союза молодых поэтов и писателей (1925). С 1927 г. – участник собраний «Зеленой лампы», с 1928 г. – участник литературного кружка «Перекресток». В 1942–1945 гг. жил в Швейцарии, с 1949 г. – в Израиле. Помимо традиций русской философской поэзии, в первую очередь Ф.И. Тютчева, чувствовал себя наследником еврейской литературы. Национальные истоки ощутимы в воплощении библейской темы. Лирической доминантой является приятие мира, в котором лирический герой ощущает свое единство с Богом и людьми. Сборники: «Моих тысячелетий» (Париж, 1925), «Вторая книга стихов» (Париж, 1928), «Парижские ночи» (Париж, 1932), «Насущная любовь» (Париж, 1938), «Избранные стихи» (Париж, 1949).

Тексты стихотворений взяты из:

Довид Кнут. Избранные стихи. Париж, 1949.

Я вышел. Вкруг меня, как по приказу,
Восстала жизнь, оформилось ничто.
Гудя, ревя, мыча – рванулись сразу
Стада людей, трамваев и авто.
Я в центре возникающего мира.
По радиусам от меня бегут
Деревья, камни, храмы и трактиры,
Где суеются смерть, любовь и труд.
Мир призраков, свободный и безбрежный,
Вдруг воплотился, ожил и живет,
И, повинуюсь воле центробежной,

Встает и крепнет, ширится, растет,
Мне каждый шаг являет воплощенье:
Вот дом возник из дыма и песка,
Взглянул – и вот, в невероятной лени,
Катятся голубые облака...
Моим хотеньем, чувственным и грубым,
Рожден пленительный и сложный мир:
Летят авто, дымятся в небе трубы,
И реют звуки еле слышных лир.

Восточный танец

В ответ на знак – во мраке балагана
Расторгнуто кольцо сплетенных рук,
И в ропоте восставших барабанов
Танцовщица вступила в страстный круг.
Плечо и грудь вошли степенно в пляску,
В потоке арф нога искала брод,
Вдруг зов трубы – и, весь в легчайшей тряске,
Вошел в игру медлительный живот.
О, упоенье медленных качаний,
О, легкий шаг под отдаленный свист,
О, музыка неслыханных молчаний,
И – вдруг – удар, и брызги флейт, и сistr!
Гроза. Безумье адского оркестра,
Раскаты труб, тревожный зык цимбал.
Как мечется испуганный маэстро,
Но все растет неукротимый вал.
И женщина – бесстрашная – вступила
С оркестром в сладострастную борьбу.
Ее из мрака музыка манила –
И шел живот – послушно – на трубу.
Но женщина любила и хотела –
И, побеждая напряженный пляс,
Она несла восторженное тело
Навстречу сотням раскаленных глаз.
О, этот час густой и древней муки:
Стоять во тьме, у крашеной доски,
И прятать от себя свои же руки,
Дрожание от жажды и тоски.

* * *

...Нужны были годы, огромные древние годы
Псалмов и проклятий, торжеств, ликований – и мглы,
Блистательных царств, урожаев, проказы, невзгоды,
Побед, беззаконий, хвалений и дикой хулы.
Нужны были годы, века безнадежных блужданий,
Прокисшие хлеба и горький сжигающий мед,
Глухие века пресмыканья, молитв и рыданий,
Пустыннное солнце и страшный пустынный исход,
Мучительный путь сквозь пожары и дымы столетий,
Извечная скука, алчба, торжество и тоска,
Затем, чтоб теперь на блестящем салонном паркете
Я мог поклониться тебе, улыбнувшись слегка.
Какие пески отдаляли далекую встречу.
Какие века разделяли блуждающих нас,
А ныне мы вместе, мы рядом, и вот даже нечем
Засыпать пустыню и голод раскрывшихся глаз.
И только осталось твое озаренное имя.
Как хлебом питаться им – жадную душу кормить,
И только осталось пустыми ночами моими
Звериную муку мою благодарно хранить.
Спокойно платить этой жизнью, отрадной и нищей,
За нежность твоих – утомленных любовью – плеч,
За право тебя приводить на мое пепелище,
За тайное право: с тобою обняться и лечь.

Кишиневские похороны

Я помню тусклый кишиневский вечер:
Мы огибали Инзовскую горку,
Где жил когда-то Пушкин. Жалкий холм,
Где жил курчавый низенький чиновник –
Прославленный кутила и повеса –
С горячими арапскими глазами
На некрасивом и живом лице.
За пыльной, хмурой, мертвой Азиатской,
Вдоль жестких стен Родильного Приюта,
Несли на палках мертвого еврея.
Под траурным несвежим покрывалом
Костлявые виднелись очертанья
Обглоданного жизнью человека.

Обглоданного, видимо, настолько,
Что после нечем было поживиться
Худым червям еврейского кладбища.
За стариками, несшими носилки,
Шли кучкою глазастые евреи.
От их заплесневелых лапсердаков
Шел сложный запах святости и рока,
Еврейский запах – нищеты и пота,
Селедки, моли, жареного лука,
Священных книг, пеленок, синагоги.
Большая скорь им веселила сердце,
И шли они неслышною походкой,
Покорной, легкой, мерной и неспешной,
Как будто шли они за трупом годы,
Как будто нет их шествию начала,
Как будто нет ему конца... Походкой
Сионских – кишиневских – мудрецов.
Пред ними – за печальным черным грузом
Шла женщина, и в пыльном полумраке
Невидно было нам ее лицо.
Но как прекрасен был высокий голос!
Под стук шагов, под слабое шуршанье
Опавших листьев, мусора, под кашель
Лилась еще неслышанная песнь.
В ней были слезы сладкого смиренья,
И преданность предвечной воле Божьей,
В ней был восторг покорности и страха...
О, как прекрасен был высокий голос!
Не о худом еврее, на носилках
Подпрыгивавшем, пел он – обо мне,
О нас, о всех, о суете, о прахе,
О старости, о горести, о страхе,
О жалости, тщете, недоумении,
О глазках умирающих детей...
Еврейка шла почти не спотыкаясь,
И каждый раз, когда жестокий камень
Подбрасывал на палках труп, она
Бросалась с криком на него – и голос
Вдруг ширился, крепчал, звучал металлом,
Торжественно гудел угрозой Богу
И веселел от яростных проклятий.

И женщина грозила кулаками
Тому, Кто плыл в зеленоватом небе,
Над пыльными деревьями, над трупом,
Над крышею Родильного Приюта,
Над жесткою, корявою землей.
Но вот – пугалась женщина себя,
И била в грудь себя, и леденела,
И каялась надрывно и протяжно,
Испуганно хвалила Божью волю,
Кричала исступленно о прощеньи,
О вере, о смирении, о вере,
Шарахалась и ежилась к земле
Под тяжестью невыносимых глаз,
Глядевших с неба скорбно и сурово.
Что было? Вечер, тишь, забор, звезда,
Большая пыль... Мои стихи в «Курьере»,
Доверчивая гимназистка Оля,
Простой обряд еврейских похорон
И женщина из Книги Бытия.
Но никогда не передам словами
Того, что реяло над Азиатской,
Над фонарями городских окраин,
Над смехом, затаенным в подворотнях,
Над удалью неведомой гитары,
Бог знает где рокочущей, над лаем
Тоскующих рышкановских собак.
...Особенный, еврейско-русский воздух...
Блажен, кто им когда-нибудь дышал.

Рош-Пина

Звезды светят
Из синего небытия
На дома, синагогу и площадь.
Возвращается ветер
На круги своя
И шуршит в эвкалиптовой роще.
Возвращается ветер
На круги своя,
Подбирает листок эвкалипта,
Здесь, по этим

Неисповедимым краям,
Шли, стеная, рабы из Египта.
Возвращается ветер в стотысячный раз,
Бередит ханаанские склоны,
Как свидетели правды, о, Экклезиаст,
Непреклонные скалы Хермона.
Возвращается с моря, с высоких вершин
Влажной вечностью веющий ветер.
Кипарисы качаются чинно в тиши,
Как свидетели горя и смерти.
Возвращается жизнь: вот Ревекка с водой
На плече... Это было – и будет.
Возвращается смерть. Но, под той же звездой,
Не рабы умирают, а люди.

Прародина (Из палестинского цикла)

Хайфа

Среди бесплодных дел и тучного безделья,
В пустыне каменной, где звери не живут,
Опять – оазисом: спасительная келья,
Мужской геометрический уют.
И вновь безмерный лист нетронутой бумаги
Самозабвенно ждет живительных чернил,
Скупых последних слез, благословенной влаги,
Что человек про черный час хранил.
Работает страна – перо, лопата, заступ, –
И пот души, как пот лица, солен.
Но там, где сеян хлеб – цветы Экклезиаста,
Твой мудрый сад, безумный Соломон.

II

О, бедный Кармил! Гробовые кубы
Блюдут гигиенический уют:
Радиофон – и золотые зубы,
Сквозь кои души медные блюют.
Огонь и сера европейской лавы,
Кинематограф, заводской гудок...
Но надо всем, но через все – отравой –
Пронзительный библейский холодок.

Цфат

Бугры горбатых рыжеватых гор,
Верблюдами разлегшихся по склонам.
Бесплодья цвет, где редко жадный взор
Утешится пятном темно-зеленым.
Угрюмых гор осенний караван,
Уставший от бесцельных путешествий,
От пестрого однообразья стран,
От скуки облаков, песков и бедствий.
Он слишком долго нес – и ночь, и день –
Убогий скарб людской: дома и гробы,
Тысячелетний груз и дребедень
Бессильной веры, непосильной злобы...
Теснящихся уступами домов
Таинственные голубеют кубы,
Стада камней, верблюдов и ослов,
Ослиный рев, томительный и грубый.
И вновь – всерастворяющий покой
Над вечностью библейской, заклятой.
И, сквозь стеклянный неподвижный зной,
Мне слышен Бог, склонившийся над Цфатом.

Метулла

Мерно рубит старик неподатливый пласт
На заброшенной каменоломне,
Вырубая слова твои, Экклезиаст,
Что душа престарелая помнит:
В мировой суете – всему время свое,
Время плакать и время смеяться,
Время – все отдавать за погибель вдвоем,
Время – с самой любимой расстаться.
Время – словно забыв о парижской весне,
Легкомысленно-звонкой и щедрой,
Постоять под смоковницей, как в полусне,
Иль под скучною вечностью кедра.
Все истлеет. Порвется крепчайшая нить,
Ляжет пыль надо всем и над всеми,
Но не время еще погибать иль грустить,
А любить и надеяться время.
Слава Богу, еще не разбился кувшин,

И висит колесо над колодцем,
И не страшен кружащийся ветер вершин,
И дорожная песня поется.
Вот проходит красавица, кутаясь в шаль.
Нет, не все тут окажется ложью!
Умножающий знание множит печаль,
Но любовь укрепит и поможет.

Земля Израильская

Еве Киричкер

Я шел по берегу Тивериады
И в радости божественно угрюмой
(Как будто сердце радо и не радо)
Бродил между камней Капернаума,
Где некогда... Послушай и подумай
В тени, в пыли оливкового сада.
Все тот же голос во вселенском баре,
Бессонный, мировой, неотвратимый,
О половом неутолимом жаре,
И те же (Всем! За грош!! Неутомимо!!!)
Кинематографические хари
На стенах града-Иерусалима.
Что рассказать тебе про Палестину?
Что помню я? Безлюдную Седжеру,
Оранжевое облако хамсина,
Степенный голос астраханца-гера,
И узкую обиженную спину
Подстреленного мальчика-шомера.
Надменного верблюда над корытом,
Немых пейсатых цадииков из Цфата,
Сухое небо вечности несътой
Над детством мира, гибелью объатым,
И стертые бесчисленные плиты
Безумных мертвецов Иософата.
И девушку, по имени Юдифь,
Что долго вслед рукой махала смуглой.

КРОТКОВА Х.П.

Кроткова Христина Павловна (К. Ирманцева; 1909, Самара – 1965, Москва). Эмигрировала в Прагу. Была членом поэтического кружка «Скит поэтов». Стихи печатались на страницах «Воли России», «Современных записок», «Скита», «Русских записок». В начале второй мировой войны эмигрировала в США. Была сотрудником газеты «Новое русское слово». Ее стихи печатались в «Новом журнале», «Новоселье», вошли в антологии «Эстафета» и «На Западе». Собственный сборник стихов «Белым по черному» вышел в 1951 г. в Париже. Умерла в 1965 г. во время поездки в СССР.

Тексты стихотворений взяты из:

Кроткова Х. Белым по черному. Париж, 1951.

Предание

С дыханьем застаревшей тишины
Когда приходит девственная осень –
Как пажити библейской старины
Прилежной Руфью сжатые колосья.

Из сырости рассвета и луны,
Когда туман росы алмазы сбросит –
Влюбленной Суламифи и весны
Гортанный окрик ветер переспросит.

Усталой горстью сыплю семена,
Вечерних птиц приманивая к дому,
И первая звезда едва видна
По древнему сиянью золотому.

Как вечер поджидающий тиха,
То мудрая жена зажгла лампаду.
Распев благочестивого стиха
Встречает тьму по древнему обряду.

1927

* * *

Ты от меня улетишь, как осенняя птица.
Надо, пора.
Будут и листья, и птицы протяжно кружиться
Завтра с утра.

Наша ли жизнь, задрожав, зазвенев, оборвется
Без очевидной вины.

Помнишь ли звук, что подчас в тишине раздается,
Лопнувшей тонкой струны?

Ты от меня улетишь, как последняя птица,
В страхе грядущего зла.

Ты от меня улетишь, не посмея проститься
росчерком вольным крыла.

В долгую, светлую ночь над пустыми полями,
В поздний, морозный восход,
Ты улетишь, как они, за былыми годами,
Не задержавши полет.

1936

* * *

Знаю: телу нужен воздух,
Быта чтит оно закон:
В меру усталь, в меру отдых,
Теплый дом, еда и сон.
Что же дать мне этой темной,
Невнимательной душе,
Непонятной, неумной,
Замершей настороже?

* * *

Твоей нерадостной страны
Полузабылись очертанья,
Но внятный голос тишины
Всегда твердит ее названье.
Сулил неверное свиданье
Твой взгляд, и ясный, и немой.
Со мной – призыв и обещанье.
Я – не с тобой, далекий мой.
Но как-то горестно изгнанье,
И все томительнее сны,
И все нежней воспоминанье
Твоей нерадостной страны.

* * *

Забывтый ветер на песках
Шуршит вдоль отмели по солнцу

И легкую тревожит бронзу
Иссохших прошлогодних трав.

Весна проходит, торопясь
В своей слепительной тревоге,
И жизнь и смерть находят связь
В великолепном диалоге.

Клубясь под солнечным бичом,
Там воздух радостный струится,
И рвется ввысь, и льнет ничком,
Чтоб от земли не отлучиться.

ЛЕБЕДЕВ В.М.

Лебедев Вячеслав Михайлович (псевд. Виктор Ляпин; 1896, Воронеж – 1969, Прага). Эмигрировал в 1920 г., с 1921 г. жил в Праге, принял чехословацкое подданство. Входил в редколлегию эсеровской газеты «Воля России», затем в редколлегию журнала «Воля России». Печатался с 1922 г. – в пражском журнале «Годы» («Студенческие годы»; 1923), в «Русской мысли» (1923), журнале «Эос» (Болгария; 1924), особенно много (после 1925 г.) в «Воле России» (свыше 30 стихотворений, 2 поэмы, проза). Сотрудничал в изданиях «Современные записки», «Звено», «Возрождение», «Новая газета». Входил в кружок «Скит поэтов», творческая деятельность с которым способствовала созданию сборника стихов «Звездный крен» (Прага, 1929). В 1930 г. опубликовал в «Воле России» статью «О красных лапках, дедушкиных портретах и голом короле» (1930, № 7–8), на которую полемически откликнулся В. Набоков в сборнике «О восставших ангелах». Активную поэтическую деятельность возобновил лишь в конце 1950-х гг. Под псевдонимом Виктор Ляпин в 1959–1960 гг. «Новый журнал» опубликовал восемь его стихотворений. В 1961 г. в «Мостах» появились еще восемь стихотворений Лебедева (под его настоящей фамилией).

Текст стихотворения взят из: Современные записки. 1928, № 37.

Стихи о крыльях

Безумный век, бессменный ураган...
Как можно жить, как может сердце биться?..
– И вот опять летит за океан
Звнящая, распластанная птица...
И радио хрипит на площадях
Еще одно прославленное имя.

– Но ветер над домами городскими
Несет иных, легчайших крыльев взмах
Сквозь вечера и синие бульвары,
Над матовыми солнцами кино,
Туда, в простор, где звездные пожары
И пыль миров, распавшихся давно.
Лети, душа...
И, веки опуская,
В последний миг я видел, как легла
Из-за плеча на тротуар сквозная,
Большая тень раскрытого крыла.

Текст стихотворения взят из: Современные записки. 1938. № 47.

Ю. Мандельштам

Ты протянешь мне руку, и жар расставанья
Ляжет пеплом на сад, и пустой, и немой.
Я его не узнаю – все мелко, все низко...
Как здесь жить, как здесь петь, как любить навсегда?
А над этой пустыней так ясно, так близко,
Так пронзительно сладко сияет звезда...

Тексты стихотворений взяты из: Новый журнал. 1960. Кн. 2.

Арион

Разукрашенный, блестящий,
Всем наскучивший вполне,
Запевала, птица-ящик,
На трехметровой волне.
И в волненьи, но без страха,
Залетев за океан,
Начинает фугу Баха
Душный, трепетный Милан.
Начинает петь незримо
В тесной клетке у меня
Хор слепых детей из Рима,
Колокольчиком звеня.
Голос счастья чист и женствен,
На волне летя крутой.
Может, нужно для блаженства
Сердце ранить слепотой?
Будет мучить этим птица,

Раскрывая жаркий клюв.
Будет плакать и молиться,
До рассвета не уснув.

Море

Смотри, не оно ли
Блестит из-за леса,
Простора и воли
Раздвинув завесу?
Дыша, словно птица,
Свободой и страстью,
Подносит напиток
Ветров и ненастья
Бурлящую, нашу,
Навек без измены,
Хрустальную чашу
Тумана и пены.
Иди ж на мой берег,
Сядь к волнам и слушай,
Земные потери
Оставив на суше.
Я – вечность! Я – море!
И гулом прибоя
И в счастье, и в горе
Тебя успокою.

Тексты стихотворений взяты из альманаха «Мосты». 1961. № 6.

Серенада

Жгучий голос трепещет на копьях ограды
И аллеи как чаши полны
Черным блеском горячей твоей серенады
И серебряным ливнем луны.
О, Певец! О, испытанный голос коварства!
Пощади эту жизнь и любовь пощади!
Ты приходишь как враг, разрушающий царства,
И как Демон поешь и томишься в груди.
Вот ты назван. Но ты не боишься названья.
Этот миг, этот вечер – он больше не мой!

Ножницы Далилы

С полями в дружбе,
с городом в родстве, –
Квартал домов,
асфальт и тощий ясень,
Где ветры тайно
шепчутся в листве
О том, что мир –
огромен и прекрасен.
О том, что странно
жить так много лет
В одном квартале
и в одной квартире,
Где нет ни отблеска,
ни отзвука в ответ
На вихрь и свет,
давно идущий в мире.

В тиши ночей
ты слышал эту весть.
Далекий гул
как дым плывет над крышей
И говорит:
Один ответ лишь есть –
Идти на зов,
когда ты зов тот слышишь!
Где волосы твои,
Самсон, – Самсон!..
И где дела
твоей поющей силы?
Ты – упоен.
Ты спишь и видишь сон:
Блеск белых рук
и ножницы Далилы...

Сумасшедшие

Говорила узница узнице,
И странной была та речь:
«Я слышала – ночью в кузнице
Ковали огромный меч...»
А узник спрашивал узника.

Был странным его вопрос:
«Узнал? По тропинке узенькой
Прошел за окном – Христос!..»
Мы все путем неизведанным
Идем через странный свет.
И нет на вопросы ответа нам,
И смысла в вопросах – нет...

Вокзальное Рождество

На вокзале Рождество
Выпито как с блюда.
Здесь не встретишь никого –
Здесь лишь расстаются!
Только руку жмут – Прощай! –
Перед дверкой узкой.
Только пьют холодный чай
С ветренной закуской.
Рождество скрипит на льду
В звездный хруст полозьев.
Разве я тебя найду
При таком морозе?
Я хожу – который год? –
Все тебя встречаю,
Ночь промучась напролет
Над стаканом чая.
И под утро вспомню вдруг,
Чай разлив с испуга:
Он за дверью, старый друг, –
Северная выюга!

На перевале

Гудел, как шмель, электровоз,
Ведя состав на перевале.
А ветви сосен и берез
Им вслед так дружески кивали,
Прощаясь, словно в первый раз,
С летящим за вагоном ветром,
На широте раскрытых глаз,
На высоте двух тысяч метров.
Еще последний поворот –
И солнце справа светит низко

В прорыв меж скал, как из ворот,
На белый камень обелиска.
«Европа–Азия». Рубеж.
Урал не знает сна и лени.
Нигде на свете не найдешь
Так много блеска и стремленья!
Скрипит пыль вечности во рту.
Как миф, глядит орел с откоса.
Край мира.
Грань.
– Но за черту
Уже продвинулись колеса.
Поет залиvisto свисток.
Монета повернулась решкой.
Глядит с чуть видимой усмешкой.
И путь широкий на восток.

Текст стихотворения взят из:
«Скит». Прага, 1922–1940: Антология. Биографии. Документы. М., 2006.

Пролог

Лето сгорало в дыму сентября.
Пепел был ветром по крышам развеян.
И неподвижно стояла заря
Над ледниками прозрачных кофеен.
– О, пожалей, не любовь, не себя –
Эту поющую вечность над нами,
Мелким смычком напоказ теребя
Медленным сном нисходящее пламя.
Мир твой поет и гудит вокруг.
С этой незримой улыбкою звездной
Ты воскресает, мой вечный друг,
Бледные руки подняв над бездной.
– Крылья мне! Крылья... Полуночный сон
Дышит изменой над кровлями хижин.
И высоко в небеса вознесен,
Черный твой лёт над бульварами выжжен.
Но засыпая у лунной груди
В тихом затмени полуночной грусти,

Любовь моя, жизнь моя, – о, погоди
Верить таинственным знакам предчувствий.
Сложены крылья к ногам твоим.
Мир переполнен лязгом оружия.
Видишь, за окнами ночь и дым.
Слышишь – их голос грозит снаружи...
Свищет стрела. Летит копье.
Полночь выходить и видит развязку:
Это страшное тело твое
Молча снимает любовь как маску...

НАБОКОВ В.В.

Набоков Владимир Владимирович (1899, Петербург – 1977, Швейцария) – русско-американский писатель XX в. Эмигрировал вместе с семьей из Советской России в 1918 г. Под псевдонимом В. Сирин публиковал русскоязычные стихи и прозу в эмигрантской прессе Берлина и Парижа (в газетах «Руль», «Последние новости», «Возрождение», в журнале «Современные записки» и др.). Отдельным изданием русскоязычные стихи Набокова выходили в сборниках «Горный путь» (Берлин, 1923), «Гроздь» (Берлин, 1923), «Стихотворения 1929–51 гг.» (Париж, 1952), «Poesie» (Милан, 1962), «Poems and Problems» (Нью-Йорк, 1970), а также в сборнике «Стихи», изданном Верой Набоковой (изд-во «Ардис», Анн Арбор, Мичиган, 1979).

Тексты стихотворений взяты из:

Набоков В.В. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1991.

Достоевский

Тоскуя в мире, как в аду,
уродлив, судорожно-светел,
в своем пророческом бреду
он век наш бедственный наметил.
Услыша вопль его ночной,
подумал Бог: ужель возможно,
что все дарованное Мной
так страшно было бы и сложно?

1919

Бабочка (*Vanessa antiopa*)¹

Бархатно-черная, с теплым отливом сливы созревшей,
вот распахнулась она; сквозь этот бархат живой
сладостно светится ряд васильково-лазоревых зерен
вдоль круговой бахромы, желтой, как зыбкая рожь.
Села на ствол, и дышат зубчатые нежные крылья,
то припадая к коре, то обращаясь к лучам...
О, как ликуют они, как мерцают божественно! Скажешь:
глубокоокая ночь в раме двух палевых зорь.
Здравствуй, о, здравствуй, греза березовой северной рощи!
Трепет, и смех, и любовь юности вечной моей.
Да, я узнаю тебя в Серафиме при дивном свиданье,
крылья узнаю твои, этот священный узор.

1917–1922

* * *

Вдохновенье – это сладострастье
человеческого «я»:
жарко возрастающее счастье, –
миг небытия.

Сладострастье – это вдохновенье
тела, чуткого, как дух:
Ты прозрел, ты вспыхнул на мгновенье, –
в трепете потух.

Но когда услада грозовая
пронеслась, и ты затих, –
в тайнике возникла жизнь живая:
сердце или стих.

Смерть

Утихнет жизни рокот жадный,
и станет музыкаю тишь,
гость босоногий, гость прохладный,
ты и за мною прилетишь.

И душу из земного мрака
поднимешь, как письмо, на свет,
ища в ней водяного знака
сквозь тени суетные лет.

¹ Траурница, бабочка из семейства нимфалид.

И просияет то, что сонно
в себе я чую и таю,
знак нестираемый, исконный,
узор, придуманный в раю.
О, смерть моя! С землей уснувшей
разлука плавная светла:
полет страницы, соскользнувшей
при дуновенье со стола.

1924

**Из книги «Возвращение Чобра»
Расстрел**

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать,
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.
Проснусь, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.
Закрыв руками грудь и шею, —
вот-вот сейчас пальнет в меня —
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.
Оцепенелого сознания
коснется тиканье часов,
благополучного изгнания
я снова чувствую покров.
Но сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг.

Берлин. 1927

Стихи из романа «Дар»

Благодарю тебя, отчизна,
за злую даль благодарю!
Тобою полн, тобой не признан,
я сам с собою говорю.

И в разговоре каждой ночи
сама душа не разберет,
мое ль безумие бормочет,
твоя ли музыка растет...

* * *

Из темноты, для глаз всегда неожиданно,
она, как тень, внезапно появлялась,
от родственной стихии отделяясь.
Сначала освещались только ноги,
так ставимые тесно, что казалось:
она идет по тонкому канату.
Она была в коротком летнем платье
ночного цвета – цвета фонарей,
темней стволов, лоснящейся панели,
бледнее рук ее, темней ее лица.

Из сборника «Poems and Problems»

Лилит¹

Я умер. Яворы и ставни
горячий теребил Эол
вдоль пыльной улицы.
Я шел,
И фавны шли, и в каждом фавне
я мнил, что Пана узнаю:
«Добро, я, кажется, в раю».
От солнца заслонясь, сверкая
подмышкой рыжею, в дверях
вдруг встала девочка нагая
с речною лилией в кудрях,
стройна, как женщина, и нежно
цвели сосцы – и вспомнил я
весну земного бытия,
когда из-за ольхи прибрежной
я близко-близко видеть мог,
как дочка мельника меньшая
шла из воды, вся золотая,

¹ Лилит – в иудейской демонологии злой дух, обычно женского пола, овладевающий мужчиной против его воли. Согласно одному преданию, Лилит была первой женой Адама; в европейской литературе обрела облик прекрасной, соблазнительной женщины.

с бородкой мокрой между ног.
И вот теперь, в том самом фраке,
в котором был вчера убит,
с усмешкой хищною гуляки
я подошел к моей Лилит.
Через плечо зеленым глазом
она взглянула – и на мне
одежды вспыхнули и разом
испелились.
В глубине
был греческий диван мохнатый,
вино на столике, гранаты,
и в вольной росписи стена.
Двумя холодными перстами
по-детски взяв меня за пламя:
«Сюда», – промолвила она.
Без принужденья, без усилья,
лишь с медленностью озорной,
она раздвинула, как крылья,
свои коленки предо мной.
И обольстителен и весел
был запрокинувшийся лик,
и яростным ударом чресел
я в незабытую проник.
Змея в змее, сосуд в сосуде,
к ней пригнанный, я в ней скользил,
уже восторг в растущем зуде
неописуемый сквозил, –
как вдруг она легко рванулась,
отпрянула и, ноги сжав,
вуаль какую-то подняв,
в нее по бедра завернулась,
и, полон сил, на полпути
к блаженству, я ни с чем остался
и ринулся и зашатался
от ветра странного. «Впусти», –
я крикнул, с ужасом заметя,
что вновь на улице стою
и мерзко блеющие дети
глядят на булаву мою.
«Впусти», – и козлоногий, рыжий

народ все множился. «Впусти же,
иначе я с ума сойду!»
Молчала дверь. И перед всеми
мучительно я пролил семя
и понял вдруг, что я в аду.

К России

Отвяжись, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я беспомощен. Я умираю
от слепых наплываний твоих.
Тот, кто вольно отчизну покинул,
волен быть на вершинах о ней,
но теперь я спустился в долину,
и теперь приближаться не смей.
Навсегда я готов затаиться
и без имени жить. Я готов,
чтоб с тобой и во снах не сходитьсь,
отказаться от всяческих снов;
обескровить себя, искалечить,
не касаться любимейших книг,
променять на любое наречье
все, что есть у меня, – мой язык.
Но зато, о Россия, сквозь слезы,
сквозь траву двух несмежных могил,
сквозь дрожащие пятна березы,
сквозь все то, чем я смолоду жил,
дорогими слепыми глазами
не смотри на меня, пожалей,
не ищи в этой угольной яме,
не нащупывай жизни моей!
Ибо годы прошли и столетья,
и за горе, за муку, за стыд, –
поздно, поздно! – никто не ответит,
и душа никому не простит.

Париж, 1939

ОДОЕВЦЕВА И. В.

Одоевцева Ирина Владимировна (псевд. Гейникс Ирины Густавовны; 1895, Рига – 1990, Ленинград). Из семьи рижского адвоката. Жила в Петербурге. Была ученицей Н. Гумилева, слушательницей руководимой им литературной студии. В 1921 г. вышла замуж за Георгия Иванова. В 1922 они эмигрировали сначала в Берлин, а затем в Париж. Стихи поэтессы включены в антологии «Якорь», «Музы Диаспоры», сборник «Содружество». В эмиграции издала несколько сборников, куда вошли как новые произведения, так и написанные еще в России. Так, в Париже вышли сборники «Контрапункт» (1950), «Стихи, написанные во время болезни» (1952), «Десять лет» (1961), «Златая цепь» (1975). Широкую известность ей принесли написанные в эмиграции романы «Ангел смерти» (1927), «Изольда» (1931), «Зеркало» (1939), «Оставь надежду навсегда» (1954). В начале 1960-х гг. она обратилась к мемуарной прозе. Одоевцевой принадлежат две книги воспоминаний – «На берегах Невы» (Вашингтон, 1967) и «На берегах Сены» (Париж, 1983). Эти книги стали ценным документом эпохи. В них воссоздается целая галерея писателей, поэтов, художников – представителей как Серебряного века, так и литературной элиты «Русского Парижа». В 1987 г. она вернулась на Родину и последние годы прожила в Ленинграде.

Творческой манере И. Одоевцевой свойственна точность, сдержанность, способность дорожить каждым мгновением своей жизни. Во многих поэтических произведениях создается образ ушедшего мира и ушедших людей, прошлой жизни, канувшей в небытие.

Тексты стихотворений взяты из:
Одоевцева И. Златая цепь. Стихи. Париж, 1975.

В окнах светится крест аптеки,
Цвет зеленый – надежды цвет,
Мой пушистый зеленый плед.
Закрываю, как ставни, веки.
Может быть, это счастье навеки,
А совсем не жар и не бред.
Разбиваются чайки о снасти,
Разбиваются лодки о льды,
Разбиваются души о счастье,
Как бы ни были души горды.
Расцветают крестами сады,
Далеко до зеленой звезды...
Как мне душно.
Дайте воды!..

* * *

Из счастья не вышло ничего –
Мы елки не зажгли под Рождество,
Не встретили мы вместе Новый год,
На лыжах мы не бегали.

И вот
На счастья поставить надо крест...
Как театрально суетлив отъезд!
Опять разлука. О, в который раз
Мужские слезы из холодных глаз!
В который раз «навек», «навсегда»!
Слова, как ветер, слезы, как вода.
Так, до весны, не забывай... Свисток.
Летает голубем в руке платок.
Все кончено. И все же надо жить.
Сесть у окна. На столик положить
Свой похоронно-свадебный букет.
Ни прошлого, ни будущего нет.

* * *

Над зеленой высокой осокой скамья,
Как в усадьбе, как в детстве, с колоннами дом.
Возвращается ветер на круги своя,
В суету суеты осторожно, с трудом...
Возвращается ветер кругами назад,
На пустыню библейских акрид и цикад,
На гору Арарат, где шумит виноград
Иудейски картаво. На Тигр и Евфрат
Возвращается ветер, пространством звеня.
На крещенский парад, на родной Петроград,
Возвращается вихрем, кругами огня...
– Ветер, ветер, куда ты уносишь меня?..

* * *

Андрею Седых

Дождь шумит по грифельной крыше,
Еле слышно скребутся мыши
Там, внизу, этажом пониже –
Очень много мышей в Париже.

Снова полночь. И снова бессонница,
Снова смотрит в мое окно –
За которым дождь и темно –
Ледяная потусторонница.
Как мне грустно!.. Как весело мне!..
Я левкоем цветку на окне,
Я стекаю дождем по стеклу,
Колыхаюсь тенью в углу,
Легким дымом моей папиросы
Отвечаю на ваши вопросы –
Те, что вы задаете во сне
О вчерашнем и завтрашнем дне.

1950

* * *

Вечность? Но вечности нет.
Счастье? Но счастья не будет.
Мы прожили столько лет,
А жизнь нашу всякий осудит.
Осудит сейчас и потом,
Когда нас не будет на свете.
За сложное в самом простом,
За музыку в каждом предмете,
За верность везде и всегда
И даже за детскость нрава.
Судите же нас, господа.
Судить вы имеете право.

* * *

В руках жасминовый букет
И взгляд невинно-удивленный
И волосы, как лунный свет,
Косым пробором разделенный.
Сквозь тюлевый туман фаты
Девическое восхищенье...
Но неужели это ты,
А не твое изображение?
На полотне за гранью лет,
В поблекшем золоте багета,

Воображаемый портрет,
«Банальная мечта поэта»?

* * *

Да, бесспорно, жизни начало
Много счастья мне обещало
В Петербурге над синей Невой –
То, о чем я с детства мечтала,
Подарила судьба мне тогда,
Подарила щедро, сполна,
Не скупясь, не торгуясь: – На!
Ты на это имеешь право. –
Все мне было удача, забава.
И звездой путеводной – судьба,
Мимолетно коснулась слава
Моего полудетского лба...

* * *

Ни спора с судьбой. Ни укора.
Жара и усталость. Бреду
Одна вдоль чужого забора,
Одна, как повсюду на свете.
Закатные розы в саду,
На небе закатная роза,
И те огорченья, и эти
В победно-лучистом свете
Заката Апофеоза.
И ветер в асфальтном чаду
Вздыхает облаком сора:
– Все чисто для чистого взора
В земном и небесном аду.

Текст стихотворения взят из: *Одоевцева И.* Избранное. М., 1998.

В те баснословные года

Нет, я не буду знаменита
Меня не увенчает слава,
Я – как на сан архимандрита –
На это не имею права.
Ни Гумилев, ни злая пресса
Не назовут меня талантом.
Я маленькая поэтесса
С огромным бантом.

ПОПЛАВСКИЙ Б.Ю.

Поплавский Борис Юлианович (1903, Москва – 1935, Париж) – поэт, прозаик, философ и критик. Навсегда покинул Россию вместе с отцом в 1920 г. Сначала жил в Константинополе, где основал творческое объединение «Царьградский цех поэтов». В 1921 г. переехал в Париж. Участвовал в литературно-художественной группе «Через». В 1928 г. его стихи были опубликованы в «Воле России» и в «Современных записках». В 1931 г. издан сборник стихов поэта «Флаги». Посмертно в Париже были изданы три поэтических сборника – «Снежный час» (1936), «В венке из воска» (1938), «Дирижабль неизвестного направления» (1965).

Тексты стихотворений взяты из:
Поплавский Б. Стихотворения. М., 2009.

Флаги

В летний день над белым тротуаром
Фонари висели из бумаги.
Трубный голос шамкал над бульваром,
На больших шестах мечтали флаги.
Им казалось: море близко где-то,
И по ним волна жары бежала,
Воздух спал, не видя снов, как Лета,
Всех нас флагов осеняла жалость.
Им являлся остов корабельный,
Черный дым, что отлетает нежно,
И молитва над волной безбрежной
Корабельной музыки в сочельник.
Быстрый взлет на мачту в океане,
Шум салютов, крик матросов черных,
И огромный спуск над якорями
В час паденья тела в ткани скорбной.
Первым блещет флаг над горизонтом
И под вспышки пушек бодро вьется
И последним тонет среди обломков,
И еще крылом о воду бьется.
Как душа, что покидает тело,
Как любовь моя к Тебе. Ответь!
Сколько раз Ты в летний день хотела
Завернуться в флаг и умереть.

Армейские стансы – 2

Александру Гингеру

Как в зеркало при воротах казармы,
Где исходящий смотрится солдат,
Свои мы в Боге обозрели бармы
И повернули медленно назад.
Добротолюбие – полевой устав
Известен нам. Но в караульной службе
Стояли мы, и ан легли, устав.
Нас выдало врагам безумье дружбы.
Проходим мы, парад проходит пленных,
Подошвою бия о твердый снег.
По широтам и долготам вселенной
Мы маршируем; может быть, во сне.
Но вот стучат орудия вдали,
Трясутся санитарные повозки,
И на дороге, как на мягком воске,
Видны таинственные колеи.
Вздыхает дождь, как ломовая лошадь.
На небесах блестят ее бока.
Чьи это слезы? Мы идем в калошах.
Прощай запас, уходим мы. Пока.
Идут нам вслед не в ногу облака.
Так хорошо! Уже не будет плоше.

1925

Сентиментальная демонология

Михаилу Ларионову

Снижался день, он бесконечно чах,
И перст дождя вертел прозрачный глобус.
Бог звал меня, но я не отвечал.
Стеснялись мы и проклинали робость.
Раскланялись. Расстались. А раз так,
Я в клуб иду: чертей ищи, где карты.
Нашел, знакомлюсь чопорно, простак,
А он в ответ: «Я знаю Вас от парты.
Вы помните, когда в холодный день
Ходили вы за городом на лыжах,

Рассказывал какую дребедень
Я, гувернер курчавый из Парижа.
Когда ж в трамвай садились вы во сне,
Прижав к груди тетрадь без промокашки,
Кондуктор, я не требовал билет,
Злорадствуя под синюю фуражкой.
Когда же в парке, с девою один,
Молчали вы и медленно краснели,
Садился рядом щуплый господин
В застегнутой чиновничьей шинели.
Иль в мертвый час, когда ни пьян, ни трезв,
Сквозь холод утра едет полуночник,
К вам с грохотом летел наперерез
С невозмутимым седоком извозчик.
Иль в бесконечной улице, где стук
Шагов барахтался на вилке лунной,
Я шел навстречу тихо, как в лесу,
И рядом шел и шел кругом бесшумно.
И в миг, когда катящийся вагон
Вдруг ускорял перед лицом движенье,
С любимой рядом сквозь стекло окон
Лицо без всякого глядело выраженья.
Лицом к лицу и вновь к лицу лицом,
До самой смерти и до смерти самой.
Подлец встречается повсюду с подлецом
В халат одетым или даже дамой.
Пока на грудь и холодно и душно,
Не ляжет смерть, как женщина в пальто,
И не раздавит розовым авто
Шофер-архангел гада равнодушно.

Ангелы Ада

Алексею Арапову

Мне все равно, я вам скажу: я счастлив.
Вздыхает ветер надо мной, подлец.
И солнце, безо всякого участия,
Обильно поливает светом лес.

Киты играют с кораблями в прятки.
А в глубине таится змей морской.
Трамвай на гору взлетают без оглядки
И дверь стучит, как мертвецы доской.
А дни идут, как бубны арестантов,
Туда, где кладбище трефовое лежит.
Сидят цари, как толстые педанты,
Валеты держат палки и ножи.
А дамы: как красивы эти дамы,
Одна – с платком, соседняя – с цветком,
А третья – с яблоком, протянутым Адаму,
Застрявшим в глотке – нашим кадыком.
Они шурша приходят в дом колоды,
Они кивают с веера в руке.
Они приносят роковые моды –
Обман и яд в оранжевом чулке.
Шумят билетов шелковые юбки, –
И золото звенит, как поцелуй.
Во мгле горят сигары, очи, трубки.
Вдруг выстрел! Как танцмейстер на балу.
Стул опрокинут. Черви уползают,
Преступник схвачен в ореоле пик,
А банкOMET под лампой продолжает
Сдавать на мир зеленый цвет и пыль.

1926

Артуру Рембо

Никто не знает,
Который час,
И не желает
Во сне молчать.
Вагон левеет.
Поет свисток.
И розовеет
Пустой восток.
О! Приснодева
Простите мне
Я встретил Еву
В чужой стране.

Слепил прохожих
Зеленый газ.
Была похожа
Она на Вас.
Галдел без толку
Кафешантан,
И без умолку
Шипел фонтан.
Был полон Лондон
Толпой шутов
И ехать в Конго
Рембо готов.
Средь сальных фраков
И кутерьмы
У блюда раков
Сидели мы.
Блестит колено
Его штанов
А у Верлена
Был красный нос.
И вдруг по сцене,
По головам,
Подняв колени,
Въезжает к нам
Богиня Анна,
Добро во зле
Души желанный
Бог на осле.
О день забытый...
С посудой битой
Людей родня,
Осел копытом
Лягнул меня.
Но знак удара
Мне не стереть
И от удава
Не улететь.

О дева, юный
Погиб твой лик.
Твой полнолунный
Взошел двойник.
Небес богиня,
Ты разве бль?
Я даже имя
Твое забыл.
Иду у крупа
В ночи белесой
С улыбкой трупа
И папирсой.

1926–1927

Черная Мадонна

Вадиму Андрееву

Синевели дни, сиреневели,
Темные, прекрасные, пустые.
На трамваях люди соловели.
Наклоняли головы святые,
Головой счастливою качали.
Спал асфальт, где полдень наследил.
И казалось, в воздухе, в печали,
Поминутно поезд отходил.
Загалдит народное гулянье, –
Фонари грошовые на нитках, –
И на бедной, выбитой поляне
Умирать начнут кларнет и скрипка.
И еще раз, перед самым гробом,
Издадут, родят волшебный звук.
И заплачут музыканты в оба
Черным пивом из вспотевших рук.
И тогда проедет безучастно,
Разопрев и празднику не рада,
Кавалерия, в мундирах красных,
Артиллерия назад с парада.
И к пыли, к одеколону, к поту,
К шуму вольтовой дуги над головой

Присоединится запах рвоты,
Фейерверка дым пороховой.
И услышит вдруг юнец надменный
С необъятным клешем на штанах
Счастья краткий выстрел, лёт мгновенный,
Лета красный месяц на волнах.
Вдруг возникнет на устах тромбона
Визг шаров, крутящихся во мгле.
Дико вскрикнет черная Мадонна,
Руки разметав в смертельном сне.
И сквозь жар, ночной, священный, адный,
Сквозь лиловый дым, где пел кларнет,
Запорхает белый, беспощадный
Снег, идущий миллионы лет.

1927

Морелла I

Фонари отцветали, и ночь на рояле играла,
Привиденье рассвета уже появилось в кустах.
С неподвижной улыбкой Ты молча зарю озирала,
И она, отражаясь, синела на сжатых устах.
Утро маской медузы уже появлялось над миром,
Где со светом боролись мечты соловьев в камыше.
Твой таинственный взгляд, провожая созвездие Лиры,
Соколиный, спокойный, не видел меня на земле.
Ты орлиною лапой разорванный жемчуг катала,
Ты как будто считала мои краткосрочные годы.
Почему я Тебя потерял? Ты, как ночь, мирозданьем играла,
Почему я упал и орла отпустил на свободу?
Ты, как черный орел, развевалась на желтых закатах,
Ты, как гордый, немой ореол, осеняла судьбу.
Ты вошла, не спросясь, и отдернула с зеркала скатерть,
И увидела нежную девочку – вечность в гробу.
Ты, как нежная вечность, расправила черные перья,
Ты на желтых закатах влюбилась в сиянье отчизны.
О, Морелла, усни, как ужасны орлиные жизни,
Будь, как черные дети, забудь свою родину – Пэри!
Ты, как маска Медузы, на белое время смотрела,
Соловьи догорали, и фабрики выли вдали,

Только утренний поезд пронесся, грустя, за пределы
Там, где мертвая вечность покинула чары земли.
О, Морелла, вернись, всё когда-нибудь будет иначе,
Свет смеется над нами, закрой снеговые глаза.
Твой орленок страдает, Морелла, он плачет, он плачет,
И как краска ресниц, мироздание тает в слезах.

Морелла II

Тихо голос Мореллы замолк на ином берегу,
Как серебряный сокол, луна пролетела на север.
Спало мертвое время в открытом железном гробу,
Тихо бабочки снега садились вокруг на деревьях.
Фиолетовый отблеск все медлил над снежной степью,
Как небесная доблесть, в Твоих неподвижных глазах –
Там, где солнце приковано страшною черною цепью,
Чтоб ходило по кругу, и ангел стоит на часах.
Пойте доблесть Мореллы, герои, ушедшие в море,
Эта девочка-вечность расправила крылья орла.
Но метели врывались, и звезды носились в соборе,
Звезды звали Мореллу, не зная, что Ты умерла.
Молча в лунную бурю мы с замка на море смотрели,
Снизу черные волны шумели про доблесть Твою,
Ветер рвался из жизни, и лунные выли свирели,
Ты, как черный штандарт, развевалась на самом краю.
Ты, как жизнь, возвращалась, как свет, улетающий в бездну,
Ты вступила на воздух и тихо сквозь воздух ушла,
А навстречу слетали огромные снежные звезды,
Окружали Тебя, целовали Тебя без числа.
Где Ты, светлая, где? О, в каком снеговом одеянье
Нас застанет с Тобой Воскресения мертвых труба?
На дворе Рождество. Спит усталая жизнь над гаданьем,
И из зеркала в мир чернокрылая сходит судьба.

* * *

Мир был темен, холоден, прозрачен,
Исподволь давно к зиме готов.
Близок к тем, кто одинок и мрачен,
Прям, суров и пробужден от снов.

Думал он: смиряйся, будь суровым,
Все несчастны, все молчат, все ждут,
Все, смеясь, работают и снова
Дремлют, книгу уронив на грудь.
Скоро будут ночи бесконечны,
Низко лампы склонятся к столу.
На крутой скамье библиотечной
Будет нищий прятаться в углу.
Станет ясно, что, шутя, скрывая,
Все ж умеем Богу боль прощать.
Жить. Молиться, двери закрывая.
В бездне книги черные читать.
На пустых бульварах замерзая,
Говорить о правде до рассвета.
Умирать, живых благословляя,
И писать до смерти без ответа.

ПРИСМАНОВА А.С.

Присманова Анна Семеновна (псевд. Присман Анны Симоновны; 1892, Либава (Лиепая) – 1960, Париж) – поэтесса. В эмиграции с 1922 г. (Берлин), с 1924 г. – в Париже. Одна из основателей Союза молодых поэтов и писателей (1925), но со второй половины 1920-х гг. не принимала участия в литературной жизни, исключая посещение кружка «Кочевье». Поэтическими авторитетами считала В.Ф. Ходасевича, Б.Л. Пастернака, О.Э. Мандельштама, М.И. Цветаеву, среди классиков XIX в. выделяла М.Ю. Лермонтова. Помимо лирики писала поэмы. В конце 1930-х гг. вместе с В.Л. Корвин-Пиотровским основала группу «формистов», деятельность которой продолжалась в послевоенное время. В отличие от исповедальной формы, характерной для поэтов «парижской ноты», мир лирической героини Присмановой скрыт за живописными картинами и образами, построенными на антитезах, полюса которых – не точки, а меняющиеся очертания «тающие льдины» («Тень и тело»). Поэтическая эволюция Присмановой состоит в движении от «разрыва» к поиску синтеза. Сборники: «Тень и тело» (Париж, 1937), «Близнецы» (Париж, 1946), «Соль» (Париж, 1949); поэма «Вера» (Париж, 1960).

Тексты стихотворений взяты из:
Присманова Анна. Собрание сочинений. Гаага, 1990.

Так уходят в сумрак поезда,
так в музеях старятся амфоры,
так зимою птицы иногда
разбивают грудь о семафоры.
Жметесь жизнь под арками моста:
нищие укутаны газетой.
Счастье для газетного листа –
греть он может спину жизни этой!
Но лишен тетрадный складный лист
этого завидного удела.
Лист мой, понапрасну ты речист:
никому до слов твоих нет дела.
Молоку предписано скисать,
молочаю – соки лить над полем.
Но о смерти зрело написать
может тот лишь, кто смертельно болен.

1936

Кровь и кость

В моей природе два начала,
и мать, баюкая меня,
во мне двух близнецов качала:
кость трезвости и кровь огня.
Но кровь и кость, два равных рвеня,
Вступив с младенчества в борьбу,
Отметили мою судьбу
Печальным знаком раздвоенья.
О музыка, тебя ли слышу
я над собою по утрам?
Ты крест в мою вставляешь крышу,
и дом – не дом уже, а храм!
Всесильная, одна ты можешь
и кровь и кость в себя вобрать.
Ты мне едва ли жить поможешь,
зато поможешь умирать.

Сирена

В. Корвин-Пиотровскому

Старались мы сказать на сей земле
о жажде и ее неутоленьи,
о крике скорби, рвущем нас во мгле
и остановленном в своем стремленьи.

Но нам навстречу тянется в тиши
влекущий нас, призывный и прощальный,
крик парохода, крик его души,
уже плывущей в сумрак изначальный.

Вбираемый нутром и головой,
просачивающийся даже в ноги,
сей выпревший и допотопный вой –
слияние покоя и тревоги.

Во мглу и в ночь уходит пароход.
Но стон сирены как бы замер в оном.
Так рыцари в крестовый шли поход,
напутствуемые церковным звоном.

И мы, душа моя, вот так, точь-в-точь,
утратив до конца остаток спеси,
уйдем – вдвигаясь неотступно в ночь,
не много взяв и ничего не взвесив.

Сирена ждет нас на конце земли,
и знаю я – томленье в ней какое:
ей хочется и чтоб за нею шли,
и чтоб ее оставили в покое...

Так воеет пароход, и воеет тьма.
Противодействовать такому вою
не в силах я. Я, может быть, сама
в трубе такого парохода вою.

* * *

На карте мира муза Кантемира
петровской желчью защищала бот.
И желтый сыр, висая над Чудью сирой,
рябил черновики его работ.
Ни Кант, неотразимый головастик,
ни даже голенастый Галилей
не в силах были желтый контур застить

извилинами мозговых лилей.
Ордой к баллону на поклон, герои!
Он, путешествуя в кругу небес,
дрожит на заступе. И роют рои
сырье, и пнями истекает лес.
Ему лишь ветер препонит, забияка.
Но он, отменно цепеня эфир,
без смены мерит знаки зодиака,
и в знак того – звенит внизу цыфирь.

1928

Осенняя почта

Мгла, ливень, листья. Лаковые крыши.
О, где же для деревни дождевик?
В мансардах только мыши письма пишут,
а души спят, зарывшись в пуховик.
И день как ночь (лишь сны мои в расходе) –
в трясине день, в высоких сапогах.
Вновь толстый сумрак тихо в дом заходит,
как рыбный страж с резиной на ногах.
А яблоня, как мать, стоит живая.
Ее ключицы клонит бремя дней.
Пускай подаст рука ее кривая
тому, кто всех в селеньи голодней.
Как башня, жадный пес про полдень знает.
Бредет сума с порога на порог.
Почтарь страду вторую начинает,
и месяц кажет золоченый рог.
Качаются почтовые подводы,
над войлочной дорогой льют дожди.
Стоят лишь в городах громоотводы.
Ах, муза, непогоду пережди.
Селеньям в осень впору умереть.
Слетают листья желтыми слезами.
Две колени уходят за возами.
Но нашим листьям некуда лететь!

1933

Пламя

До пашни – дождевые облака,
до нас – дошли слова издалека:
«речь – серебро, а золото – молчанье».
Но вставши от ночного столбняка,
производительница молока –
корова издает свое мычанье.
И озирая бедный свой надел,
лесной ручей – о благодный удел! –
в тиши журчит по мелкому песочку.
Рука моя скудеет не у дел:
уж верхний слой воды заолодел,
но нижний пробивает оболочку.
Бьют влагой в пламя. В доме слышен плач.
Дрожит фитиль. И опытнейший врач
к отчаянному прибегает средству.
Конец. Уже над дерном ходит грач.
Но, как твое занятие, палач,
огонь передается по наследству.

1933

Карандаш

Марине Цветаевой

След истлевших древесных сил –
карандаш мой точку в ночи.
Нож с боков стеарин скосил
деревянной моей свечи.
Жизнь сказала: да будет так! –
заострила графитный взор.
Ты спустилась ко мне в кулак,
стружка, с окаменелых гор.
Передать ли тех волн аккорд,
мох и эхо свинцовых скал,
Лес, лазоревый злой фиорд,
ветр, что парусом челн таскал?
Чудо – горенья плод во мгле,
претворенные в пласт суки...
Бескорыстнейший на земле
друг, не оставь моей руки!

1934

* * *

Жаждет влаги обугленный бор.
Изогнулись дерев поясницы.
Гробовой беспросветный укор
в кругляках остывающей птицы.
О, в жаровне над жаром оса!
Столкновение зари с палачами!
Сиротинушка, чьи волоса
только солнце ласкает лучами.
Белый воздух, который висит
поутру над сырым листопадом.
Белый лекарь, который косит,
чтоб с предсмертным не встретиться взглядом...
Что дороже нам: розы иль рожь?
Днем – глаза мы за пазуху прячем.
(Теснота. Слепление. Ложь.)
Ночь. И что ж? Мы от зрячести плачем.

1935

* * *

Владиславу Ходасевичу

Разве помнит садовник, откинувший стекла к весне,
как всю зиму блистали в них белые стебли мороза?
Разве видит слепой от рожденья, хотя бы во сне,
как, пылая над стеблем, весной красуется роза?
Проза в полночь стиху полагает низжайший поклон.
Слезы служат ему, как сапожнику в деле колодка.
На такой высоте замерзает воздушный баллон,
на такой глубине умирает подводная лодка.
Нас сквозь толщу воды не услышат: кричи – не кричи.
Не для зверя рожок, что трубит на осенней ловитве.
Ведь и храм не услышит, как падает тело свечи,
отдававшей по капле себя на съеденье молитве.

Листья

Мне снился сон. Нам к счастью снятся сны.
Во сне без трости ходит и безглазый.
Он днем во тьме, но сны его ясны,
как фонари, в которых водолазы.
Явился мне осенний день во сне.

Он догорал, как юноша в чахотке.
Цвета его готовились к весне,
но смерть уже была в его походке.
Внизу, сияя, двигалась река.
Широкий луг спускался к ней полого,
и с дерева, дрожавшего слегка,
слетало в воду желтых листьев много.
Все было просто, будто наяву.
Белье отца висело на веревке,
и капельку, стекавшую в траву,
усердно пили божи коровки.
Но сам отец навек ушел в песок,
не ощутив минуты погруженья,
оставив нам высокий свой висок,
страсть к странствию и к «Ниве» приложенья.
Внизу текла в сиянии река.
Погост с холма спускался к ней полого.
Закат заметно красил облака,
и было в дерне желтых листьев много.
Четыре шишки рдели на сосне –
из них случайно крест образовался.
Отца с тех пор я видела во сне –
но мой отец уже не разувался:
шесть лет он держит кости в башмаках.
Уже не ходят школьники к нам в гости.
И мы уже не виснем в гамаках,
давно не увеличиваясь в росте.
Летите, листья! Вам пора лететь.
Ваш золотой уход мы почитаем.
И мы уйдем – лишь стоит захотеть.
Но все-таки мы жить предпочитаем.

1939

Бабушка

Изъяны предков достаются детям,
и внучка болью бабушки больна.
Любовью звали бабушку, и этим
моя судьба предопределена.
О бабушка, жила ты в желтом доме,
где рукава сходились на спине.
Остался желтый облик твой в альбоме,

а рукава – ты завещала мне.
Как два пути с единым назначеньем,
живут во мне отдельно кровь и кость.
Стремится кровь к тебе своим теченьем,
но кость моя – тебе незваный гость.
Лишь только ночь подходит к изголовью,
два дерева меня на части рвут.
Быть может, и меня зовут Любовью,
но я не знаю, как меня зовут.

Раковина

Вадиму Андрееву

За годом год ступеньку не одну,
вздымаясь, отнимаем мы у века,
и все ж не в вышину, а в глубину
прыжок – есть назначенье человека.
Лишь непрестанно думая о дне
всеобщего духовного слиянья,
на низшей, на подводной глубине
он видит перлы высшего сиянья.
Сияет перл меж двух кривых частей
глубоководной раковины южной.
Составленный из сердца и костей,
ее изучит человек недужный:
застыла в виде извести она,
хранит она гудение пучины
и пустотой насыщенной полна,
как череп музыканта пред кончиной.

СТАВРОВ П.С.

Ставров Перикл Ставрович (1895, Одесса – 1955, Париж) – поэт, прозаик, переводчик. В эмиграции с 1920 г., с 1926 г. – в Париже. В 1930-е гг. входил в литературное объединение «Круг». В 1939–1944 гг. был председателем Объединения русских писателей и поэтов во Франции. Эстетические ориентиры формировались под влиянием И.Ф. Анненского; из эмигрантских писателей наиболее близок Ставрову был Г.В. Адамович. Сборники: «Без последствий» (Париж, 1933), «Ночью» (Париж, 1937).

Тексты стихотворений взяты из:
Ставров П. Без последствий. Париж, 1933.

Афиша

Тот неподвижный, мертвый свет
Спиралью скручен до отказа,
Чтобы рассказанных побед
Не восстанавливать ни разу.
На той стене бледнел рассказ
Больной и выдуманной птицей,
И потому ему не раз,
Но каждым вечером томиться.

Кафе

День ото дня и день за днем
Не разглядеть от дыма трубок,
За отуманенным стеклом
Нерасцветающих улыбок.
А эта тьма газет-газет
Так злободневно торжествует.
Надежды нет. Исхода нет.
И слово молвлено впустую.
Молчат. Синеет потолок,
И звон сменяется шуршаньем.
Того гляди – и скрипнет блок,
И глянет пустота зияньем.

Река

Уже запутавшись в сетях,
Очередьми перебегая,
На запрокинутых огнях
Река плывет, как неживая.
Ей сквозь туман, как легкий бред,
Ей, сквозь вуаль недоуменья,
Наутро, в пять, чуть брезжит свет,
Уже шептать про наводненья.
Ей просыпаться, скажем, в пять,
Сквозь блеск и всхлип перемогаясь,
Ей про ненастье бормотать,
Свинцовым холодом вздуваясь.
Ей, спотыкаясь о мосты,
Под плеск ночных недоумений
Переворачивать листы
Несовершенных преступлений.
На черных сваях наспех, вплавь,
Без оправданий, без допросов,
Пока пугающая явь
Не встанет призраком белесым.

* * *

Не озареньем, не событиями
Исполосован календарь,
И тот вопрос, как – быть, не быть ему, –
Не повторяется, как встарь.
И как забыть, что эти просини,
На миг взвихренные опять,
Когда-то зачерствелой осени
Не уставали осенять.
Что дни унылые развесили
Дырявый свой иконостас,
Что сквозь окно совсем не весело
Глядит тумана желтый глаз,
Что, переваливаясь кочками,
По расписанью, не в карьер,
Докатывается в одиночку
Из моды вышедший премьер.

Ровно в восемь

Жизнь начинается в восемь.
Полотнища рвет и носит.
Морщит
Желтых листьев отчаянный сборщик,
Запинаясь по трубам
В усердьи сугубом.
На запинке,
Под стрекот,
Под плеск маховичный,
Улюлюканье свиста,
В черный плен заключат восковые кабинки
Скользящего лифта,
Как в последнюю сказку безумного Свифта.
Ровно в восемь
Нас бросили
Коридорами осени.
Чтоб под плеск маховичный
Захлебнуться восторгом первичным.
Захлебнулись. Поем.
За окном
Об одном,
Об одном
Желтым медом безумья сочащие соты.
Ровно в восемь,
Холодная осень,
Рассчитается с каждым
Костяшками счетов.

Дробь джаза

Дверь взметнуть, разъяряться,
Точно бритвой царапнуть стекло.
Сверху слякоть и грязь,
А внизу и тепло и светло.
Эта дробь. Этой дроби раскат
Раскаляется жаркой иглой.
Но ни шагу вперед, но ни шагу назад,
С перерезанным горлом гобой.
На дыбы, на дыбы, и пускается вскачь,
Разметая горячий песок,

Рассыпая клубок разрешенных задач
На столов раскаленный каток.
Пересохшее горло. И пар.
Пересохшее горло. Глоток.
И огромный, округлый и вздувшийся шар
Подымается кверху и бьет в потолок.
От жары разлетается он,
Предлагая любви порцион.
И вот, захлебнувшись в остатках раскаянья,
Холодное, злое, глухое отчаяние
Забытою вехой в пустой высоте,
Раскатистой дробью на звонком листе.
...Эта дробь, этой дроби раскат,
Но ни шагу вперед, но ни шагу назад.
Тише, дамы! За стойкою лет
Подмигнет вам червонный валет.

* * *

...не счесть потерь,
И, как на паперти, оттерта
Широким вздохом настезь дверь,
От наступающего ветра.
По стенам стон, по крышам дробь,
По окнам беглый, по открытым,
И незаконченная скорбь
Через мгновенье будет смыта.
Настиг налетом. Что теперь?
И вдруг такое обнищанье,
Что и поспешный счет потерь
Звучит последним подаяньем.
В разноголосье что хватать:
Вот этот голос, рот иль губы?
И вот по-новому звучат
Иного мира звон и трубы.
Располагается хаос
Так откровенно, так раздольно,
И перебит, и смят вопрос,
И в новый мир вступать не больно.

ЧЕГРИНЦЕВА Э.К.

Чегринцева Эмилия Карловна (1904, Екатеринбург – 1988, Чехословакия) школьные годы провела в Кишиневе. После революции вместе с родителями эмигрировала в Прагу. Училась на философском факультете Карлова университета. Входила в литературное объединение «Скит поэтов» (Прага). Стихи Чегринцевой печатались во всех четырех сборниках «Скита» (1933, 1934, 1935, 1937) и были включены в антологию зарубежной поэзии «Якорь» (Петрополис, 1936). Первый сборник стихов «Посещения» издан в Таллине в 1936 г., в него вошли произведения 1929–1936 гг. Второй сборник «Строфы» издан в Варшаве в 1938 г. Отдельные стихи Чегринцевой печатались в таллинской «Нови», в «Современных записках», варшавском «Мече». В послевоенные годы поэтесса не печаталась. Поэзии Чегринцевой присуще ощущение трагического одиночества, безысходности, страдания, рефлексии над смыслом человеческого бытия.

Тексты стихотворений взяты из:
Чегринцева Эмилия. Посещения. Прага, 1936.

Скульптор

Земные, теплые движенья
на глину плещут и скользят
все яростней, все вдохновенней,
но чуда повторить нельзя.

Полураздавленный и липкий
овал неясного лица,
как вызов, шлет полуулыбку
глазам прищуренным творца.

Припоминая Божье слово,
дрожит бесформенная плоть.
Сырыми тряпками окован
и к муке приближаясь вплоть,
ты рассекаешь выход узкий,
чтоб голос вышел на простор,
чтоб пел и плакал каждый мускул,
не вздрагивавший до сих пор.

И вот, уже изнемогая,
сквозь вопль, исторгнутый борьбой,
ты слышишь – дышит грудь глухая,
ты видишь – солнце над тобой.

Прага

Растянув тишину по аллеям,
приколов к темноте фонари,
теплый вечер мундиром алеет
на посту у сентябрьской зари.
Каменеет дворцовая стража,
каменеют химеры и храм.
Смерть на ратуше время покажет:
– Горожане, пора по домам! –
И тогда из-под арок в извивы
узких улиц, сквозь копоть и пыль,
золотистым играющим пивом
малоштрасская вспенится бэль.
Газ больными глазами моргает,
и туман вырастает стеной,
и, бунтарские песни слагая,
бродят души в угрюмой пивной.
Хмель их горек, и хмельно их горе,
потрясает кружками цех;
а в молчании обсерваторий
ищет Браге счастья для всех.
И, пугаясь полночного крика,
по подвалам алхимики ждут
золотую удачу, и дико
над ретортами ночи плывут.
И в предчувствии бед и бездоля,
одиноким и злоим, как скопцы,
серым пальцем глиняный Голем
королевские метит дворцы.

* * *

Ближе утро. Нехотя и вяло
Разжимает руки темного.
Я лежу в тенетах одеяла.
Отлетает робкая мечта.
Стрелки прикоснутся к сновиденьям,
Будто два отточенных меча,
И ресниц испуганные тени
Оттолкнет зажженная свеча.

Догорят в бушующей спиртовке
Голубые искорки планет,
И вползет в окно мое неловкий,
Пряным кофе пахнувший рассвет.
Возвратятся мелкие заботы
Под родной гостеприимный кров,
И вода змеиным оборотом
Смоет с плеч тугие крылья снов.
Вот и день. И утренняя сажа
Понемногу гуще и темней.
Нет, судьбы мне снова не предскажут
Ледяные звезды на окне.

* * *

В глухое море площадей
Стекают переулки.
Опять восьмичасовой день
Выходит на прогулку.
И сотни лошадиных сил
Перековав в моторы,
Асфальтом бережно залил
Свою свободу город.
Гуляет время, как палач,
Выдумывая трюки,
И вызывает всех на матч
С непобедимой скукой.
Туман накинул Гранд-Отель
Плащом испанских грандов,
И ночь орет и пьет коктейль,
Как негры из джаз-банда.
И слышит чахлая луна,
Как ты кричишь рассвету,
Срывая гнев, как ордена:
«Карету мне, карету!»

ЧЕРВИНСКАЯ Л.Д.

Червинская Лидия Давыдовна (1907–1988, Монморанси, Франция). В 1920 г. вместе с родителями попала к Константинополь, затем переехала в Париж. Стихи Червинской публиковались в «Числах», «Современных записках», «Новоселье», «Гранях». В 1934 г. издан поэтический сборник «Приближения», в 1937 г. – второй поэтический сборник «Рассветы». После войны жила в Мюнхене, была сотрудником радиостанции «Свобода». В 1956 г. издан последний поэтический сборник «Двенадцать месяцев».

Текст стихотворения взят из:

Червинская Л.Д. Рассветы. Париж, 1937.

Жить в трезвости и в созерцании,
В закате праздничного дня.
В холодном отблеске огня
Зачаровать свои желанья,
серьезно думать, слушать чутко.
Печальной музыкой рассудка
Заполнить годы пустоты –
Забывать, но не предать мечты.
А память о возможном друге,
Как солнце осени на юге,
Как нежность желтую мимозы,
Воображеньем создавать.
И, сохраняя в сердце слезы,
Их никогда не проливать.
Я замечаю в первый раз:
Луна плывет над облаками,
Как тень медузы под волной,
Как взгляд опустошенных глаз,
Как слово сказанное нами,
Потушенное тишиной...

Тексты стихотворений взяты из:

Червинская Л.Д. Двенадцать месяцев. Париж, 1956.

Уже давно из-за угла
Нас сторожит рассвет осенний.
Тень горя – как другие тени –
Не есть, а будет и была.
Все возникает только в боли,
Все воплощается в тоске –

И тает от дождя опять...
Неуловимость нашей доли:
Как легкий холодок в руке,
Которой нечего поднять.

* * *

Жизнь не похожа на мечты,
Жизнь не похожа на желанное –
Всегда на грани пустоты,
От слез и от дождей туманная...
Она похожа иногда,
В послелюбовные года,
На обещание, ей данное.

* * *

Те, которых не осудят,
но кто долго ждут суда.
Те, кого под утро будят
мартовские холода.
Те, кто убивают время –
за минутами года, –
оттого что не хватает
краткой жизни на земле.
Те, кто сеют правды семя,
привыкая жить во зле.
Кто взаимности не знает
и, прощая все измены,
грустно любит – за двоих.
Кто не помнит перемены
и годами видит то же
небо, левый берег Сены...
Те, кто кажутся моложе
современников своих,
но которых в белой зале
ждет за ширмою кровать...
Те, которым на вокзале
стыдно счастья пожелать.

* * *

Раннее солнце за красною шторой.
Солнечный луч проникает в окно
в противоречии с жизнью, в которой
холодно, тесно, темно.
В противоречии с ним – неизбежность
гибели близкой, разлуки, конца...
В противоречии – страстная нежность
с жалостью острой, при виде родного
немолодого лица.
Так разойтись, без единого слова...
Этого я не пойму никогда.
Мы и заметить, любя, не успели,
как между нами возникла вражда.
Чистое, яркое утро в апреле...
Где это было? Когда?

* * *

Грусть мира поручена стихам...

Г. Адамович

Холодные, длинные майские дни.
Зеленое золото солнца сквозь тучи...
И эта навязчивость слов и созвучий –
мы с ними навеки одни.
Язык наш – недавно великий, могучий –
тяжелый и светлый язык песнопенья
порою звучит, как мещанский жаргон.
И только с тоской вырывается стон
у тех, кто привык в нем искать вдохновенье.
Откуда же взять нам такое смиренье,
в котором бы не было больно и тесно
еще не отжившим сердцам?
Мы все уцелели случайно, чудесно...
Грусть мира зачем-то поручена нам –
и этому нет объяснения.
Как в одиночной камере рассвет,
под утро будит страшная тревога.
Чего бояться, если ада нет?
Не может ада быть по воле Бога.
И если мир любить – прекрасный, грешный, –

разлука с ним все может искупить.
Я думаю еще – уже теряя нить –
что утешает только безутешный
и лишь сомненье может убедить.

* * *

А. Гингеру

Темный август. Солнца нет следа.
И тоска, как небо, без просвета.
Длинные уходят поезда
в поисках обещанного лета.
Груды листьев на сырой панели
словно пестрый сброшенный наряд.
А прохожего случайный взгляд
больно отзывается в груди...
Лета не было – как жизни. Неужели
даже увяданье позади...

* * *

Я жду твоего возвращенья,
на время – я знаю – опять.
Я жду не любви, а прощенья,
но трудно – я знаю – прощать...
За грусть, за безумную нежность,
за памяти светлый мираж,
такой же, как моря безбрежность,
как южный любимый пейзаж –
причудливых лоз равномерность
и пальмы у розовых дач...
За бедность мою и за верность,
за праведный смысл неудач.
За то, что взволнованность эта
с годами опасней, темней...
За счастье короткого лета,
сгоревшего в несколько дней.

* * *

Лишь мысль об одном постоянно
на фоне расплывчатых дум.
Далекий, как шум океана,
доносится улицы шум...
Раскаты внезапного грома
откуда-то издалека.
Над крышей соседнего дома
светлеют уже облака...
Июльская ночь коротка.
Июльская ночь бесконечна,
не спится, и думаю я –
измена твоя глубоко человечна,
но как ограничена, пусть высока,
суровая верность моя.

1945

Не правда ли, такие облака
Возможны только на парижском небе.
Такая вдохновенная тоска
При тихой мысли о насущном хлебе.
Гулянье. Елисейские поля.
Защитный цвет толпы. Попоны, флаги.
Но сердце, как осенняя земля,
Уже не впитывает влаги.
Блеснет слеза, не падая с ресниц,
А в воздухе жара и Марсельеза,
И дальше лица, пена бледных лиц,
Как море за чертою волнореза.
Высокий человек с биноклем у окна
Смеется, что-то говорит соседу...
Эх, хорошо, что кончилась война,
Что празднуют свободу и победу.
На торжество разобраны места
(Герои фронта, тыла и изгнания).
Да. А для нас свобода – нищета
И одинокий подвиг созерцанья.

* * *

Все продолжалось и после потопа.
Новыми силами, новой любовью
жить продолжала земля.
Гибла, опять возрождалась Европа.
Множество раз орошенные кровью,
вновь засевались поля...
Красился дом, уцелевший в пожаре,
и убирался на улицах снег...
После потопа был Ноев ковчег.
Ночь, как бывало, в накуренном баре,
в рюмках коньяк, словно крупный янтарь.
Снова подходит к концу календарь...
Так же протяжно звучат на гитаре
жаркие песни сухой Андалузии.
Люди чужие знакомы давно –
те же признания, те же иллюзии...
Дождь испуганно стучится в окно.
Все в этом мире и смертно, и вечно,
все ограничено, все бесконечно.
Все произвольно – и все суждено.

* * *

То, что около слез. То, что около слов.
То, что между любовью и страхом конца.
То, что всеми с таким равнодушьем гонимо,
И что прячется в смутной правдивости снов,
Исчезает в знакомом овале лица,
И мелькает во взгляде – намеренно-мимо.
Вот об этом... Конечно, нам много дано.
Справедливо, что многое спросится с нас.
Что же делать, когда умирает оно
В предзакатный, мучительный, медленный час?
Что же делать, когда на усталой земле
Даже в счастье своем человек одинок?
И доверчиво-страстный его монолог
Растворяется в сонном и ровном тепле?

РУССКИЕ ПОЭТЫ «ВТОРОЙ ВОЛНЫ» ЭМИГРАЦИИ

Русская литературная эмиграция «второй» волны в США заявила о себе прежде всего произведениями талантливых поэтов. И. Елагин, Б. Нарциссов, Н. Моршен, И. Чиннов, стихи которого даже были переведены на английский язык, Ю. Иваск и другие внесли новую поэтическую тематику в довольно замкнутый мир русской литературной диаспоры, обогатили поэзию эмиграции новыми художественно-образительными средствами, иным видением мира, обусловленным их трагическим военным и «мирным» отечественным опытом, в основе которого – невообразимая по масштабам своей жестокости и бесчеловечности война, сталинский тоталитарный режим, искоренявший свободомыслие, трагическая необходимость покинуть Родину, сделав нелегкий выбор между ней и свободой. Все это сказалось и воплотилось в их творчестве, определив его тематическую направленность.

Восприятие мира как «камеры пыток» (И. Елагин), «клоунады и абракадабры» (И. Чиннов) или мира, где господствует смерть и где всё – даже человеческий разум – античеловечно (Б. Нарциссов), определило трагическую тональность и тематику их поэзии с мотивами невыносимого, нечеловеческого страдания, горького одиночества, неприютности. Тема памяти и Родины, тема войны, сталинских репрессий, тема поэта и поэзии воплощены в стихотворениях новыми художественными средствами. Поэзия «второй волны» русской эмиграции в США поражает глубиной и искренностью переживаний, удивительной обнаженностью чувств, острой актуальностью тематики, богатством и новизной художественных средств и совершенством формы. Она продолжает лучшие традиции русской поэзии, связанной с именами А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, К.Н. Батюшкова, А.А. Блока, О.Э. Мандельштама.

ЕЛАГИН И.В.

Елагин (наст. фам. Матвеев) Иван Венедиктович (1918, Владивосток – 1987, Питтсбург) родился в семье поэта-футуриста Венедикта Марта, репрессированного в 1938 г. Учился в медицинском институте в Киеве, который не закончил. В 1943 г. вместе с женой О. Анстей через Польшу выезжает в Германию, где они живут сначала в Берлине, а потом под Мюнхеном в лагере перемещенных лиц. В 1950 г. семья Матвеевых с маленькой дочерью переехала в США (Нью-Йорк), где супруги развелись, сохранив дружеские отношения до смерти О. Анстей в 1985 г.

В Нью-Йорке И. Елагин становится сотрудником газеты «Новое русское слово», в которой работает в течение десяти лет. В 1953 г. в издательстве им. Чехова в Нью-Йорке вышел его первый американский сборник стихотворений «По дороге оттуда», в который вошли две книги его стихов, изданные в Германии, – «По дороге оттуда» (1947) и «Ты, мое столетие!» (1948). В 1963 г. в издательстве «Нового журнала» опубликован его новый поэтический сборник «Отсветы ночные», а в 1967 г. – «Косой полет», включивший стихотворения из прежних сборников». В 1960-е гг. И. Елагин получает признание как переводчик англоязычной поэзии – Э. Дикинсон, С. Платт, Р. Фроста, С. Куница и др. За перевод эпической поэмы С.В. Бене «Тело Джона Брауна» он получил степень доктора философии в Нью-Йоркском университете. С 1970 г. в течение 17 лет до своей кончины преподает литературу в Питсбургском университете. В 1970-е гг. в США выходят поэтические сборники И. Елагина «Дракон на крыше» (1973) и томик избранной поэзии «Под созвездием Топора» (1976), где автор предстает перед читателем во всей своей мощи как зрелый, большой поэт. В 1982 г. выходит сборник «В зале Вселенной». В нем воплотилось философское кредо поэта и основные темы его поэзии: гибели, разрушения, одиночества, утраченной родины, видение мира как «театра пыток» и своего времени как «поры топора», которая настала «для берез и поэтов»; эпоха сталинского террора и второй мировой войны возникает в его лирике как эпоха «с плахой и обухом». Книга «Тяжелые звезды» (1986) была издана друзьями поэта (Л. Ржевским, Н. Моршеном, И. Чинновым, Т. Фесенко, А. Седых и др.) на их собственные средства незадолго до его смерти и стала творческим итогом поэтической деятельности И. Елагина.

Тексты стихотворений взяты из:

Елагин И.В. По дороге оттуда. Нью-Йорк, 1953.

Пока не заткнули кляпом
Клокочущий рот, пока
Не выгнали в ночь этапом
Под окрики с броневика,
– Загнаны в вагоны,
А все-таки живем! –
Пока, как в огонь, в вагоны
Не побросали живьем,
Пока не сбиты кучей
За проволокой колючей
И сыновья и дочери
Под пулеметные очереди –

Пока еще есть выход,
Выход и тьма выгод:
Стеклышком обыкновенным
(Только острей выточь!)
Раз полоснешь по венам –
И никаких выдач!
Лучше массой аморфной!
Назад отступать – куда ж?
Пока еще есть морфий,
Веревка, шестой этаж –
Пока еще не на слом,
Дышим еще покамест –
Гневу псалом!
Ненависти акафист!

* * *

Нынче я больше уже не надеюсь на чудо,
Бога прошу, чтоб меня не сломила беда.
Всё, что я мог, я сказал ПО ДОРОГЕ ОТТУДА,
Только теперь я уже по дороге туда.
Книги названье – для домыслов острая пища.
Только названье мое говорило о том,
Как продолжается жизнь по дороге с кладбища,
Смыслы другие пристали к названию потом.
Вот на последнем мосту на границе России
Осатанелый вагон прогремел колесом.
Я с той поры только ОТСВЕТЫ вижу НОЧНЫЕ,
Только кружусь по вселенной в ПОЛЕТЕ КОСОМ.
Кажется мне, что еще и сегодня я слышу,
Как громыхал по мосту окаянный вагон,
Пусть я в грозу забежал под защитную крышу,
Только НА КРЫШЕ моей восседает ДРАКОН.
В детстве у дома сугроб подымался саженный,
Нынче в окно мне глядит небоскребов гора.
Всё-то кружусь и кружусь я по ЗАЛУ ВСЕЛЕННОЙ,
А надо мною СОЗВЕЗДЬЕ висит ТОПОРА.
Все мы живем, приближаясь к прощальному мигу,
Все мы боимся уйти, не оставив следа.
Что же, – пора написать мне последнюю книгу –
Книгу о том, что сбылось ПО ДОРОГЕ ТУДА.

Тексты стихотворений взяты из:
Елагин И.В. Ответы ночные. Нью-Йорк, 1963.

Мне незнакома горечь ностальгии.
Мне нравится чужая сторона.
Из всей – давно оставленной – России
Мне не хватает русского окна.
Оно мне вспоминается доньше,
Когда в душе становится темно –
Окно с большим крестом посередине,
Вечернее горящее окно.

* * *

В различных проявлениях бытия
Усматривал философ связь живую.
Так, например: я мыслю, значит, я,
По мнению Декарта, существую.
Тут логики несокрушимый вал,
Но верить ей не стану раболепно.
Я плохо мыслил, а существовал –
Осмелюсь утверждать – великолепно.
Как знать, на небе пятом иль седьмом,
А может быть, на небе двадцать третьем
Мы будем обладать иным умом
И логику совсем иную встретим.
И может быть, за этим звездным рвом
Столкнемся мы с совсем другим порядком.
И мозг, что был природы торжеством,
Слепой кишки окажется придатком.
Опять я убеждаюсь и опять,
Что жалок ум, что интеллект заносчив,
Что мир куда верней воспринимать
На глаз, на вкус, на нюх, на слух, на ощупь.

Тексты стихотворений взяты из:
Елагин И.В. Под созвездием Топора. Франкфурт-на-Майне, 1976.

Не в строчке хорошей тут дело,
Не в строчке плохой,
А в том, чтоб душа молодеда
От корки сухой,

А в том, чтобы, нищенской стайкой
Плеться, облака
Тебе бы как теплой фуфайкой
Согрели бока.

И вовсе неважно, что мало
Ты мир понимал,
Но лужа тебе просияла,
Как лунный опал.

Но ветка тебе постучала
В окно поутру,
Но птица тебе одичало
Кричит на ветру,

И ты по вечернему логу
Идешь холодком,
И дерево машет в дорогу
Зеленым платком.

И что там какие-то тайны –
Секрет мастерства, –
Пусть будут, как звезды, случайны
Ночные слова,

Пусть падают криво и косо
В овраги стиха, –
Вот так же летят под колеса
Листвы вороха.

Но помни, что с болью, со стоном,
Как грех на духу,
Вот так же слова исступленно
Отдашь ты стиху,

Но помни, что ты настоящий –
Лишь всё потеряв,
Что запах острее и слаще
У срезанных трав,

Что всякого горя и смрада
Хлебнешь ты сполна,
Что сломана гроздь винограда
Во имя вина.

* * *

Не была моя жизнь неудачей,
Хоть не шел я по красным коврам,
А шагал, как шарманщик бродячий,
По чужим незнакомым дворам.
Только – что бы со мной ни случилось,
А над жизнью моей кочевой
Серафима стоит шестикрылость,
А не дача и сад под Москвой.
Как доходит до славы – мы слабы.
Часто слава бывает бедой.
Да, конечно, не худо бы славы,
Да не хочется славы худой.
Полетать мне по свету осколком,
Нагуляться мне по миру влать
Перед тем, как на русскую полку
Мне когда-нибудь звездно упасть.

* * *

Ты сказал мне, что я под счастливой родился звездой,
Что судьба набросала на стол мне богатые яства,
Что я вытянул жребий удачный и славный... Постой –
Я родился под красно-зловещей звездой государства!
Я родился под острым присмотром начальственных глаз,
Я родился под стук озабоченно-скучной печати.
По России катился бессмертного «яблочка» пляс,
А в такие эпохи рождаются люди некстати.
Я родился при шелесте справок, анкет, паспортов,
В громыхании митингов, съездов, авралов и слетов,
Я родился под гулкой обвал мировых катастроф,
Когда сходит со сцены культура, свое отработав.
Только звезды оставь. Разлюбил я торжественный стиль.
Кто ответит, зачем эти звезды на небо всходили?
По вселенной куда-то плывет серебристая пыль,
И какое ей дело до нас – человеческой пыли.
Я еще уцелел, еще жизнь мою праздную я
И стою на холодном ветру мирового вокзала,
А звезда, что плыла надо мной, – не твоя, не моя, –
Разве только морозный узор на стекле вырезала.

Оттого я на звезды смотреть разучился совсем.
Пусть там что-то сверкает вверху, надо мной леденя, –
Мне бы дружеский взгляд да очаг человеческий – чем
Ближе к небу – как Дельвиг говаривал – тем холоднее.

Тексты стихотворений взяты из:
Елагин И.В. В зале Вселенной. Анн Арбор, 1982.

Вот она – эпоха краха
С рыхлой суматохою!
Трепыхаемся от страха,
На ухабах охая.
Вот она – эпоха-пряха,
А какая выгода?
По смирительной рубахе
Каждому для выхода!
Вот она – эпоха-сваха,
А свяжись с пройдохою –
Вместо Гретхен, бедолага,
Будешь жить с Солохою!
Вот она – эпоха-шлюха,
Хрипшая, махровая.
Если хочешь – с нею плюхай
На постель пуховую.
А ресницы бахромою,
Точно у цыганочки,
Только быть тебе Хомою,
Да верхом на панночке!
Ах, эпоха-запивоха!
Как разит сивухою!
На тебя дохнет эпоха –
Так и рухнешь рюхою!
Вот она – эпоха спеха,
Скорости разаховой
От Мисхора до Палеха
В полчаса отмахивай!
Любит бляхи щеголиха,
Вешает, дуреха, нам,
Чтоб прохаживаться лихо
Чучелом гороховым!

И вот с этой-то эпохой
Я по свету трюхаю –
Если плохо – с хлебной крохой,
Хорошо – с краюхою!

А эпоха-то с подвохом,
С плахою да с обухом!
А у роковой эпохи
Раковая опухоль!

* * *

Еще много хороших вещей на земле,
Еще вздыблена лошадь с царем на скале,
Разлетается тога с царевых плечей –
На земле еще много хороших вещей.
Декорации брошью блистают во мгле,
Еще много хороших вещей на земле.
Приготовлены строго смычки скрипачей
На земле еще много хороших вещей.
Гумилев и Волошин, Вийон и Рабле,
Еще много хороших вещей на земле,
И высокого слога не сохнет ручей.
На земле еще много хороших вещей.
Еще много хороших вещей на земле –
И рассвет, что ерошит листву на ветле,
И взлетают со стога десятки грачей.
На земле еще много хороших вещей.
Я целую ладошки твои в полумгле.
Еще много хороших вещей на земле.
Обжигай, недотрога, меня горячей.
На земле еще много хороших вещей.
И душистый горошек стоит в хрустале –
Еще много хороших вещей на земле.
Еще много у Бога и дней, и ночей.
На земле еще много хороших вещей.

* * *

И возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла?

Н. Заболоцкий

Неужели же нет первозданных, осмысленных слов?
Неужели же в сущности все оказалось неверным?
Даже месяц, что плыл меж березовых белых стволов,
Был подвешен на нитке, раскрашенным был и фанерным.
Неужели же нет первозданных, осмысленных слов,
Чтоб пресыщенный мозг задевали и били по нервам?
Неужели всё было игрой? И всего-то делов,
Что, взойдя на подмости, кривляться фиглярно манерным?
Неужели же нет первозданных, осмысленных слов,
И всего-то делов, что ночами торчат по тавернам
У залитых вином и запачканных пеплом столов,
И заумные вирши гундосить каким-нибудь стервам?
Неужели же нет первозданных, осмысленных слов,
И всей жизни улов оказался до жути мизерным?
И со свалок журнальных гремит щебетанье щеглов,
И бездарная заваль себя называет модерном!
Неужели всё кончится бредом горячих голов,
Тех, что мир оглашают не словом, а ревом пещерным,
И, подобно саркомам, гангренам и гнойным кавернам,
Ополчились на плоть первозданных, осмысленных слов!

ИВАСК Ю.П.

Иваск Юрий Павлович (1907, Москва – 1986, Амхёрст, США) – поэт, литературный критик, профессор-славист. В 1920 г. вместе с родителями эмигрировал в Эстонию, на родину отца, где получил юридическое образование в Тартуском университете. В 1938 г. в Варшаве выходит первый сборник его лирики «Северный берег», где ощутимо влияние поэзии Е. Баратынского.

В 1944 г. Иваск оказывается в Германии в лагере для перемещенных лиц, где знакомится с И. Чинновым. В 1949 г. он заканчивает Гамбургский университет, пишет диссертацию о К. Леонтьеве, которая в 1974 г. вышла отдельной книгой под заголовком «Константин Леонтьев», и переезжает в США, где учится в аспирантуре Гарвардского

университета. В 1955 г. защищает докторскую диссертацию «Вяземский как литературный критик» и преподает русскую литературу в ряде университетов США (Канзасском, Вашингтонском, Вандербильтском, Массачусетском технологическом и др.). Второй сборник его поэзии «Царская осень» был издан в Париже в 1953 г. В США вышли его поэтические книги: «Хвала» (Вашингтон, 1967), «Золушка» (Нью-Йорк, 1982), «2 x 2=4: Стихи, 1926–1939» (Нью-Йорк, 1982), поэма «Завоевание Мексики: сказ раешника» (Холио, 1984), «Повесть о стихах» (Нью-Йорк, 1984), книга «Я – мещанин» (Холио, 1986), поэма «Играющий человек» («Homo Ludens»), вначале опубликованная в парижском журнале «Возрождение» в 1973 г., затем изданная отдельной книгой в 1988 г. в Париже и Нью-Йорке после его смерти. Его поэтическое наследие пронизано литературными реминисценциями, многочисленными аллюзиями, литературной игрой и фантазиями. Отличительными чертами его поэтики являются метафоричность, барочность и парадоксальность, что позволяет говорить о постмодернистской направленности его поэзии.

Тексты стихотворений взяты из: *Иваск Ю.П. Хвала*. Вашингтон, 1967.

Сан Мигель Де Альенде

Игорю Чиннову

Открываю память-шкатулочку:
А не вспомнить, как называется!
Подымается в гору улочка
Мимо старой, забытой звонницы...
Что-то псковское, мило-никчемное,
Незавидное, незабвенное...
Желтый домик с синей каемочкой
И зеленой дверцей –
забавники!
Дворик внутренний, скрытый – патио –
Раскрывает свои объятия.
Закругляются розы алые,
Плачут, мочатся дети малые.
Я завидую бедной беспечности,
Незатейливой пестрой экзотике.
Запах розы, мочи и вечности,
Русь мешается в памяти с Мексикой.

1959

Венеция

Выдумываю, например, убийство
На улице Убийц.
Запомнилось лицо убийцы –
Оно родных роднее лиц:
Испуганное, нежное, веснушки
И рыжая упрямая макушка.
Рыдания наемной итальянки
В гондоле гробовой.
Мои же смертные останки,
Укачиваемые волной.
Прощайте, разноцветные блудницы,
Еще Венеция мне снится – длится
Мерцанье дымчатое, голубое
В разбитых зеркалах.
Всё призрачное, неживое,
И только тени на стенах:
Колблемое пламя в шандельерах,
Незримые движенья гондольеров.

1960

Салоники

Убийство в газетной хронике,
И море, и променад,
Одесса моя, Салоники,
Соломинка, лимонад.
Растут уступами всхолмия,
Свивается в тучу бред,
Прорезываются молниями
Минувшие сотни лет.
Безумные распри, ереси,
Но та же голубизна,
И крылья белого паруса,
И пенистая волна.
На рынке радуга запахов –
Омары, дыня, чеснок,
Сюда я приехал с Запада
На мой роковой Восток.

При Кесаре, при Андронике,
Меня пырнули ножом,
Но те же они, Салоники,
И тот же розовый дом.
И вечный покой мозаики:
Одетый в белый хитон,
Застыл я в раю-розарии,
Фазанами окружен.

Весна 1963

Тонанцингла

Тамаре И.

Бабочками впорхнули,
Розовый глиняный рай,
Ангелы зашуршали,
Зашелестели цветы.
Херувимского хора
Эхо-хрусталь
Огласило хоромы
Хрупкой хвалой.
Мячиками мечут
Повыше алтаря,
Костка и Гонзага,
Святые шалуны.
А Франциск Ассизский,
Приплясывая чуть,
Улыбнулся птичке,
Поющей на плече.
Ауканье, гулы
И переполох,
И прятки, и пляски,
И времени нет.

Ноябрь 1963

Мандельштам

Жестокий век, но снова постучится
Летушня-ласточка в твое окно.
Добро и зло пусть искажают лица –
Еще струится красное вино.
Пестра Венеция и смугл Акрополь,
И, доживая век, волны жуют.
Не назову некрополем Петрополь,
Где ласточки нетерпеливо ждут.
Его Сибирь еще не раз приснится,
Цепная, забайкальская, его,
Медовой, матовой рекой струится
Пчелино-солнечное волшебство.

Декабрь 1963

Ассизы

Настежь окна и душу,
Ранний утренний блеск,
Улыбается, дышит
Пробужденный Франциск.
Знаю – уже простились
Семьдесят семь грехов,
Выбежал – причастился,
Арфы колоколов.
Умбрией обернулся,
Мглою линейной – мир,
Розовый развернулся
Новый ассизский Рим.
Мантией расстилаюсь,
Брошенной перед ним,
Под ноги попадаясь,
Я распеваю гимн.

Март 1964

* * *

А.Р.

Душу что – убажить, унежить
Соловьями, – словами, под утро, весной?
И волной костоломной, соленой, зеленой,
Едко-устричной, с пеной шипучей Шампани?

Или спасти беспокойно-бессмертную душу
За скалой ноздреватой, в афонской пещере?
– По вере дается спасение, умной молитвой
В битве с мечами и жалами плоти.

Не то! – Что нужно, спроси ты, работник,
Домохозяина и виноградаря веси.
– Что нужно ему? – Сапогов ли, стихов,
Хлеба, вина и плодов, и каких, и чудес ли?

Не бойся, доверься – отец он, не отчим,
И хочет, чего ты воистину хочешь, –
Сапожник ли, стихослагатель,
Пахарь, садовник и винодел – чудодей!

Всё слагается в чудо – шипучие волны,
Соловьи и слова, ноздреватые скалы,
И пещеры, и вера, стихи, сапоги,
И пшеница, и грозди, и дни, и труды.

Апрель 1965

Тексты стихотворений взяты из: *Иваск Ю.П.* Золушка. Нью-Йорк, 1970.

Гласные

Пели – пели – пели,
Пили – пили – пили,
Поле – поле – поле,
Пули – пули – пули,
Пали – пали – пали.

1959

Акробат

По лесенке, по канату,
А ниже бедный Воронеж,
Помолимся мы за брата,
Такого ты не уронишь.
Я вижу в небе прореху –
Синит акробата синька,
Просунуло руку эхо,
Осанна – уже осанка.
Канат образует угол,
А истина мира – сфера,

А с ангелами он ангел,
Уже поэзия – мера.

1963

Бесприданница

Стародавние подмосковные –
Где же лебеди, где пруды?
А за липами поле ровное –
Вольной воли, древней беды.
Спите в склепе, князя с княгинями,
На родной-чужой стороне.
Итальяское небо, синее,
Не забудете и во сне.
Я аукну в купол – Растреллиев
И седую крысу спугну.
Пусто: внуки давно расстреляны,
Я люблю другую страну.
Голубки в беседке Венераиной –
Венецийские голубки,
Те же самые – и вне времени,
Клюйте зернышки из руки.
Я заглатываю рыданьице,
Отстраняю рукою грусть,
И опять она бесприданница –
За границей – Россия – Русь.

Ноябрь 1967

Марина Цветаева

Темная птица. Парка. Весталка.
Или монашка. Или гадалка.
Руку простерла. Или крыло.
Облако мглою обволокло.
Невмоготу. Темно. Тишина.
На ухо мне шепнула она:
– Райские яблоки стерегу.
– Рано еще. Ау. Ни гугу.

Ноябрь 1969

Кругозор

Дачка. Травка. Телячьи восторги:
Оттого что мое я не знаю
Христианское имя Георгий,
И еще я не вышел из рая.

Сколько было чистилищ и семь ли
Или более? менее? адов?
Ну, а все же заморские земли
Разве не были райской наградой?

Разве милые братья и сестры
Хороводы со мной не водили?
И еще расстилается пестрый
Кругозор – на английские мили.

.....
Завизжали мучительно скрипки,
Вырывая последние зубы.
Рано: кажется мне, по ошибке
Зарыдали победные трубы.

Ноябрь 1969, Амхёрст

КЛЕНОВСКИЙ Д.И.

Кленовский (наст. фам. Крачковский) Дмитрий Иосифович (1893, Петербург – 1976, Траунштейн, Германия) – выпускник Царскосельского лицея (1911), с 1913 г. учился на юридическом факультете Петербургского университета, а также слушал лекции на филологическом. В студенческие годы увлекался искусством, был знаком с Бенуа, Лансере, Сомовым, Добужинским, изучал антропософию, дружил с Волошиным, Ходасевичем, общался с Гумилевым, Белым. Первый сборник стихов «Палитра» вышел в 1917 г. В 1920–1930-е гг. работал переводчиком в Харькове. С 1942 г. живет на Западе: сначала в Австрии, а затем в Германии. Его стихи публиковались в «Новом журнале», «Гранях», в антологиях «На Западе», «Муза диаспоры», «Russische Lirik im 20. Sahrhundert» (1991) и др. В Германии в 1950–1970-е гг. вышло 11 сборников его поэзии: «След жизни» (Франкфурт-на-Майне, 1950), «Навстречу небу» (Франкфурт-на-Майне, 1952); «Неуловимый спутник» (Франкфурт-на-Майне, 1956); «Прикосновение» (Мюнхен, 1959); «Уходящие паруса» (Мюнхен, 1962); «Разрозненная тайна» (Мюнхен, 1965); «Стихи: Избранное из шести книг и новые стихи» (1965–1966) (Мюнхен, 1967); «Певучая ноша» (Мюнхен, 1969); «Почерком поэ-

та» (Мюнхен, 1971); «Теплый вечер» (Мюнхен, 1975). «Последнее» (Мюнхен, 1977) – его посмертная книга. В Париже в 1980 г. вышел первый том его «Собрания стихов». В России в 2008 г. вышла подборка «Из стихотворений 1945–1952 годов» в Греко-латинском кабинете Ю.А. Шичалина с иллюстрациями М. Тихонова.

Религиозно-философскую лирику Д. Кленовского с ее безупречной формой и постоянными размышлениями о добре и зле, о смысле жизни, о смерти, о любви высоко оценили критики русского зарубежья – Г. Струве, Н. Берберова, Г. Адамович, Г. Иванов (который считал его поэтом совсем не советской формации, а «дореволюционным»). Ю. Иваск, Л. Ржевский и Н. Ульянов отмечали акмеистические черты его поэзии – гумилевско-ахматовскую традицию.

Тексты стихотворений взяты из:

Кленовский Д.И. След жизни. Франкфурт-на-Майне, 1950.

Прохлада

На рубеже последних дней
Мне больше ничего не надо,
Вокруг меня уже прохлада
Прозрачной осени моей.

Пусть стали медленней движенья
И голос изменяет мне,
Но сердца в полной тишине
Красноречивее биенье.

Ложится сумрак голубой
На тяжелеющие веки,
И так прекрасно быть навеки
Наедине с самим собой.

1947

Долг моего детства

Двоился лебедь ангелом в пруду.
Цвела сирень. Цвела неповторимо!
И, вековыми липами хранима,
Играла муза девочкой в саду.

И Лицеист на бронзовой скамье,
Фуражку сняв, в расстегнутом мундире,
Ей улыбался, и казалось: в мире
Уютно, как в аксаковской семье.

Всё это позади. Заветный дом
Чернеет грудой кирпича и сажу,
И Город Муз навек обезображен
Артиллерийским залпом и стыдом.
Была пора: в преддверьи нищеты
Тебя земля улыбкою встречала.
Верни же нынче долг свой запоздалый
И, хоть и трудно, улыбнись ей – ты.

1949

Тексты стихотворений взяты из:

Кленовский Д.И. Навстречу небу. Франкфурт-на-Майне, 1952.

Корзина с рыжиками на локте,
А за плечом – мешок еловых шишек.
Опушки леса ласковый излишек –
Не царский ли подарок нищете?
Затопим печку, ужин смастерим
И ляжем спать на стружковой перине.
...Есть в жизни грань, где ты неуязвим,
Неуязвим, как ветры и пустыни.

1951

* * *

Пирог с грибами стынет на столе.
Меня зовут. Бегу огромным садом.
Вот этот полдень, в Царском ли Селе
Иль в Павловске, он здесь, со мною рядом.
Он был хорош не только тишиной,
Не только беззаботностью и ленью, –
Он был взыскательный учитель мой
И научил высокому уменью:
Уменью жить цезурою стиха,
Как эти вот дворцы, аллеи, шлюзы,
Как тот кувшин в бессмертных черепках,
Откуда пили ласточки и музы.

1951

Тексты стихотворений взяты из:
Кленовский Д.И. Неуловимый спутник. Франкфурт-на-Майне, 1956.

Не забытое, не прощенное

Когда весной – чужой весной! –
Опять цветет сирень,
Тогда встает передо мной
Мой царскосельский день.
Он тронут ранней сединой,
Ему под пятьдесят,
Но молодой голубизной
Его глаза горят.
Он пахнет морем и руном
Гомеровской строки,
И гимназическим сукном,
И мелом у доски;
Филипповским (вкуснее нет!)
Горячим пирожком,
Девическим, в пятнадцать лет
Подаренным, платком...
Стучит капель, оторопев
На мартовском ветру,
Звенит серебряный припев
Кавалерийских труб,
И голуби, набив зобы,
Воркуют на снегу...
...Я всех забыл, я всё забыл,
А это – не могу!
За годы зла, за годы бед,
Со мной друживших там,
Привык терять я даже след
К покинутым крестам.
Я схоронил отца и мать,
Я схоронил друзей,
Но их мне легче вспоминать,
Чем запах детских дней.
Все, чем согрела жизнь меня,
Я растерял – и пусть!

Вот даже Блока больше я
Не помню наизусть.
И стало тесно от могил
На дальнем берегу.
...Я всех, я все похоронил.
А это – не могу!
Когда я думаю, что вот
Там все теперь не так
И тот, кто песни там поет,
Не близок мне никак;
Со мною августовским днем
Не вспомнит злую весть,
Не скажет: «Вот сейчас, вдвоем,
«Костер» бы перечешть!»
Когда я вспомню, что поэт,
Что всех дороже мне,
Убит, забыт – пропал и след! –
В своей родной стране;
Что тот, кто нам стихи сложил
О чувстве о шестом, –
И холмика не заслужил
С некрашеным крестом;
Что даже в эти, в наши дни
На невском берегу
Его и мертвого они
Как волка стерегут –
Тогда я из последних сил
Кричу его врагу:
Я всем простил, я все простил,
Но это – не могу!

* * *

О, только бы припомнить голос твой –
Тогда я вспомнил бы и этот город,
И реку (не она ль звалась Невой?),
И колоннаду грузного собора,
И тонкий шпиль в морозной вышине,
И сад в снегу, такой нелетний, голый...

О, если б голос твой припомнить мне,
Твой тихий голос, твой далекий голос!
Что это всё мне без него? А он...
Он потонул, как все тогда тонули:
Без крика, без письма, без похорон,
В тифозной качке, в орудийном гуле,
С последней шлюпкой, на крутой волне
Отчалившей от ялтинского мола...
О, если б голос твой приснился мне,
Твой дорогой, твой потонувший голос!

1955

Тексты стихотворений взяты из:
Кленовский Д.И. Прикосновение. Мюнхен, 1956.

Как много есть прекрасного на свете:
Крыло орла, девическая грудь,
Кленовый лист, Риальто на рассвете,
Раздолье Волги, ландыш, Млечный путь...
И вот еще: прыжок бегущей лани,
Глаза ребенка, парус на волне...
Ты видишь сам: не сосчитать названий,
Не перечислить ни тебе, ни мне.
И все-таки не легче ль жить на свете,
Когда ты знаешь, что везде кругом
Есть волны, клены, девушки и дети
И даже просто чей-то сад и дом?
Ты говоришь: все это преходяще!
И ты не прав! Ведь будущей весной
Опять прыжок в зазеленевшей чаще,
Опять подснежник свежий под ногой!
Наш мир в бреду. Он шепчет заклинанья,
Он душит все, чем жизнь еще права,
Но в мире нет разрушенного зданья,
В котором бы не проросла трава.

1956

Царскосельская гимназия

Есть зданья неказистые на вид,
Украшенные теми, кто в них жили.
Так было с этим.
Вот оно стоит
На перекрестке скудости и пыли.
Какой-то тесный и неловкий вход
Да лестница, взбегающая круто,
И коридоров скучный разворот... –
Казенщина без всякого уюта.
Но если приотворишь двери в класс –
Ты юношу увидишь на уроке,
Что на полях Краевича, таясь,
О конквистадорах рифмует строки.
А если ты заглянешь в кабинет,
Где бродит смерть внимательным дозором, –
Услышишь, как седеющий поэт
С античным разговаривает хором.
Обоих нет уже давно. Лежит
Один в гробу, другой, без гроба, – в яме,
И вместе с ними, смятые, в грязи,
Страницы с их казненными стихами.
А здание? Стоит еще оно
Иль, может быть, уже с землей сравнялось?
Чтоб от всего, чем в юности, давно,
Так сердце было до краев полно,
И этой капли даже не осталось.

1957

* * *

Я думал до сих пор, что наша
Давно развязанная связь,
Хотя была других не краше,
Но все же в сердце сбереглась.
И вот недавно, в день погожий
Бродя по улице пустой,
Как заблудившийся прохожий,
Я вышел к истине простой:

Что все давным-давно забыто
И окончательно мертво,
Что сердце на могильных плитах
Не написало ничего.

Нет, не подумай, я не плачу,
Я просто на ущербе дней
Одною истиной богаче,
Одною радостью бедней.

1958

Тексты стихотворений взяты из:
Кленовский Д.И. Уходящие паруса. Мюнхен, 1962.

Нет, и всматриваться не стоит!
Ведь с собою не унести
Эти звезды, луга, прибой –
Все и сложное и простое,
С чем мне больше не по пути!
Знаю, знаю: пора пришла мне
Подружиться с коротким днем,
Мелкой речкой, замшелым камнем,
Выкорчеванным скользким пнем;
С равнодушной подругой-палкой,
С шумом медленного дождя –
Всеми теми, кого не жалко
Будет мне потерять, уйдя.

Ну а если и к ним я тоже
Так привыкну, что станут мне
И они всех небес дороже –
Кто мне землю забыть поможет
В беспощадной Твоей стране?

1959

* * *

На итальянском мраморе плиты –
Простое имя и скупая дата.
Но почему остановилась ты
И вздрогнул я, смущением объятый?
Не потому ль, что вновь коснулся нас
В своем заолодевшем начертаньи

На плитах всех повторенный рассказ
О жалком человеческом незнании.
Смотри: сквозь надпись проступает ложь!
Лгут имена! Нас всех зовут иначе!
Нам роздали их просто как пришлось!
Где то, каким в веках я обозначен?
И даты лгут! Нам миллиарды лет!
Не эти шестьдесят, не эти тридцать!
Обратно нам уже дороги нет,
Но впереди нам не остановиться.
Уйдем отсюда! Что нам говорят
Случайно здесь разбросанные плиты?
Пройдут века – и мы придем назад.
Еще мгновенье – и они разбиты.

1960

Тексты стихотворений взяты из: Новый журнал. 1998. № 213.

Первая любовь

Есть в жизни каждого одна
Неистребимая страница,
И ей, мучительно-верна,
Душа не устает молиться.
На золотой заре любви
Она записана навеки.
Она, тая лучи свои,
Всё озаряет в человеке.
Пройдут года. Мы перечтем
Книгохранилища любовей,
Но в этом пиршестве земном
Для нас ничто не будет внове.
И станет ясно, что давно
Прошло прекраснейшее мимо,
И что для каждого оно,
Как жизнь сама, неповторимо!

1945

* * *

Благословенна простота
В прикосновеньи, взгляде, слове,

И новая, как вечно внове
Узор прибоя, вязь листа.
Но что мне делать, если мне
Созвездий полыхает пламя
И ангел жгучими словами
Со мною говорит во сне?
Как уловить в земной кристалл
Сверканье истины нездешней,
Как заточить в земные песни
Небесной мудрости хорал?
И я кидаю в мусор слов
Неназываемые клады
И говорю не то, что надо,
И вовсе замолчать готов...
Прости меня! Я виноват
Моим бессвязным бормотаньем
(Невыполненным обещаньем!)
Перед тобой, мой нищий брат!
Ты просишь хлеба и воды,
А я дарю тебе сапфиры,
Алмазы, перлы – сгусток мира,
Мои ненужные труды!
И ты проходишь, оскорблен
Моим бессмысленным богатством,
И обличаешь со злорадством
Его косноязычный звон!
Так рядом мы живем, враги,
Которые могли быть – братья,
И одиночества проклятьем
Заклеймены мои шаги.
Но в горестной своей судьбе
Утешься все-таки сознаньем,
Что мне, в моем великом знаньи,
Порой больнее, чем тебе!

1946

* * *

В плену снегов поля лежат,
В плену холодных снов...

Но смотришь – за ночь вырос ряд
Кротовых чердачков!

Они, как холмики, легли
В неведомой стране –
Немного трепетной земли
На мертвой пелене.

И люди мимо них пройдут –
Пройдут и не поймут,
Что подвиг воли явлен тут,
Незримой жизни труд.

Не так ли моего труда
Незримая страда
Для всех, теперь и навсегда,
В конце концов чужда!

Скупая россыпь слов моих,
Неверный мой двойник, –
Вот всё, что хоть немного их
Займет, и то на миг...

А то, как я в глухой ночи
Не медлил и не ждал,
Крошил покой и мозг точил,
Гранит души кусал,
Как больно было путь пробить
К себе же самому –
Об этом, сердце, говорить
Не стоит никому!

Январь 1946

На чердаке

Вот я живу на чердаке
Безобразно большого мира.
Звезды теплятся в потолке...
Замечательная квартира!

Подо мною гудит-звенит
Пьяно-праздничное веселье:
После драк, убийств и обид
Там справляется новоселье.

Только мне там нет ничего –
Ни пристанища, ни обеда:
Не зарезал я никого,
Не украл, не растлил, не предал.
Я ведь только бродил и пел,
Рвал колосья и верил в Бога;
Выше молний и ниже стрел
Пролегала моя дорога.
От того, что весь мир дышал,
Я испытывал лишь удушье...
Могут выселить с чердака
За подобное равнодушие!
Вот и нынче – в рассветной мгле
Замыкаются звенья круга:
Томик Пушкина на столе,
На постели – моя подруга.
Я прислушивался всю ночь
К голосам, и шагам, и крикам...
Разве может мне кто помочь
В этом омуте многоликом?!
Что такое? Скребется мышь?
Или люди пришли за мною?
И за счастье свое дрожишь,
За простое свое, земное...

Дома

Вот и всё! А ты просил о многом!
Молний ты хотел, а не лампад!
Только видишь: дальняя дорога
Привела тебя опять назад!
Возвратила старое наследство,
То, о чем не думалось никак:
В спальне утраченного детства –
Тишину, киот и полумрак.
Вот теперь уже совсем ты дома,
И опять, как прежде, как в былом,
Своему угоднику седому
Можешь ты молиться перед сном.

И из-за сиреновой лампадки,
Огонек пронесшей сквозь года,
Улыбнется он тебе украдкой
И тебя услышит, как тогда!

Ноябрь 1947

Муза

Для иных она была вакханкой¹,
Для других – наложницей в бреду²,
А один – больною обезьянкой,
Злясь, водил ее на поводу³.

И свиданья наши вспоминая,
Всё, что ты взяла и что дала, –
Я решить хотел бы, кем, родная,
Для меня ты все-таки была...

Только не богиней! Слишком просто
Рядом мы играли и росли,
Слишком дружно на лужайке пестрой
Солнечную юность провели!

И не обезьянкой, потому что
Никогда я по чужим дворам
Не ходил, и буду нищим лучше,
Но твоей гримаски не продам!

И когда я напоследок все же
Для тебя название найду,
То была ты – яблонькой пригожей
В незатейливом моем саду!

Ты весной в мое окно глядела,
Пчел поила, кружево плела,
На мои тетради ворох целый
Лепестков душистых намела.
А потом надолго задержала

¹ Пушкин: «...И как вакханочка резвилась...» (Прим. Д. Кленовского).

² А. Блок «Музе»: «...И любви цыганской короче / Были страшные ласки твои» (Прим. Д. Кленовского).

³ Г. Шенгели «Музе»: «...Мне надо жить и есть – и по дворам хожу / С тобою, обезьянкой пленной» (Прим. Д. Кленовского).

Тайной вязи дремлющую нить,
Чтобы осенью моей усталой,
Сладкое под кожицею алой,
Яблочко мне в руку уронить.
И теперь, когда, ноябрь встречая,
От тебя я ничего не жду, –
Я тебя в рогожку спеленаю,
Землю заступом перекопаю,
Обниму покрепче – и уйду.
И, прощаясь навсегда с тобою,
Лишь одно желанье затаю:
Чтоб с другим ты будущей весной
Повторила с той же чистотою –
Но еще щедрее! – жизнь свою.

Ноябрь 1946
Surrberg

* * *

Есть роковая дрожь. Не тела, а души.
Неизъяснимое и страшное мгновенье!
В обычном шуме дня или в ночной тиши
Оно приходит вдруг – и нету исцеленья.
Ты обречен. Ты мертв. Еще ты будешь петь,
Любить и трепетать, но это всё пустое.
Вчера ты был один, теперь вас стало двое.
Ты человек и труп. Ты жизнь еще и смерть.

Может быть...

Не сосчитать, не взвесить, не измерить,
Пропавшее не отыскать звено...
И счастлив тот, кто может просто верить,
Не мудрствуя лукаво и темно.
Дана простая заповедь Господня:
Любить других, как самого себя.
И, может быть, кратчайший путь сегодня –
Прожить свой век, не зная, но любя.
И, может быть, придет к Последней Двери
Тот, кто любил, куда быстрее, чем тот,

Кто сосчитал, и взвесил, и измерил,
Но сохранил в душе покой и лед.
Не торопись! Быть может, просто надо,
Не выбирая дальнего пути,
Открыть калитку своего же сада,
Чтоб до всего дойти и всё найти.

* * *

Работай только на вечность –
Над камнем и над стихом.
Заманчивая беспечность
Всегда отомстит потом!
И пусть твоя вечность станет,
Как молния, коротка:
Рассыпется в прах твой камень,
Истлеет твоя строка...
Но что хорошо построишь,
И миг проживет, как век.
Довольно, что до него лишь
Дотронулся человек.
Твой камень ему был домом,
Причастьем – твоя строка.
Не зная того, ведом он
Тобою издалека.
И в вечность возьмет с собою
Для новых и слов, и дел
Тот дом, что ты здесь построил,
И песню, что здесь пропел.

1950

Незнание

Славно, что знаешь о мире ты, человек,
Но радостней то, что не знаешь!

Еп. Иоанн (Шаховской)

Плывут миры, плетя и расплетая,
Расчисленный и предреженный ход,
И в каждой жизни, от края и до края,
Звенит и плещет, зреет и цветет.

И в каждом – ритм одной и той же воли,
К единой цели точная стезя,
Единый смысл, которым каждый болен,
Но разгадать который нам нельзя...
Что знаем мы? Как мухи по картине,
Мы ползаем по трещинам земли,
Следя мазки, сверяя точность линий,
Ткань полотна исследуя в пыли.
А что на ней Сикстинская Мадонна
В двойном сиянии света и тепла,
Явила миру лик свой просветленный
И перед ним Христа приподняла,
Что некий луч, немеркнувшее пламя,
Вокруг него на все предметы лег,
Что Он живет, что Он навеки с нами,
Навеки в нас – нам это невдомек!
Так будем же по крайней мере честны
И в горестном бессилии своем
Не оскорбим премудрости небесной
И «опыт» свой – незнаньем назовем!
Незнаньем! Тем, что радостнее знанья,
Затем, что в нем, уму наперерез,
Неистребимых истин обещанье,
Предчувствие восторгов и чудес!
Засохшей краскою и тканью плотной
Слепому только вещей мир грозит.
На расстоянии, а не вблизи,
Учись читать высокие полотна!

Сентябрь 1947 г.
Канада

МОРШЕН Н.Н.

Моршен (наст. фам. Марченко) Николай Николаевич (1917, с. Бирзула, Херсонская губерния – 2001, Монтерей, США), сын писателя Н.В. Нарокова (Н.В. Марченко), закончил физико-математический факультет Киевского государственного университета в 1941 г. В 1943 г. вместе с семьей оказался в Германии, по окончании войны – в лагере для перемещенных лиц в Гамбурге; в 1950 г. переехал в США,

где преподавал русский язык в Монтерейском военном училище в Калифорнии до 1977 г. Автор трех поэтических сборников: «Тюлень» (Франкфурт-на-Майне, 1959), «Двоеточие» (Вашингтон, 1967) и «Эхо и зеркало» (Беркли, 1979), а также стихотворений, публиковавшихся в эмигрантских журналах («Грани», «Новый журнал»), многочисленных подборок в альманахах и сборниках «На Западе», «Русский альманах», «Муза диаспоры» и др. Его переводы американских поэтов (Э. Дикинсон, Р. Фроста) и современных писателей (Дж. Апдайк, А. Азимов, Б. Маламуда и др.) печатались в журнале «Америка». Темы одиночества, тоски, ностальгии, распада, гибели, изображение страшного мира советской действительности и современного мира, несущего атомную смерть, стали основными в период 1950–1960-х гг. В 1970-е гг. в стихах Моршена преобладает игровое начало, установка на парадокс, поэтические розыгрыши, шутки, шарады, каламбуры, цитации, аллитерации. Основной темой его творчества становится тема поэта и поэзии, которая, как считает автор, вносит в безумный мир гармонию, «хаос претворяя в слово»: даже замолкая, она непременно возрождается вновь. В 1996 г. три указанных сборника стихов вошли в собрание стихов вместе со стихотворениями четвертого, не напечатанного отдельной книгой «Умолкший жаворонок» (Беркли, Окленд, Калифорния).

Тексты стихотворений взяты из:
Моршен Н.Н. Тюлень. Франкфурт-на-Майне, 1959.

Тюлень

«Товарищи!»
Он опустил глаза,
Которых не удастся образумить.
«Кто за смертную казнь врагам народа,
прошу поднять руки!»
Все подняли. Он тоже поднял «за»,
Стараясь ни о чем не думать.
Но головокруженье превозмочь
И, отстранясь, скорей забыть про это.
Аплодисменты. Значит, можно прочь.
Из коридоров университета
На воздух. Сумерки. Земля
Апрелем пахнет. Дальше что? Постой-ка,
Теперь все просто: полтора рубля,
Стакан вина у неопрятной стойки

И папиросу в зубы. И – в сады,
Туда, к реке, где ночь шуршит ветвями,
А звезды, отразившись от воды,
Прносятся, как эхо, над садами,
Где в темноте, друг другу далеки,
Блуждают одиночки по аллеям,
И, как кладбищенские огоньки,
Их папиросы плавают и тлеют.
И здесь бродить. Сперва – томясь, потом –
Уйдя в покой туманных размышлений
О постороннем: в частности, о том
По детским книжкам памятном тюлене,
Который проживает там, где лед
Намерз над ним сплошным пластом снаружи.
Тюлень сквозь лед отдушину пробьет
И дышит, черный нос с усами обнаружа.

* * *

Как круги на воде, расплывается страх,
Заползает и в щели и в норы,
Словно сырость в подвалах – таится в углах,
Словно ртуть – проникает сквозь поры.
Дверь на крюк! Но тебе не заклать свой испуг
Конурою, как норы, понурой:
Он порочен, твой круг, твой магический круг,
Нереальной своей квадратурой.
За окном, где метель на хвосте, как змея,
Вьется кольцами в облаке пыли,
Возвращается ветер на круги своя
И с решетками автомобиля.
Горизонт, опоясавший город вокруг,
Застывает стеною сплошною.
Где-то на море тонет спасательный круг,
Пропитавшийся горькой водою.
А вдали, где полгода (иль более) мрак,
Где слова, как медведи, косматы:
Воркута, Магадан, Колыма, Ухтпечлаг...
Как терновый венец или Каина знак –
Круг полярный, последний, девятый.

Последний лист

По-осеннему воздух чист.
Пала изморозь и не тает.
Обрывается желтый лист,
Обрывается и слетает.
И не может понять он вдруг,
Не в бреду ли ему приснилось:
Почему это все вокруг
Покачнулось и закружилось?
Кувыркаются облака,
Опрокинулось поднебесье,
И такая во всем тоска
Об утраченном равновесье.

Тексты стихотворений взяты из:
Моршан Н.Н. Двосточие. Вашингтон, 1967.

За каждую гранью – свое мирозданье.
Смотри, я сейчас поднимаю листок.
Ты видишь – под ним копошится созданье:
Стоножка? двухвостка? улитка? жучок?
За льдиной – тюлени, за глыбой – медведи,
За речкой – селенье, за стенкой – соседи,
Свое кукованье за каждой сосной,
И сердце – за каждой клеткой грудной.
Весь мир поделен на мирки, на мирочки,
Куда ни толкнись – номерки, номерочки.
Такие барьеры, такая отдельность,
Что вера невольно растет в запредельность.
...Зевали кефали, смотрели макрели,
Как в небо летучие рыбы летели –
Не то чтобы в небо, а чуточку ниже,
Но дальше от жижи и к солнцу поближе.
С восторгом проклюнувшегося орленка
Они прорывались сквозь влажную пленку
И мчались по новооткрытым орбитам,
Подобно болидам и метеоритам.
И мне бы промчатся зазубренной тенью
Сквозь все отрицанья и недоуменья,
Сквозь все средостенья прорваться и мне бы –
И рыбой, и рыбой, и рыбой – по небу!

* * *

Поэты атомного племени,
Мы не из рода исполинского,
Мы гибнем без поры, без времени,
Как недоносок Боратынского,
Мы тоже ищем в мире Зодчего,
Но, не желая долго мучиться,
Мы живы верою доходчивой
В идею всеведьникчмучества.
Мы тоже можем грезить демоном,
Но забываем то и дело,
Что задается эта тема нам
Не Лермонтовым, а Максвеллом.
И мы сгибаемся под бременем
Того, что быть должно бы знаменем,
Рождаясь в веке двоевременном:
Плоть – в атомном, а души – в каменном.

Тексты стихотворений взяты из:
Моршен Н.Н. Эхо и зеркало. Беркли, 1979.

Белым по белому

Зима пришла в суровости,
А принесла снежновости.
Все поле снегом замело,
Белым-бело, мелым-мело,
На поле снеголым-голо,
И над укрытой тропкою,
Над стежкой неприметною,
Снегладкою, сугробкою,
Почти что беспредметною,
Туды-сюды, сюды-туды
Бегут снегалочки следы,
Как зимниероглифы,
Снегипетские мифы.
В лесу дубы немногие,
Снеголые, снежногие.
Висят на каждой елочке
Снегвоздики, снегопочки.
И снеголовая сосна
Стоит прямее дротика.

Сугробовая тишина.
Снегرافика.
Снеготика.

Тексты стихотворений взяты из:
Моршен Н.Н. Эхо и зеркало. Беркли, 1979.

Перевертень

Икар и Азор как роза и раки:
Азору – роза
Икару – раки.
Азор умен – ему роза.
Икар умер – ему раки.
Азор умел – ему роза
А раки – кара.
А роза упала на лапу Азора.
А раки ели в иле Икара.

Норма брака

Нравится нам или не нравится,
Но у этой задачи
Есть классическое решение.
Из девицы, красавицы,
Душеньки, девушки, певшей в церковном хоре,
Получается вскоре
Прекрасная пиковая дама с собачкой,
Приятная во всех отношениях.

Тексты стихотворений взяты из:
Моршен Н.Н. Умолкший жаворонок. Беркли, 1996.

Проба пера

Птенчик оперился. Значит, пора.
Так начинается проба пера.
Проба пера – это проба крыла:
В воздух, как в омут, была не была.
Проба пера – это ай да полет,
Красносмотрителен и желторот!
Проба пера – это поиски сфер,
Где кругозору сродни глазомер.
Проба пера – это проба беды,
Проба судьбы от гнезда до звезды.

Стихи и стихии

Я меж Творцом стихий и стихотворцем
Соперничество вижу и родство –
Полны единством и единоборством
Два корня уравниенья одного.

В день первый, день стихий (стихов?) творенья
Возникли сразу небо и земля,
Как две строфы, в противопоставленьи
Осуществленный замысел дея.

Согласно стали звезды загораться,
Светя чужой и собственной судьбе,
И горы воздвигали, как Гораций,
Нерукотворный памятник себе.

Гудели ритмы в смутном океане,
Текла и пела первая река,
Летели, плыли по-аристофаньи
Лягушки, птицы, осы, облака.

И с явно независимым сознанием,
Подобно двум счастливейшим строкам,
Росли с мужским и женским окончанием
В саду Эдема Ева и Адам,

Где, в ироническом являясь виде,
Пел языком стихов (или стихий?)
Любви искусство райский пра-Овидий,
Накликавший изгнание змий.

* * *

Ледники и морены
мощно
вытачивали в земной коре
осязаемые формы
задолго до рождения первого скульптора.
Муссоны и пассаты
звучно
выпевали в земном воздухе
внятные мелодии
задолго до рождения первого музыканта.
Восходы и закаты
сочно

выписывали в земном небе
яркие полотна
задолго до рождения первого живописца.
И только стихи рождались
вместе с человеком,
вслепую,
неизвестно где.
Пример – Гомер.

Тексты стихотворений взяты из:
Новый журнал. 1998. № 213. Поэтическая тетрадь.

О звездах

Утром раза три в неделю
С милой музой порезвлюсь,
Там опять пойду в постелю
И с женою обоймусь.

Державин

Поэтов увлекали прорицанья
Внезапной смерти, яростной притом:
В полдневный жар долины в Дагестане;
Или в зеленый вечер под окном;
Тянуло их писать, как на дуэли
Поэт на снег роняет пистолет;
Предсказывать (как вышло и на деле):
– Умру не на постели... в дикой щели;
Твердить: – ...пора Творцу вернуть билет.
Но быть пророком, даже невеликим,
И мудрым звездочетам не дано,
А словом опрометчивым накликать
Несчастье на себя не мудрено.
Не отогнать накликаемые беды,
Хоть можем вспомнить об иной звезде:
Минут пяток всхрапнуть после обеда
И побродить уже во сне по следу
Державина в зеленой Званке, где
Струилась жизнь певца, подобно чуду,
Подробно, резво, но не впопыхах.
Была жена в постели. Бог повсюду.
И вкус бессмертья длился на губах.

1997

Поэт в Америке

Я вышел в сад и, взявши вилы,
Стал перебрасывать компост,
А память мне переводила
То, что сказал однажды Фрост:
«Пускай их делят, кому охота,
А я сливаю с давних пор
Мою забаву с моей работой,
Как оба глаза – в единый взор».
Он, крикая, колот дрова,
По строчкам размещал слова,
И складывалась жизнь у Фроста
Тепло и просто.

1997

Тексты стихотворений взяты из:
Новый журнал. 1999. № 216. Пять стихотворений с эпиграфами.

Другу стихотворцу

Писать много книг
Конца не будет,
И много читать
Утомительно для тела.
Екклесиаст 12:12

Осваивай, мой друг, стихосложение,
Но опасайся стихоумножения.
Пусть без тебя прискорбно увеличится
Число уходов качества в количество,
Где силуэты прячутся в туман,
А лица схожи внутренне и внешне
Не так, увы, как вишня и черешня,
А словно граммофон и графоман.

1998

В защиту сорных трав

Когда б вы знали, из какого сора...

...Растут стихи бывает, что из сора,
Но знать должны все внучки горожан,
Что сорняки среди сора у забора
Растут, как орхидеи. Из с-е-м-я-н!

1998

Неизвестному автору

Гори, гори, моя звезда.

Перед самой зарею
Звезды сходят на нет,
Потому что не тьмой, а
Светом гасится свет.
Светлячок, фейерверк ли,
Все нуждаются в тьме.
Чтобы звезды не меркли,
Будь себе на уме.
Пляшет канатоходец
Днем у всех на виду,
И лишь темный колодец
Видит в небе звезду,
Что в пространство и время
Абсолютный льет свет,
Ставши солнцем в системе
Оживленных планет,
Средь которых найдется
Дальнозоркая та,
В чьем глубоком колодце
И твоя отзовется,
Отразится звезда.

1999

Морской волк. Из Джона Мейсфилда

Видно, я суровому Нереею
Смог когда-то очень угодить,
Что теперь – его, и не умею
Ни полей, ни леса полюбить.

Гумилев «Тоска по морю»

Я в море, в море пушусь опять, где волн закипает плеск,
Дайте мне только быстрый корабль и звезды путеводной блеск.
И ветра свист, и штурвала скрип, и белых полотен пляс,
И серую мглу над серой водой в предутренний серый час.

Я в море, в море пушусь опять, где к берегу мчит прилив,
И внятны мне и неотразим властный его призыв;
Мне нужно только, чтоб бриз свежел, пену швыряя ввысь,
Кричали чайки, дышала зыбь и облака неслись.

Я в море, в море пушусь опять, в привольный цыганский быт,
Которому верен и альбатрос, и старый бродяга кит;
Пусть слышится только моряцкий смех, соленая болтовня,
Когда приютит меня долгий сон в конце моего дня.

Перевод Н. Моршена, 1999

* * *

Он прожил мало: только сорок лет.
В таких словах ни слова правды нет.
Он прожил две войны, переворот,
Три голода, четыре смены власти,
Шесть государств, две настоящих страсти.
Считать на годы – будет лет пятьсот.

НАРЦИССОВ Б. А.

Нарциссов Борис Анатольевич (1906, под Саратовом – 1982, США) детство провел в Ямбурге в семье земского врача. В 1919 г. переезжает с родными в Эстонию, где обучается в русской гимназии в Тарту (бывш. Юрьев), затем в Тартуском университете на химическом отделении. Входил в поэтический кружок «Юрьевский цех поэтов», которым руководил Б.В. Правдин. В 1934–1938 гг. вместе с Ю. Иваском был членом «Таллинского цеха поэтов». Во время Второй мировой войны попал в Германию в лагерь перемещенных лиц под Мюнхеном. В 1951–1953 гг.

работал химиком в Австралии, с марта 1953 г. продолжил научную деятельность по этой специальности в США (штат Огайо).

Первые публикации стихов Б. Нарциссова появились еще в Эстонии; он также печатался в «Новом русском слове», «Гранях», «Новом журнале». Почти все сборники его стихов вышли в США: «Стихи» (Нью-Йорк, 1958); «Память» (Вашингтон, 1965), «Подъем» (Лувер, 1969); «Шахматы» (Вашингтон, 1974). Сборник «Звездная птица» (Вашингтон, 1978) включает все предыдущие стихи и пятнадцать новых стихотворений. «Письма самому себе» (Нью-Йорк, 1983) – посмертное издание, включающее стихи и прозу.

В своем творчестве Б.А. Нарциссов развивает поэтические традиции Серебряного века русской литературы – Блока, Бальмонта, Бунина, Гумилева, которых он по праву считал своими учителями. Вместе с тем его поэзия несет налет более поздних течений – модернизма и постмодернизма, что проявляется в апокалиптическом видении мира, изображении его абсурдности, а также использовании образов эха, зеркала, двойничества и др.

Тексты стихотворений взяты из: *Нарциссов Б.А. Память.* Вашингтон, 1968.

Подражание Пушкину

Был вещий голос дан поэту
Будить уснувшие сердца.
Но глух был мир, и без ответа
Остался тщетный зов певца.
Поэту грозные виденья
О роке были явлены.
Но слеп был мир – предвозвещенья
За бред им были сочтены.
Замолк поэт в толпе холодной,
Забывшей древних мук язык.
Так посреди степей бесплодных
В песках скрывается родник.
Но в тишине мечты живет
И вещей слов чеканней сталь.
Так на глубинах, холодея,
Вода прозрачна, как хрусталь.

* * *

Тянулись дни томительно, как слизи,
Туманы набухали и ползли:
Паук-ноябрь сосал остатки жизни
Из обессиленной земли.
Мой мозг впитал тягучесть туч свинцовых,
Свирепый яд гниения впитал
И паутиной жадной и готовой
Он мысли хищно разостлал,
И как паук, меня поймав, окутав,
И держит цепко клейкой пленой.
Забывшее, минута за минутой,
Сосет из памяти больной.

Verso la fine del Camin de mia vita

От юности моей меня бороли страсти.
Я вел свой путь, не слушая отца,
И над душой своей достиг я власти
Держать ее в готовности бойца.
Но при скончаньи странствия земного
Я вижу пройденный бесцельно путь,
И я устал, и нет руки Отцовой,
К которой мог бы, слабый, я прильнуть.

* * *

Жар холодных числ...

А. Блок

В кристалльных сферах хладных числ
Усталый дух нашел забвенье,
И внял их беспощадный смысл,
И, вот, застыл в оцепененьи.
Но истину обречена
Провозглашать поэта лира.
Я истину познал. Она
Собой кончает книгу мира.
Движенье – Жизнь течет рекой
К безгласным глубям океана,
Чье имя – мертвенный Покой.
Нуль математики. Нирвана.

Память

Как во сне, заблудился: не знаю, где я...

Этот лес: криптомерии, араукарии,
И бархатно-бурым глядят орхидеи –
Глаза удивленные карие.

И смутно я помню: залив Карпентарии,
И может быть, берег Новой Гвинеи,
И в воздухе тяжком как в пряном наваре я...
Задыхаюсь, а чаща встает, зеленея.

...Этот лес заплетенный, безвыходный, веерный
До боли я помню я помню смолистый и северный,
Где от хвойного ветра гуденье и звон,
Где сосна запылила цветением серным
Повороты тропинки, чуть видной, неверной,
Где-то в памяти вьющейся глубже, чем сон.

Отрицательный мир

В отрицательном мире, где все нам дико,
У пряников – твердый строй и уклад:
«Осолоди мя, отче витой сладыка!» –
Обращается к старшим всякий не-слад.

А со мною учтивы: хоть я не со сдобью,
Но присвоенный титул мне пишут всегда
В обращении: «Ваше неправдоподобие»,
И мой адрес: «Не нам, не сюда».

И так мирен там летний пейзаж: между губок,
От зари до другой зеленой зари
Головастых ребят пускают из трубок
Пыльные музыри.

* * *

На себя натянула туманом воздуха,
Распростерлась земля, и глаза ее спят.
Небосвод в темно-синем, Мигуев-Звездухин,
Всю ее одремал от лесов и до пят.

От росы и от ночи русалкой запахли
На полях, разбухая от влаги, овсы.
Ты колосья помни – на руке, на зубах ли –
Защекочут тебя голубые усы.

На медовые головы клеверной ткани
Осторожно ложится туман, как в постель,
И мешает росе в сновиденьях стеклянных,
Неустанно скрипя колесом, коростель.
Вот и знаю, что ночь эту, синюю сказку,
Буду звать я потом, и нигде не найду...
А вверху – посмотри – осторожно лаской
Сизогубое облако лижет звезду.

Тексты стихотворений взяты из:
Нарциссов Б.А. Звездная птица. Вашингтон, 1978.

Timeless Land¹

Над плоским, пересохшим континентом
От моря и до моря темнота.
Журчат сверчки. Серебряною лентой,
Волокнами туманного жгута,
Течет недвижно Звездная Дорога.
Но беспокойно ожидает юг:
Там далеко во льдах дугой пологой
Воспламеняется полярный круг
И светит медным пламенем досюда,
Как дикого становища костер.
Журчат сверчки. В сухих бурьянах груды
Изветренного камня. С древних пор.

Южас

Он открылся, огромный и пыльный,
Позабывтый чердак предо мной.
Полусвет – но какой-то мыльный:
Светло-серый, тусклый дневной.
Свет из круглых и низких окон –
Только в небо: вниз не взглянуть.
За каймой паутинных волокон
На стекле столетняя муть.
А на камне (зачем он тут брошен?)
Голый мальчик один сидит.
Он слепой. И рот перекошен.
Он оставлен, брошен. Забыт.

¹ Земля без времени.

И вот, телом тщедушным тужась,
Он кричит однотонно и громко,
Как машина, голосом ломким, –
Только: «Южас, южас...» и «Южас!»

Сон о трубе

Валентине Синкевич

Traume sind Schaume¹.

Про сны говорят: это – пена.
Но разве пена такой:
Направо, налево – стены,
Иду, и душит тоской.
Наверно, сточные трубы
Бывают так наяву:
Цемент и булыжник грубый,
И где-то конец во рву.
И я понимаю смутно,
Что все это только – я,
Что каждый шаг – поминутно
Напрасная жизнь моя,
И что впереди – потемки,
Что все это – пена и зря.
И плачу я голосом ломким,
Вперед, в потемки смотря.
И душит едкая жалость
Ко мне – самому себе,
Затем, что все, что осталось –
Идти по этой трубе.

ЧИННОВ И.В.

Чиннов Игорь Владимирович (1909, Рига – 1996, Флорида, США) с 1914 по 1922 г. жил с семьей в России, затем вернулся на родину, где окончил юридический факультет Латвийского университета. С середины 1930-х гг. печатается в эмигрантском журнале «Числа» (Париж). С 1944 г. живет на Западе, сначала в Германии, где вместе с Ю. Иваском учится в Гамбургском университете, затем переезжает в Париж,

¹ Мечты – это пена (нем. пословица).

где посещает занятия в Сорбонне, выступает с публичными лекциями по русской литературе, знакомится с поэтами «Парижской ноты» и публикует свой первый сборник «Монолог» в парижском издательстве «Рифма» в 1950 г. Трагическое мироощущение поэта, мотивы одиночества, безысходности, скитальчества нашли свое выражение во втором сборнике «Линии» (Париж, 1960).

Вернувшись в Германию в 1953 г., он в течение десяти лет работает в качестве редактора и автора передач по современному искусству и литературе на мюнхенской радиостанции «Свобода», постоянно публикует свои стихи в «Гранях» и «Новом журнале», а в 1962 г. переезжает в США, где в качестве профессора-слависта вначале работает в Канзасском, а затем с 1968 г. – в Вандербильтском университете вплоть до ухода на пенсию в 1976 г. В Нью-Йорке выходят третий и четвертый сборники его стихов: «Метафоры» (1968) и «Партитура» (1970), где нарочито обедненный словарь первых книг обогащается ассоциативностью, живой образностью и гротеском. Два последующих сборника стихов «Композиция» (Париж, 1972) и «Пасторали» (Париж, 1976) продолжают эти тенденции, сочетая гротеск и лиричность, метафоричность и пародийность. В них присутствуют стихотворения из первой и второй книг Чиннова – «Монолог» и «Линии». В двух последующих сборниках стихов, вышедших в США, – «Антитеза» (1979) и «Автограф» (1984) – звучит мотив дальних странствий, трагическому хаосу эпохи противопоставлен гармонический строй его поэзии: изысканная метафоричность, усложненность образной системы, музыкально-поэтический лад.

Игорю Чиннову довелось побывать в России в 1991 г., встретиться с российскими читателями в ЦДЛ на праздновании 50-летия «Нового журнала». В Москве в 1994 г. вышел его девятый сборник стихов «Эмпирей», а в 1996 г. – десятый – «Алхимия и ахиня», вобравшие в себя ряд стихотворений, написанных в предыдущие годы.

Текст стихотворения взят из: *Чиннов И.В.* Монолог. Париж, 1950.

Медленно меркнет мой путь.
Боли не выскажу людям.
Боже, я петь не могу,
Сердце смолкает мое.
Счастье мерцало, и мне –
Канула капля слепая.
Слабая мгла глубока,
Рано – Смеркается – Смерть.

Текст стихотворения взят из:
Чиннов И.В. Линии. Париж, 1960.

Мы были в России – на юге, в июле,
И раненый бился в горячем вагоне,
И в поле нашли мы две светлые пули –
Как жёлуди, ты их несла на ладони –
На линии жизни, на линии счастья.
На камне две ящерицы промелькнули,
Какой-то убитый лежал, будто спящий.
Военное время, горячее поле,
Россия... Я все позабыл – так спокойней,
Здесь сад – и глубокое озеро подле.
Но если случайно, сквозь тень и прохладу,
Два жёлудя мальчик несет на ладони,
Опять – южнорусский июль на исходе,
И, будто по озеру или по саду,
Тревожная зыбь по забвенью проходит.

Текст стихотворения взят из:
Чиннов И.В. Метафоры. Нью-Йорк, 1968.

Здесь пахнет лазурью, ты знаешь? Здесь пахнет лазурью.
И струи фонтана трепещут эоловой арфой.
И пышным огнем золотится петух, запевая,
и пестрый базар не стихает в полуденном свете.
И кажутся музыкой смутной далекие горы,
и в детских губах леденец золотистой свирелью.
На старой стене расплескалась волна винограда,
и в пыльном пылании вьются песчинки бессмертья.
И в светлом звучанье текут золотистые груды
июльского воздуха, нежного смуглого лета.
Огромные груды сиянья, громады лазури.
Смотри – половодье лазури, и горы как волны.

* * *

Холодеет душа, и близится сумрак.
И всё, как тень над водами Леты.
Но хочется, хочется чистых звуков
волшебной скрипки, волшебной флейты.

Ну что, Пегас, смешная лошадка,
ты нас научишь в день пасмурно-зыбкий
легко летать, как люди Шагала,
играть на букете, как на скрипке?
И от нежных звуков мы подотреем,
простим разбойника и убийцу.
Поэт, попробуй стать чародеем,
чтоб день превратился в райскую птицу.

* * *

Слушая розовый сумрак смуглых ладоней,
теплую музыку раковин нежно пахучих,
маленьким розовым ухом прильнув поудобней,
все повторяя, как волны: «Голубчик, голубчик...»
Слыша почти, что снежинки, светлая стая,
 снова слетаются, ночь Рождеством наполняют.
Глядя на розовый шорох в широком камине,
видя ночное молчанье улицы зимней...
Слушая грудь, где бормочут счастье и жалость,
слыша жасминовый запах снежинки холодной,
точно в мелодию летней реки, погружаясь
в тихий и розовый сумрак смуглых ладоней...

* * *

Человек... мыслящий тростник.

Паскаль

Я помню пшеницу, ронявшую зерна,
на пыльной бахче дозревавшие дыни.
Я помню подсолнечник, желтый и черный,
и краски настурций, герани, глициний.
Я помню оливы (в Провансе? в Тоскане?).
Я помню, над Рейном поля зеленели.
И яблони помню (тогда, на Кубани...)
и в Дании поле. Ответь, неужели
пшеница падет под ударами градин
и черные кони помчатся оскалась,
и будет растоптан земной виноградник,
растоптан тростник неразумный Паскаля?

* * *

Увядает над миром огромная роза сиянья,
осыпается небо закатными листьями в море,
и стоит мировая душа, вся душа мироздания,
одиноким сосной на холодном пустом косогоре.

Вот и ночь подплывает к пустынному берегу мира.
Ковылем и полынью колышется смутное небо.
О, закрой поскорее алмазной и синей порфирой
этот дымный овраг, этот голый надломленный стебель!

Или – руки раскинь, как распяты, над темным обрывом.
Потемнели поля, ледяные, пустые скрижали.
Мировая душа, я ведь слышу, хоть ты молчалива:
прижимается к сердцу огромное сердце печали.

* * *

Облака облачаются
в золотое руно.
Широко разливается
золотое вино.

Это бал небожителей,
фестиваль, карнавал,
и доходит до зрителей,
как скрипач заиграл.

И две бабочки поздние
у гнилого ствола,
словно крошки амброзии
с золотого стола.

А подсолнух нечаянный
у садовых ворот –
точно райской окраиной
рыжий ангел идет.

Тексты стихотворений взяты из:
Чиннов И.В. Партитура. Нью-Йорк, 1970.

За музыку полуденного зноя,
за музыку полночного покоя,
за звуки Моцарта в приморском городке,
за эту смесь гобоя и прибоя,

За мерный звук катулловых двестишней,
за шелест крыльев – о, все выше, выше, –
за легкий шорох высохшей травы
под легким телом ветра или мыши,
под легким шагом ночи или Музы,
«За всё, за всё тебя благодарю я».

* * *

Да, недужится, неможется,
В сердце прыгнула игла.
Смерть – оскаленная рожица
Выглянула из угла.

Не поможет потогонное...
Что ж ты смотришь наяву?
Уплываю в Патагонию,
В Похоронию, Харонию,
В Погребалию плыву.

Аспирины аспириновые...
Обессилен... Кошка, брысь!
Палестины апельсиновые...
Обесилы Абиссинии...

«Подставляй-ка губы синие,
Ближе к молодцу садись».

Тексты стихотворений взяты из:
Чиннов И.В. Автограф. Холиок, 1984.

Виктору Емельянову

Душа становится далеким русским полем,
В калужский ветер превращается,
Бежит по лужам в тульском тусклом поле,
Ледком на Ладого ломается.

Душа становится рязанской вьюгой колкой,
Смоленской галкой в холоде полей,
И вологодской иволгой, и Волгой...
Соломинкой с коломенских полей.

* * *

Мы положим на чашу весов
Тонкий запах осенних лесов,

Серо-сизые краски реки
И в полях негустые дымки,
Журавлиный стрелчатый полет
И закат над туманом болот.

Мы положим с тобой на весы
Тишину в голубые часы,
Вечереющие облака,
Желтоватый огонь маяка,
Синеву, окружившую мост,
И мерцание маленьких звезд.
Мы положим с тобой на весы
Лунный отблеск речной полосы,
Понемногу сходящей на нет;
И уже проступавший рассвет,
Легкий ветер в осоке сырой,
След лазури над белой горой,
Засиявшую каплю росы –
Все положим с тобой на весы.

Лепесток в озаренном пруду
И от лодки в пруду борозду,
И зыбучую тень от листка
Над полуденным жаром песка
И – «ау!» молодых голосов –
Все положим на чашу весов.

* * *

Шиндра шиндара,
Транду трандара,
Фар, фар, фар, фар, фар, фар,
фар, фар, ферт.

Александр Сумароков

Случайно случившийся случай. Смешки!
Поэта взяли за жабры.
Все мелочи, глупости, все пустяки:
Детали абракадабры.
Да, в тарара-Бумбии нашей – ребят
Жуют без соли убийцы.
Затарара-бумбили, милый, тебя
Та-ра, тарара-бумбийцы.

Но это же лучший из всех миров,
Забудем про чушь и муки.
На днях прилетала стая коров
На свадьбу слона и мухи.
Ах, все замечательно! Видишь – опять
Зима, а за ней что? Осень?
Давайте считать, что дважды два пять,
Точнее, семь или восемь.

* * *

Дни мои, бедная горсточка риса...
Быстро клюет их серая птица.
Мелкий стеклярус кустов барбариса
К позднему утру весь испарится.
Осень. Валяется блеклая слива
В грязных остатках бывшего ливня.
Как ей в грязи тускловатой тоскливо!
Если б могла – она бы завывала.
Ну, а солдатом (а пули-то низко)
В луже валяться? Страшно и склизко.
В черном болоте, как черная крыса...
Дни мои, бедная горсточка риса.

* * *

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны.

Тредиаковский

В Россию – ветром – строчки занесет...
Эх, эмигрантские поэты!
Не ветром, а песком нас – занесет.
И стаю строчек у глухих ворот
Засыплет временем – бесчувственным, как лед,
Как злые зимние рассветы.
Засыплет нас... Но вдруг – раскопки?.. Лес, толпа,
Осина бьется на опушке
И возле черепков слепые черепа,
Как позабытые игрушки.
Протертый череп отражает свет,
А ребра – как рога оленя.
И мелкий щебень радостей и бед

Биограф зачерпнет (зачем, не надо, нет!)
На черном дне реки забвенья.
Но тот, который был когда-то я,
Судом потомства, может стать,
В уютном уголке небытия
Не станет интересоваться.

* * *

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Марина Цветаева

За тридевять небес твоя хата с краю.
Яблоня от яблока далеко-далеко.
Душа, аукнись! Судьба, откликнись!
Сам аукну, сам и откликнусь.
Пить или не пить? – спрашивал Гамлет.
Вольному рай, а пьяному воля.
Мели, Емеля, на мель мы сели.
Все перемелется, мука будет.
Улита поедет, ветер залает.
Собака уносит, когда-то будет?
За морем телушка, душка, полушка.
С миру по мышке, голому кошка.

Текст стихотворения взят из:
Чиннов И.В. Антитеза. Колледж Парк, 1979.

Я недавно коробку сардинок открыл.
В ней лежал человечек и мирно курил.
«Ну, а где же сардинки?» – спросил его я.
Он ответил: «Они в полноте бытия.
Да, в плероме, а может, в нирване они,
И над ними горят золотые огни,
Отражаясь в оливковом масле вот здесь,
И огнем золотым пропитался я весь».
Я метафору эту не мог разгадать.
Серебрила луна золотистую гладь.
И на скрипке играл голубой господин,
Под сурдинку играл он в коробке сардин,
Под сардинку играл – совершенно один.

Электронное издание

Составители:

к.ф.н. *О.В. Розинская* (отв. ред.), к.ф.н. *Т.Н. Белова*,
д.ф.н. *А.В. Злочевская*, к.ф.н. *Т.Я. Орлова*, д.ф.н. *А.Г. Шешкен*

ПОЭЗИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ХРЕСТОМАТИЯ

Оригинал-макет

А.М. Егоров

В оформлении использована репродукция картины К. Шемёса

Издательство Московского университета

2016

